

Продается:

НѢМЦЫ И ДУНАЙ.

ЖУРНАЛЬ СЕВАСТОПОЛЯ.

ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА.

О ПРИМИРЕНИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ
РИМСКОЮ.

Печатаюся:

НАРАМЗИЦЪ И СПЕРАНСКІЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА
РОСТОПЧИНА.

801-93
7434-9
RUSSKII ZAGRANICHNYI SBORNIK.
P 20
V 002

ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО
ДУХОВЕНСТВА.

IV.

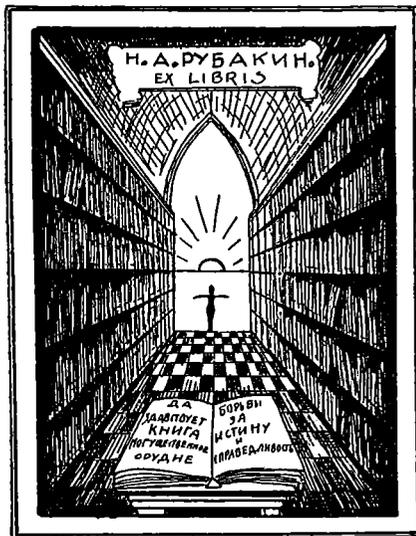
BERLIN, PARIS, LONDON,
A. ASHER & Co. A. FRANCK TRÜBNER & Co.
Rue Richelieu 67.
1858.

Государственная
библиотека имени
В. И. Ленина

114465-48

„Il y a en Russie un grand nombre de questions de la plus haute importance qui attendent une solution et qui appellent les méditations de tous les esprits sérieux. Mais, je n'hésite pas à le dire, de toutes ces questions, il n'en est pas une seule qui puisse rivaliser avec celle de l'éducation et de la formation du clergé. Donnez à la Russie un clergé digne de sa haute mission, et la Russie se place sans effort aux premiers rangs des nations chrétiennes; supposez, au contraire, un clergé sans science, sans indépendance, sans dévouement, sans zèle, sans considération, sans autorité; et les progrès mêmes que la Russie fera dans une civilisation toute matérielle, toute superficielle, deviendront pour elle la source de nouveaux dangers. Ainsi l'avenir de la Russie dépend de ce qui sera le clergé, et l'avenir du clergé dépend de l'éducation qu'on lui donnera, des soins que l'on prendra de l'initier à la science sacrée et de former en lui l'esprit sacerdotal. Par conséquent, l'avenir de la Russie est intimement lié à cette grande question des écoles ecclésiastiques.“

(De l'enseignement de la Théologie dans l'Eglise russe par le P. J. Gagarin; Paris 1856. p. 59.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Сельскіе іерей	1
Первоначальное образование:	
1. Квартиры	3
2. Училища	6
3. Училищныя начальства и учителя	9
4. Учение	16
Заключеніе	24
Семинарское образование	26
Квартиры	42
Хожденіе въ церковь	46
Заключеніе	51
А) Поступленіе на мѣста	53
В) Быть семейный	57
С) Средства жизни	68
Д) Отношенія іерей:	
а) Къ прихожанамъ — помѣщикамъ	81
къ крестьянамъ	89
б) Къ причту	92
в) Къ благочиннымъ	106
г) Къ Правленіямъ и Консисторіямъ	116

	Стран.
д) Къ епархіальнымъ архіереямъ	121
е) Къ раскольникамъ	128
Сельскіе іереи какъ проповѣдники въ со- борахъ	133
Награды	136
Общій взглядъ и заключеніе	145
Дополненія:	
I. Іереи уѣздныхъ городовъ	150
II. Еще нѣсколько словъ о семинарскомъ образованіи	152
III. Жалованіе іереямъ	154
IV. Необходимое объясненіе	162

СЕЛЬСКІЕ ІЕРЕИ.

*Ὁ ἐλέγγων ἀνθρώπων ὁδὸς χάριτας ἔξει μᾶλλον
τοῦ γλοσσοχαρῆ τῆτος.*

Пороци, 23. XXVIII.

Грустно и больно смотрѣть, до чего унижено и подавлено у насъ сельское духовенство, и тѣмъ болѣе грустно и больно, что оно само нѣкоторымъ образомъ подало и подаетъ поводъ къ этому, и не имѣетъ даже права сказать въ утешеніе себѣ: вся терпимъ Христа ради. Не такъ оно держитъ себя, чтобы возбуждать въ другихъ все необходимое благоговѣніе къ служенію своему, высокому и пренебесному, чтобы возражать въ насомыхъ имъ искреннюю, сердечную расположенность къ себѣ и ту любовь, крѣпкую яко смерть, которая неразрывно соединяло бы его съ паствою въ одномъ общемъ стремленіи — къ цѣли горняго званія.

Гдѣ причина этаго? Въ чемъ зло?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы прослѣдимъ жизнь сельскаго іерея съ лѣтъ его дѣтства. Это не будетъ слишкомъ изъ далека: въ жизни дѣйствительной человѣка лишь развивается то, что посѣяно, когда онъ приготовлялся или его приготовляли къ этой жизни; и то, что такъ глубоко унизило сельское духовенство есть неизбѣжное послѣдствіе его

образования. Конечно, и послѣ такого образования человѣкъ, поставленный въ иныхъ условіяхъ могъ бы сдѣлаться совершенно инымъ; но условія, въ которыхъ поставлено сельское духовенство, именно какъ-будто нарочно придуманы, чтобы зло расло, развивалось и приносило свои горькіе плоды.

Выскажемъ, не обинуясь, всю правду, но-лишь одну правду; и да востыжетъ насъ Господь на судѣ своемъ страшномъ, если мы осмѣлимся сказать хоть одно слово лжи.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

1. Квартиры.

Будемъ преимущественно имѣть въ виду дѣтей священниковъ. — Каковъ бы ни былъ священникъ въ своей служебной жизни, но ни одинъ не захочетъ видѣть дѣтей своихъ испорченными физически или нравственно, и каждый, безъ исключенія, заботится о нихъ, пока они у него на глазахъ. Говоримъ безъ малѣйшаго опасенія, чтобы насъ обличили въ преувеличенія. Мальчику приходитъ время учиться, и вотъ его привезли въ уѣздный или губернскій городъ. Прежде всего ему нужна квартира.

Весьма не много такихъ священниковъ (изо ста два-три не больше), которые имѣютъ средства поставить сына на квартиру къ хорошему чиновнику, купцу и надежному священнику; большая часть ищетъ квартиры возможно дешевѣйшей и особенно, когда у священника уже учатся два-три сына, что не рѣдкость. Гдѣ жъ эти квартиры? У мещанина-полунищаго, отставнаго солдата, вдовы, промышляющей Богъ-знаетъ чѣмъ и какъ, причетника (городской причетникъ почти всегда равняется мещанину полунищему). И подъ надзоръ и храненіе этому люту вручается мальчикъ

осьми-девяти лѣтъ! Чтожъ онъ видитъ въ своей квартирѣ? Отвратительную нищету, неразлучные спутники которой: грязь, грубость — до звѣрства, самые страшные пороки, которыхъ даже не считаютъ и нужнымъ скрывать. И вотъ первыя впечатленія мальчика, — первыя, которыя по свидѣтельству всѣхъ опытныхъ людей остаются неизгладимыми! Еще, еслибъ онъ только видѣлъ; нѣтъ, его заставляютъ быть орудіемъ и даже участникомъ разныхъ мерзостей; посылаютъ въ кабакъ за водкой, воровать щель или дровъ, когда печь истопить нечѣмъ и пр.; больше — его поставляютъ въ необходимость самому прибѣгать къ разнымъ преступнымъ продѣлкамъ; такъ: истребивъ для себя въ двѣ-три недѣли все, что было привезено мальчику на цѣлую треть, они кормятъ его хлѣбомъ и щами, на которыя и смотрѣть страшно; что дѣлать ему, всегда голодному? Если онъ робокъ, то въ одну треть дѣлается скелетомъ; если смѣлъ, то воруетъ или промышленяетъ подобными средствами. Не дальше какъ прошедшей зимой въ городѣ N. мы видѣли слѣдующее: часовъ въ шесть вечера, — а это было въ декабрскіе лютые морозы, на паперти одной церкви ученикъ лѣтъ десяти страшно трясется отъ холоду и горько плачетъ. — Что съ тобой? Чемъ ты плачешь! — Боюсь идти на квартиру. — Отчего? — Да хозяйка утромъ послала за водкой, а ужъ пора была идти въ классъ, я и ушелъ; пришелъ объдать, она меня исколотила, прогнала да и сказала, что вечеромъ еще и не то будетъ. — Отправляемся къ хозяйкѣ; то была вдова послѣ подьячаго, лѣтъ еще очень молодыхъ, но упившаяся сильно. Объясниться съ человѣкомъ въ такомъ состояніи, и особенно съ пьяной бабой было не возможно, и мы сочли лучшимъ объяснить все это инспектору. Что жъ? На всѣ наши

объясненія и просьбы, чтобы онъ избавилъ мальчиковъ отъ такой губельной жизни, онъ отвѣтилъ только не ваше дѣло, не суйтесь туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ. По собраннымъ послѣ свидѣніямъ оказалось, что эта, съ утра до ночи пьяная, баба состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ инспектора, и что мальчики ставятся къ ней по его личному приказанію и не иначе, какъ дѣти очень достаточныхъ отцевъ и пр. И несчастныхъ мальчиковъ у ней квартируютъ шестеро! — Подобные случаи дѣло самое обыкновенное во всѣхъ и губернскихъ городахъ.

Привзжаетъ мальчикъ домой, и родители не узнаютъ его, — такъ онъ измѣнился физически и нравственно; переводятъ на другую квартиру, — и только изъ одного мута перетаскиваютъ въ другой. Если прибавимъ къ этому, что мальчики почти всегда страдаютъ отъ наложныхъ болѣзней (преимущественно распространены во всѣхъ училищахъ. Phthiasis, Lichen, Therminus, Favus, Scabies) и что даже иногда заражаются такими болѣзнями, о которыхъ даже и говорить срамно и страшно, — то можно будетъ составить ясное понятіе о квартирахъ учениковъ духовныхъ училищъ.

Отъ всѣхъ этихъ язвъ, физическихъ и нравственныхъ, не спасаются и тѣ, которые стоятъ на лучшихъ квартирахъ: они заражаются отъ зараженныхъ уже товарищей, и имѣютъ лишь то преимущество, что для нихъ берутся хоть какія-нибудь средства противъ этого, и зло не развивается такъ быстро и неудержимо.

И вотъ подъ какими губельными вліяніями проводитъ мальчики цѣлыхъ шесть лучшихъ и важнѣйшихъ лѣтъ своей жизни! Правда, время отъ времени берутъ ихъ домой родители, но что самые любящіе,

самые умные родители успѣютъ сдѣлать какихъ-нибудь въ двѣ и даже шесть вакантныхъ недѣль? Успѣютъ развѣ замечить какую-нибудь болѣзнь физическую, не болѣе; а язву нравственную, которая развивается годами, не вырвешь днями. Притомъ мальчики, пользуясь губительными примѣрами, скоро приобретаютъ навѣкъ — скрывать язвы нравственныя. Конечно, и въ этомъ какъ и во всемъ, есть исключенія; но, какъ исключенія, они рѣдки: нужна слишкомъ счастливая организація мальчика, чтобы не увлечься дурными примѣрами, которые у него всегда передъ глазами; а много ли всегда найдется такихъ мальчиковъ?

Скажутъ: „есть училищное начальство, которое должно смотрѣть за всемъ этимъ.“ — Должно, конечно; но едва ли гдѣ больше забывается и смѣлѣе пренебрегается должное, чѣмъ у тѣхъ, которымъ ввѣрена какая-либо власть среди духовенства. Квартиры — это оброчная статья смотрителя и инспектора училищъ. Взявши тѣмъ или другимъ съ хозяина или хозяйки, за тѣмъ они предоставляютъ имъ полную волю и свободу надъ мальчиками.

2. Училища.

Еще не такъ заразительно дѣйствовали бы на мальчика грязь и все дурное, все растлѣвающее душу на квартирѣ, еслибъ всему этому было противодѣйствіе въ училищѣ; но нѣтъ, къ ничѣмъ непоправимому несчастію, въ училищѣ онъ не видитъ ничего добраго: тамъ грязь, такія же лица, враждебныя ему, лишь въ другой формѣ, поразительно страшныя беспорядки, различнаго рода и вида.

Что такое зданія училищныя? По большей части трудно было бы угадать, для чего эти зданія тому

кто видитъ ихъ въ первый разъ. Это не казармы, не конюшни, не хлѣвы, — нѣтъ хуже всего этого. Большею частію это еледержащіяся, при безчисленныхъ подпоркахъ, остатки чего-то, въ незапамятныя времена строенаго, въ которыхъ вѣтеръ гуляетъ со всей свободой, куда проникаетъ дождь самый не большой, гдѣ накаплиются цѣлыя сугробы снегу. А если, что однакожь чрезвычайная рѣдкость, стѣны цѣлы и даже крѣпки и сквозъ нихъ не проникаетъ ни дождь, то все таки ученикамъ не многимъ лучше и въ такомъ училищѣ. Мыть или мести полы считается самую непростительную роскошью; а на случай приѣзда архіерея ихъ посыпаютъ пескомъ да можжухой и — только. Топить училища, хоть безъ сомнѣнія на это отпускаются нужныя суммы, не считаютъ нужнымъ, еслибъ даже зимы были такъ жестоки, какъ напр. въ прошедшемъ году. Училищныя комнаты до того тѣсны, что ученики буквально сидятъ въ тискахъ. Зимой нанесенный на ногахъ снѣгъ и занесенный мятелами отъ спершагося воздуха растаяваетъ, на полу образуется грязь, и весь классъ дѣлается болотомъ. И въ такихъ-то зданіяхъ учится юношество, изъ котораго въ послѣдствіи должны быть іереи и даже архіереи! . . . Изъ грязныхъ квартиръ переходятъ ученики въ еще болѣе грязныя классы! Но тамъ, въ квартирахъ, по крайней мѣрѣ тепло; здѣсь же имъ нужно кутаться въ двѣ-три одежды, чтобы не замерзнуть. И что же? Когда всѣ усядутся и воздухъ сопрется, дѣлается нестерпимо душно; между тѣмъ какъ ноги, неизбежно погруженныя въ болото, забнутъ до того что наконецъ совсѣмъ коченѣютъ; и по окончаніи класса видишь, что ученики идутъ точно на костыляхъ. — Но какъ же переносить все это ученики? Съ здоровьемъ отъ природы слабымъ — гибнуть; съ здоровьемъ крѣпкимъ —

отдѣляются горячками или другими болѣзнями.*) Могутъ - атому неповѣрить. Но пусть посмотрятъ уѣздныя училища въ губерніяхъ: Московской, Ярославской Тверской, Владимирской (о другихъ не знаемъ а въ этихъ, состояніе училищъ намъ хорошо извѣстно) и — повѣрятъ. А если угодно, то вотъ доказательство, противъ котораго, надѣмся, нечего будетъ сказать. „Взглянемъ на свѣтское училище, говоритъ одинъ ученый обозрѣватель сѣверной части Россіи о Божеуѣ, а показать духовное училище не хотѣлось почтенному смотрителю, потому что домъ очень ветхъ.**) И смотритель съ своей стороны былъ правъ, — показать наши училища человѣку свѣтскому невозможно; лишь архипастырей нашихъ могутъ непоражать они. Что слышалъ этотъ обозрѣватель въ Бѣжеуѣ, то-же бы услышалъ вездѣ — отназь показать училище. А для повѣрки того, каково въ этихъ училищахъ зимой, пусть кто-либо изъ любопытства заглянетъ въ нихъ; самый терпѣливый не пробудетъ получаса, потому что его оглушить непрерываемый концертъ изъ кашлю и хрипѣнія, его голова закружится отъ спершагося гнилаго воздуха, его обоняніе не вынесетъ атмосферы, переполненной азотомъ.

Не ужели духовное начальство не принимаетъ ни какихъ средствъ къ улучшеніямъ? Нельзя сказать этого: упадетъ потолокъ, — оно распорядится поста-

*) Въ декабрѣ прошедшаго года морозы доходили до 30 г. Въ городѣ N. училище (каменное) во всю зиму не протопилось ни разу. Слѣдствіе этого: въ одномъ декабрѣ умерло до 30 учениковъ; цѣлую треть ихъ спасли лишь тѣмъ, что успѣли взять во время по домамъ; двѣ трети получили цынгу. Въ настоящую зиму тоже.

**) Москв., 1848 г. N. 12, отд. 1. стр. 112.

вить подпорку; рухнетъ полъ, — оно прикажетъ сдѣлать новый переводъ; покачнутся стѣны, тутъ поставить три или четыре подпорки.

О, какъ грустно, какъ больно, невыносимо больно дѣлается, когда вспомнишь о дѣйствіяхъ высшаго духовенства въ иныхъ земляхъ и сравнишь его съ нашимъ! У нашихъ — ни малѣйшей заботы объ образованіи даже того сословія, въ главѣ котораго стоятъ они сами, съ которымъ неразрывно, хотя и противуестественно, соединены они! Валкъ училище имъ и дѣла нѣтъ; не то чтобы пожертвовать изъ собственности, которая Богъ знаетъ идетъ куда, даже и похлопотать — то о необходимыхъ улучшеніяхъ не хотятъ! И то сказать: чужихъ дѣтей ни жалко; еслибъ ихъ дѣти учились въ духовныхъ училищахъ, — безъ сомнѣнія не допустили бы они до того, что теперь есть.

3. Училищныя начальства и Учителя.

Съ содроганіемъ сердца приступаемъ къ изображенію этихъ лицъ, которымъ безусловно, безгранично родители передаютъ своихъ дѣтей, — лучшее, что есть у нихъ въ жизни. Нѣчто несодѣянное, неслышанное невообразимое, а между тѣмъ до послѣдней буквы справедливое, — сему свидѣтель самъ Господь, — расскажемъ мы.

Прежде всего, — у насъ назначаются въ учителя не тѣ ученики, которые выкажутъ болѣе способностей къ педагогическимъ занятіямъ, или болѣе знакомы съ тѣми предметами, которые имъ нужно преподавать; а или тѣ, которые имѣютъ случай и деньги, или тѣ; которые, въ спискѣ учениковъ занимаютъ высшее мѣсто. О первыхъ нечего говорить; и пос-

лѣдніе занимають высшіе мѣста не за знаніе тѣхъ предметовъ, которые нужны въ училищѣ, а за успѣхи, преимущественно въ богословіи, такъ что не рѣдко хорошо успѣвшій въ этомъ предметѣ, по гречески съ трудомъ можетъ даже и читать. И чтожь? При назначеніи кончившаго курсъ ученика въ учителя на это не обращается ни малѣйшаго вниманія. Чтобы поступить въ гражданское уѣздное училище, кромѣ полного гимназическаго курса, требуется выдержать экзаменъ преимущественно изъ того предмета, на который кто хочетъ поступить, и даже теперь экзаменъ въ Университетѣ. У насъ-нѣтъ ничего подобнаго: ученикъ просится въ учителя, нерѣдко и необозначая куда и на какой предметъ, и его опредѣляютъ, куда и какъ придется, не спрашивая даже изъ любопытства, имѣеть ли онъ какое-нибудь понятіе объ этомъ предметѣ. Результатъ такого распоряженія понятенъ: большинство учителей въ духовныхъ училищахъ состоятъ изъ глубочайшихъ невѣждъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія едва знакомы они съ начатками преподаваемаго предмета. Еще это зло могло бы нѣсколько поправятся, еслибъ учителя на всегда оставались учителями: сколько нужда, столько же и долготѣнная практика сколько-нибудь ознакомили бы ихъ съ дѣломъ; а то каждый смотритъ, какъ бы скорѣе выйти во священника, и не считаетъ нужнымъ заняться усильно своимъ предметомъ, зная, что тамъ — на мѣстѣ онъ для него рѣшительно бесполезенъ. И дѣйствительно, прослужить онъ лѣтъ пять и даже десять безъ малѣйшей пользы для учениковъ и — выходитъ; его мѣсто занимаетъ такой же ученикъ съ такими же познаніями и съ такими же цѣлями, и такъ идетъ вся исторія училищнаго ученія.

Одну способность только показываетъ болшая

часть учителей — обирать деньги. Зло это всюду пустило глубокіе корни; но нигдѣ оно не обнаруживается такъ неболезненно, такъ нагло, съ такими страшными притязаніями, какъ въ духовныхъ училищахъ, въ духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ. Приводятъ мальчика въ училище; отецъ долженъ его явить смотрителю и пятерымъ учителямъ. Явить-значитъ принести деньги. При этомъ случаѣ отъ бѣдѣйшаго причетника требуется не менѣе двухъ руб. сер. смотрителю, и не менѣе рубля на каждого учителя. Священникъ долженъ представить въ четверо или по крайней мѣрѣ въ трое. Мы сказали: требуется и долженъ; такъ — тутъ не произволь ихъ, и не средства, которыми они могутъ располагать, опредѣляютъ суму взноса, а воля того, къ кому приносятся деньги. И напрасны тутъ просьбы, напрасны даже слезы: кто стоитъ на одномъ, что не въ силахъ дать требуемаго, тотъ выгоняется въ толчи; а что послѣдуетъ за тѣмъ, увидимъ дальше. Также исторія повторяется послѣ святокъ, послѣ Пасхи, послѣ ваканта, — непрерывно во все продолженіе курса. Но зачѣмъ же даютъ? За тѣмъ, что горе тому мальчику, отецъ котораго когда-либо не выплатилъ назначеннаго: мечь жестокая, неумолпмая, звѣрзкая, преслѣдуетъ его съ утра до ночи на каждомъ шагу. Истязаніямъ несчастнаго, — и какимъ страшнымъ истязаніямъ! . . . нѣтъ ни конца ни мѣры. Скажемъ одно: въ одинъ и тотъ же день отъ двоихъ-учителей ученику случается вытерпѣть до 200 розогъ, самыхъ непощадныхъ, потому что учитель стоитъ тутъ же и кричитъ: больше, больше! Свѣкуцій изъ учениковъ, хорошо знаетъ, что за малѣйшее послабленіе ему грозитъ тоже казнь, и потому напрягаетъ всѣ силы удовлетворить учителя. И этого мало: ученика,

едва вставшаго съ полу, учитель хлещеть-рукой, книгой, чѣмъ пришлось, по ушамъ, по головѣ, по щекамъ, вырываетъ у него цѣлые клочья волосъ и пр. и пр. И это на недѣль повторяется два, три раза. Жаловаться смотрителю ученики не смѣютъ и думать; за жалобой неизбѣжно слѣдуетъ наказаніе отъ смотрителя, — не палачу учителю, а тому же ученику. Въ дѣлѣ грабежа они дѣйствуютъ общими силами и поддерживаютъ одинъ другаго. И кому же эти казни? Мальчику — отъ 8 до 14 лѣтъ! Тутъ ни сколько не помогаютъ ни добрые усилія, ни прекрасное поведение: отъявленный негодяй пользуется и лаской и привѣтомъ отъ всѣхъ, если отецъ его и поитъ смотрителя съ учителями всегда до упаду, и тащитъ имъ всего — отъ денегъ и до яицъ, обильно; прекраснѣйшій мальчикъ, но сынъ бѣднаго отца, засѣнается, — именно засѣнается. Не дальше. какъ два года назадъ N училищѣ двѣнадцати лѣтняго мальчика, такимъ образомъ наказаннаго и не за вину, а за то, что отецъ его не привелъ учителю корову, который тотъ требовалъ, принесла на рукахъ домой, и онъ на другой же день померъ. И это дѣло не рѣдкое. Почему же несчастный отецъ не жаловался? И почему не жалуются вообще на разбой и грабежъ учителей и смотрителей? Скажемъ дальше.

И численными поборами еще не конецъ. Это все только по мелочамъ. Самый главный при переводѣ изъ одного класса въ другой и особенно въ семинарію. Вотъ напр., какъ это дѣлается. Въ 1855 году изъ . . . аго училища; за мѣсяцъ до экзаменовъ, всѣ ученики были разосланы по домамъ съ строжайшимъ приказаніемъ: принести по столько-то (смотритель самъ назначилъ по сколько), съ предостереженіемъ таковымъ: кто принесетъ меньше назначеннаго,

тотъ будетъ оставленъ; кто совсѣмъ не принесетъ, — будетъ исключенъ. Высшая цифра (на долю многихъ священниковъ) была назначена 50 р. сер., низшая (на долю бѣднѣйшихъ причетниковъ) 5 р. — Что было дѣлать отцамъ? Не представить назначеннаго, — угроза исполнится безъ сомнѣнія, и сыновей или исключать, — а куда дѣться съ мальчикомъ въ такія лѣта? — или оставить въ томъ же классѣ, — а чего стоитъ лишнихъ два года пробить ученику въ одномъ и томъ же классѣ, не говоря уже о неизбѣжной мести? — и нѣкоторые, преимущественно отцы негодяевъ поспѣшили исполнить требуемое. Большая же часть, особенно же тѣ, которые рѣшительно не имѣли возможности прислать назначенную сумму, или рассчитывали на то, что дѣти ихъ вполне достойны перевода, явились къ смотрителю. Здѣсь начались торги, и нѣкоторымъ сдѣланы уступки; тѣ же, которые осмѣлились ничего не заплатить и даже пригрозить жалобой, выгнаны отъ смотрителя со срамомъ. — Какой же конецъ? Дѣти первыхъ переведены, дѣти послѣднихъ или оставлены, или исключены.

Нашлись, однако же, которые въ самомъ дѣлѣ принесли жалобу семинарскому правленію. Чтожъ? Смотрителя вызваны для объясненія, (объясненія, когда нужно было сдѣлать строжайшее изслѣдованіе! Такъ у насъ и всегда: попадетъ какой нибудь бѣднякъ, его задавятъ слѣдствіями; надѣлаютъ всѣхъ мерзостей человекъ денежный, его вызовутъ въ губернской городъ. — для чего, понятно; тѣмъ все дѣло и кончается.) Какъ и что онъ объяснялъ, неизвѣстно; но при спокойно возвратился въ свой городъ и смѣлѣе прежняго продолжаетъ свои дѣйствія.

Теперь о жалобахъ. Почему не жалуются? Вотъ напр., отецъ засѣннаго мальчика пріѣхалъ въ городъ

и въ самомъ дѣлѣ приготовилъ жалобу; но у него учатся еще два сына; принесши жалобу, нужно было бы сей-часъ же взять ихъ изъ училища, иначе и имъ была-бы не лучшая судьба; а онъ и въ своемъ-то городѣ едва можетъ содержать ихъ, — куда же бы онъ ихъ дѣлъ? Подумалъ, поплакалъ, погоревалъ и отдалъ на судъ Божій. Вотъ, напр., лѣтъ тому десять, жестокости смотрителя и инспектора . . . аго училища сдѣлались до того невыносимыми, что ученики стали бѣгать изъ училища. Принесли жалобу семинарскому правленію. Дѣло весьма важное; поѣхалъ изслѣдовать его самъ ректоръ семинаріи. Что-жъ онъ сдѣлалъ? Провелъ цѣлую недѣлю у смотрителя, не выходя изъ комнаты, — а что дѣлалъ, Богъ знаетъ; за тѣмъ явился въ училище, пересѣкъ жесточайшимъ образомъ учениковъ и донесъ, что ученики взбунтовались и что онъ прекратилъ бунтъ . . . Взбунтовались-мальчики отъ 8 до 14 лѣтъ, даже и отцы которыхъ, подъ жесточайшей тираніей, при милліонахъ несправедливостей, несмѣютъ и помыслить о чемъ либо подобномъ! . . . Случилось даже однажды, что профессоръ, посланный въ . . . рное училище, честно произвелъ слѣдствіе и обноружилъ всѣ мерзости смотрителя и учителей? Что-жъ вышло изъ этого? Смотритель успѣшилъ побывать у ректора семинаріи и у писмоводителя архіерея, — велѣно переслѣдовать. Понятно, что новое слѣдствіе вполне оправдало виновныхъ. Слѣдователя вытѣснили изъ семинаріи съ дурнымъ аттестатомъ. Кто-жъ осмѣлится послѣ этого производить слѣдствіе строго-справедливо? Къ чему же, значить, и жалобы? И еще ли послѣ этого спросить: почему не жалуются?

Предположимъ даже, что жалоба принесенная академическому правленію, что пріѣхалъ проиввести изслѣ-

дованіе честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, и что (самое важное условіе) онъ можетъ, не опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій, открыть правду. Что онъ будетъ дѣлать? Допрашивать учениковъ? Но развѣ не съумѣютъ за ранѣ запугать мальчиковъ? Развѣ осмѣлятся они, при оѣциальномъ допросѣ, высказать, что-либо, еще не зная что не останутся у нихъ смотритель и учителя тѣже? Развѣ осмѣлятся даже отцы ихъ, при такомъ же допросѣ, высказать что либо, вполне убѣжденные, что за это достанется дѣтямъ ихъ, если не въ училищѣ такъ въ семинаріи. (На нашихъ глазахъ было: профессоръ риторики, — теперь каедральный протоерей, — жесточайшимъ образомъ гналъ весьма хорошаго ученика единственно за то, что отецъ его обличилъ смотрителя въ утайкѣ и хищеніи жалованья бѣднымъ ученикамъ; не прошло почти класса, чтобы не обращался къ ученику съ словами: „а отецъ твой клеузникъ, доносы пишетъ; значить и ты такой же негодяй, такая же гадъ, такой же разбойникъ“ и прочее, что срамно писать; наконецъ добился-таки что этого ученика исключили); а еще можетъ достаться и имъ самимъ? Но предположимъ наконецъ, что всѣ осмѣлились, и виновные наказаны; что же? Явятся другіе и будутъ продолжать тоже, какъ и во всѣхъ другихъ училищахъ, ни на волосъ не измѣнять своихъ дѣйствій разчитывая, и весьма вѣроятно, что не всякій же разъ будутъ жаловаться, и не всякій разъ будутъ пріѣзжать подобные слѣдователи.

Нѣтъ, никакая частная жалоба не поправитъ дѣла!

А пусть бы если не во всѣ, то хоть въ большую часть училищъ были назначены ревизоры, и — свѣтскіе всенепремѣнно свѣтскіе, преимущественно изъ не-

давно кончившимъ курсъ университета; пусть бы они пожили въ городѣ недѣли двѣ-три, отнюдь не объявляя, кто они, спрашивали учениковъ въ квартирахъ, на улицахъ; пусть бы послѣ этого заглянули разъ пять въ училища во все время дня, особенно до классовъ и въ концѣ классовъ, одѣвшись какъ можно хуже (*conditio, sine qua non*); пусть бы внимательно всмотрѣлись во все — отъ физиономіи учителей и до ихъ обращенія съ учениками, до ихъ способа преподаванія; пусть бы наконецъ, какъ простые путешественники, побывали по селамъ и пораспросили отцевъ видѣнныхъ или учениковъ о томъ, каково учился ихъ дѣтямъ и какъ ведутся дѣла въ училищахъ; — пусть бы только это сдѣлалось! . . .

О, тогда увидѣли бы и узнали бы все, что такое наши училища! Тогда до послѣдней буквы оправдалось бы все сказанное нами; дальше, — тогда узнали бы и то, чего еще и сказать мы не осмѣлились! . . .

Тогда, и только тогда, изучивъ въ основаніи зло, можно бы вырвать его съ корнемъ. До тѣхъ же поръ, чтобы ни дѣлалъ, все по пустому; до тѣхъ поръ сама благія распоряженія не принесутъ ни какой пользы.

4. Ученіе.

Скажемъ сначала — чему, и потомъ — какъ учить въ духовныхъ училищахъ.

Главный и важнѣйшій предметъ ученія, на который обращается исключительное вниманіе — латинскій языкъ. Корнелій Непотъ — мѣрило умственныхъ способностей и успѣховъ учениковъ; и сколько усилій, сколько истязаній, чтобы вбить въ головы уче-

никовъ этого вѣчнаго кошмара ихъ; сколько слезами, и какими слезами обливается онъ каждый курсъ!

Странное и непонятное явленіе, возможное только въ образованіи Русскаго духовенства: въ главу образованія будущаго сельскаго іерея ставится языкъ мертвый, который для дѣйствительной его жизни будетъ столько же полезенъ какъ и языкъ санскритскій! Чтобы быть добрымъ пастыремъ, прежде всего надобно быть латинистомъ; безъ этого ему никогда не бывать пастыремъ, потому что безъ знанія, въ настоящее время совершенно ничтожнаго и поверхностнаго, латыни его никогда не переведутъ изъ училища въ семинарію! . . . Цѣлые шесть лѣтъ мальчикъ убиваетъ свои способности на изученіе языка, который забудетъ въ первые же два года своего священства, потому что во всю свою жизнь ему не придется встрѣтиться ни съ одной буквой этого языка! Понятно было бы еслибъ его учили съ такимъ же вниманіемъ славянскимъ нарѣчіямъ, — это было бы прекраснымъ подготовленіемъ для его будущаго служенія; обладая знаніемъ этихъ нарѣчій, онъ не становился бы въ тупикъ передъ мужикомъ — начетчикомъ при его вопросахъ; понятно было бы, еслибъ его заставляли изучать Четь-Минею: каждый урокъ былъ бы для него матеріаломъ будущихъ собесѣдованій съ прихожанами, не говоря уже о томъ, какое благодѣтельное вліяніе произвело бы это изученіе на юную душу и сердце; а то — заставляютъ забивать голову какимъ нибудь Алкивиадомъ, Кимомъ и т. п., да еще и на языкѣ чуждомъ! Чего ждать отъ такого образованія въ основаніе котораго кладется совершенно бесполезная для сельскаго іерея латынь? Да и можно ли назвать это образованіемъ? —

Скажутъ: но знаніе латинскаго языка необходимо

для тѣхъ, которые впоследствии должны поступить въ академію. Такъ; но много ли поступающихъ въ академію? Обыкновенно: изъ ста 2—5 человекъ; а прямо въ эперхіальное вѣдомство поступаетъ 70—80 человекъ. Съ которой же цифрой должна бы сообразоваться программа образованія? Безъ сомнѣнія съ послѣдней; а между тѣмъ на дѣлѣ на оборотъ. Значитъ для цѣлыхъ 30 человекъ шесть важнѣйшихъ лѣтъ пропадаютъ рѣшительно даромъ и для дѣйствительной жизни не готовятъ ничего полезнаго.

Говорятъ: изученіе языковъ развиваетъ мыслящую способность и прочее въ родѣ этого. Положимъ что это правда; но ужъ конечно не пошлое, нелѣпое, мертвое изученіе, каково въ духовныхъ училищахъ. А почему-жъ бы не изучать языки: нѣмецкій, французскій или англійскій? Знаніе этихъ языковъ было бы въ двойнѣ полезно сельскому священнику: любознательный имѣлъ бы подъ руками средства продолжать свое образованіе и на мѣстѣ; потому что въ каждомъ уездѣ найдется два-три помѣщика, у которыхъ есть бібліотека изъ книгъ того или другаго языка; имѣющій нужду въ средствахъ жизни, — а какой священникъ не имѣетъ въ нихъ нужды? — могъ бы приобрести ихъ путемъ чистымъ и честнымъ, — именно давать уроки въ домахъ помѣщиковъ. И кромѣ личной пользы для священниковъ, какаго безконечная польза вытекала бы изъ этихъ уроковъ для самаго ихъ служенія! Имъ они сблизились бы съ помѣщиками и имѣли бы непрерывное благое вліяніе на ихъ бытъ семейный, такъ глубоко разтравившійся въ послѣднее время; посредствомъ ихъ они воспитали бы иное дворянское поколѣніе въ духѣ строго православномъ, не то что какіе нибудь выходцы съ Запада, всегда посѣвующіе въ воспитываемыхъ ими презрѣніе ко всему

Русскому вообще и къ Православію въ особенности*). „Но въ семинаріяхъ преподаются языки нѣмецкій и французскій.“ О, лучше бы совсѣмъ не преподавать, чѣмъ такъ преподавать! . . . При томъ языки нѣмецкій и французскій нужно преподавать съ самыхъ юныхъ лѣтъ, чтобы это послужило къ чему нибудь. Но о преподаваніи ихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Второй предметъ, который также считается главнымъ, хотя и не такъ важнымъ, какъ латынь, языкъ греческій. Не говоря уже о томъ, что онъ вездѣ безъ исключенія преподается весьма дурно, (положительно и смѣло говоримъ что ни одинъ учитель этого языка, на всемъ пространствѣ Руси, не имѣетъ на столько знанія въ немъ, чтобы понять и опредѣлить, чѣмъ отличается языкъ писаній преп. Макарія Египетскаго отъ языка сочиненій Златоустаго; объ Гомерѣ, Гезіодѣ и т. п. мы уже и не говоримъ), — какаго польза отъ него для будущаго священника, еслибы онъ преподавался даже и какъ должно, и онъ изучилъ его въ совершенствѣ? „Онъ можетъ изучать Св. Писаніе на этомъ языкѣ, читать творенія Греческихъ отцевъ церкви.“ А гдѣ, въ какомъ селѣ найдется, — объ отцахъ церкви, такъ рѣдкихъ и дорогихъ, и говорить нечего, — гдѣ найдется хоть одна буква этого языка? Ни гдѣ. Значитъ и этотъ языкъ онъ учитъ единственно для того, чтобы забыть. И для этого онъ не дожидается окончанія семинарскаго курса, а спѣшитъ забыть его даже въ семинаріи. Для повѣрки сказаннаго пусть въ любой семинаріи спросятъ окончивающихъ курсъ учениковъ, и вотъ окажется:

*) Антогонисты изученія новыхъ языковъ въ семинаріяхъ не видятъ всего этого, и какъ видѣть? Стоятъ слышномъ высоко. Не то сказали бы они, еслибы сами побыли сельскими іереями.

изо ста 5—10 могут едва сносно перевести что либо изъ хрестоматіи; 10—20 съумѣютъ отличить одну часть рѣчи отъ другой; остальные не въ состояніи даже и читать книгъ — печати старинной.

Далѣе слѣдуютъ — катихизисъ и священная исторія. И вотъ то, что должно быть положено въ главу угла всякаго образованія, занимаетъ лишь третью степень; и гдѣ жь? Въ духовныхъ училищахъ! Могутъ не повѣрить, да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить; но пусть только справятся съ чего начинаются экзамены въ семинаріяхъ для учениковъ поступающихъ изъ училищъ, и сколько для чего посвящается времени, и убѣдятся, что даже въ семинаріяхъ на катихизисъ и св. исторію смотрятъ какъ на предметы весьма не невысокаго значенія. Такъ они и преподаются въ училищахъ. Все дѣло ограничивается тѣмъ, что ученика заставляютъ зубрить и зубрить. Онъ зубритъ, почти всегда непонимая того, что зубрить и особенно текстовъ. Ни въ душу же его ни въ сердце не проникаютъ ни одна благодатная мысль, ни одно святое чувство, ни одинъ высокій порывъ. Онъ заучилъ, что должно и что не должно, но безъ всякаго внутренняго сознанія; въ 13—14 лѣтъ онъ не умѣетъ дать себѣ отчета, — почему это должно, а это — нѣтъ; отчего? оттого, что онъ училъ катихизисъ, какъ и все прочее; давали работу одной только памяти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, чтобы разшевелить его сердце, вѣдрить въ немъ свѣтъ истины и увлечь на путь добра.

Далѣе — грамматика русская. Не говоримъ уже объ величайшей нелѣпости, какая можетъ быть допущена лишь только въ духовныхъ училищахъ, считать мертвые языки главными предметами преподава-

нія, а живой своей, родной чуть — чуть не послѣднимъ, — грамматика русская у насъ въ жалкомъ положеніи. Ученики тоже зубрятъ правила, не понимая ни духа, ни механизма языка. Отъ этого не только въ училищахъ, даже въ семинаріяхъ правописание камень преткновенія для многихъ. Что это не преувеличеніе, пусть повѣрятъ въ любой семинаріи; пусть прочтутъ какое либо писаніе какого либо сельскаго священника, который ограничилъ свое образованіе лишь тѣмъ, что получилъ въ семинаріи.

Прочіе предметы, которые не считаются ни главными, ни даже второстепенными, а чѣмъ-то въ родѣ дополненія, преподаются еще слабѣе.

Потное пѣніе, то дикое, антимузыкальное пѣніе, которое услаждало нашихъ предковъ въ часы разгула, преподается съ особенною заботливостію. Нѣтъ нужды, что большая часть изъ того, надъ чѣмъ бьются ученики, уже не въ употребленіи не только въ сельскихъ, но даже и въ самыхъ монастыряхъ; нѣтъ нужды, что взамѣнъ этого допотопнаго обихода правительство издало — книги пѣнія, такъ называемаго придворнаго, этого простаго, но приспособленнаго къ духу нашего служенія пѣнія, которое одинаково поразительно-хорошо, исполняется ли цѣлымъ хоромъ или однимъ причетникомъ, лишь бы исполнялось вѣрно и поющіе или поющіе имѣли стройные, хорошо упрямляемые голоса. — На пѣніе придворное не обращается ни малѣйшаго вниманія, а убиваютъ время на обиходы и октоихи.

Теперь скажемъ — какъ учатъ въ духовныхъ училищахъ. Мы замѣтили выше, что учениковъ заставляютъ зубрить; именно — все училищное ученіе, по самой строгой справедливости, можно назвать наукой зубренія. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго

вниманія на способности ученика: „выучить отъ N. до N.“, гласить учитель; а о томъ, для всѣхъ ли это возможно, у него и помышленія нѣтъ; а о томъ, чтобы облегчить какъ нибудь трудъ того кого Богъ не награждаетъ легко воспринимающею памѣтью, у него никогда заботы нѣтъ. Приходитъ время отдавать уроки: не многіе приготовили, большая часть нѣтъ. Изъ неприготовившихъ одни сдѣлали это отъ лѣни и шалости другіе отъ недостатка способностей. И что жъ? Учитель не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда — повѣрить дѣйствія своихъ учениковъ: и легче и удобнѣе наказать всѣхъ; и онъ наказываетъ на всей своей волѣ. Какое же слѣдствіе этого? Прилежный но малоспособный, бичуемый одинаково съ лентяемъ и шалуномъ, въ свою очередь бросаетъ всѣ труды и дѣлается лѣнтяемъ. Не все ли равно думаетъ онъ, быть наказаннымъ, — пробьюсь ли я всю ночь и не выучу, или вовсе не буду учить? Такимъ образомъ изъ мальчика, который при терпѣливомъ, кроткомъ и заботливомъ направленіи своихъ способностей, могъ бы сдѣлаться хорошей ученикъ, дѣлается неисправимый лѣнтяй. Напрасно погибаетъ въ немъ и то не многое, что даровалъ ему Господь; погибаетъ и всякая энергія къ труду. Случается и не рѣдко, такіе переводятся въ семинарію и даже оканчиваютъ курсъ; но всѣ семинарскія задачи работаютъ для нихъ другими; остальное восполняется приношеніями отеческими. Вотъ почему не рѣдкость видѣть ученика семинаріи въ состояніи совершеннаго бездѣйствія — тѣлеснаго и душевнаго; онъ сидитъ или лежитъ въ продолженіи многихъ часовъ съ полусонными глазами, безъ заботъ, тревогъ, думъ; его не волнуетъ и не шевелитъ ни тѣнь мысли!

Далѣе почти цѣлая половина училищнаго време-

ни употребляется на такъ называемыя конструкціи. Что это за операціи, считаемъ нужнымъ пояснить. Диктуютъ сначала что-нибудь на русскомъ языкѣ, и потомъ надъ каждымъ словомъ назначаютъ латинское или греческое слово въ первоначальной его формѣ. Ученики должны грамматически измѣнить формы ихъ, чтобы образовалась мысль соотвѣтственно съ тѣмъ, что написано на русскомъ языкѣ. Цѣль всей этой операціи,*) — должна же быть цѣль въ самыхъ бессмысленныхъ дѣйствіяхъ, — вѣроятно та, чтобы приучить ученика къ переводамъ съ русскаго на латинскій и греческій языки. Но для чего же все это будущему іерею? Положимъ, чего никогда не можетъ быть, онъ совершенно успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и прекрасно переводить на который либо языкъ; но какаю же изъ этого польза для него? Къ чему и для чего ему это умѣнье? Что онъ переводить будетъ, и для кого и для чего? — И вотъ, съ невольною, невыно-

*) Вотъ какъ образованнѣйшіе педагоги разсуждаютъ объ этомъ. „Вы услышите въ школахъ, что при чтеніи латинскихъ писателей (а у насъ и не при чтеніи, а просто выдернуть откуда-нибудь клокъ, безъ связи, нерѣдко безъ смысла, исказить его нелѣпнѣйшимъ переводомъ на русскій языкъ и заставляютъ искажать еще болѣе перетаскиваніемъ обратнымъ) заставляютъ отыскивать латинскую конструкцію. Вотъ еще новый способъ губить дарованія, потемнять свѣтлый отъ природы умъ.“ (Давидовъ. Объ изученіи Латин. яз. Москв. 1842 года ч. VI. стр. 343). И этимъ способомъ — губить дарованія въ духовныхъ училищахъ душатъ мальчика почти каждодневно въ училище и въ праздники на квартирахъ!... Ужъ если, мудрые педагоги наши, не въ состояніи понимать дѣла, то хоть бы читали, какъ судятъ объ этомъ люди, глаголю бо изучившіе педагогику; такъ и этого не хотятъ дѣлать!!...

спомою грустью должно сказать: когда все и вездѣ движется впередъ, мы одни стоимъ на той же точкѣ, на которую поставили часъ Поляки, первые наши учителя. Не только предметы, которые они считали главными, и до селѣ у насъ считаются такими же, даже методъ преподаванія сохранился неизмѣннымъ; даже средства — заставить мальчика учиться, эти убійственныя для всякаго успѣха средства: страхъ и казни, — остались неизмѣнными, не смотря на видима преобразованія духовныхъ училищъ. Преобразованія — громкое слово; но что же преобразовано? Введены нѣкоторые предметы, которымъ не учились отцы и дѣды наши; классы, вмѣсто фарты, инфимы и пр., стали называться: высшее, среднее, низшее отдѣленіе; и только? — Да не обинуясь скажемъ: только!! Сдѣланы виѣшнія, и то самыя ничтожныя преобразованія; внутреннее же его значеніе тоже, что было въ прошедшія вѣка. Скажемъ больше: настоящее наше образованіе безконечно ниже, ничтожнѣе того, какое получали отцы и дѣды наши: они знали хоть что-нибудь, но знали основательно; изъ училищъ выходили прекрасные латинисты; теперь же, что знаютъ основательно ученики училищъ и семинарій? Ничего, ни даже латыни! —

И вотъ ученикъ кончилъ училищный курсъ и, такъ или иначе, переходитъ въ семинарію. Какой же запасъ вынесъ онъ изъ училища для дѣйствительной жизни? Ничаго! Почти все, на что онъ употребилъ шесть лѣтъ, ни къ чему: все училъ онъ для того, чтобы скорѣе или медленнѣе забыть. Не убиты ли значитъ вполне и всецѣло эти лучшіе годы жизни?

Ради чего жъ онъ вытерпѣлъ столько наказаній, перенесъ столько мукъ, пролилъ столько слезъ? И еще, еслибъ эти годы были только убиты, сгибанъ безъ пользы; нѣтъ, въ теченіи ихъ глубоко заронилось въ юную, воспримчивую душу семя зла. Что онъ видѣлъ постоянно въ квартирѣ своей? Грязь и порокъ. Что онъ видѣлъ въ училищѣ? Ту же грязь. Что видѣлъ въ начальникахъ и учителяхъ? Злыхъ и жестокихъ наемниковъ, единственная цѣль дѣйствій которыхъ — грабежъ, смѣлый, непреслѣдуемый и неназываемый; видѣлъ, что для учителя, часто не трезваго, не существуютъ ни законъ, ни правда, ни совесть: что онъ безнаказанно казнить и милуетъ, и что единственное средство избавиться отъ козней — давать деньги, какъ можно болѣе денегъ или пнаго чего; — вотъ что неотступно передъ глазами его было цѣлыхъ шесть лѣтъ! . . . Мудрено и взрослому продышать цѣлыхъ шесть лѣтъ въ такой губительной атмосферѣ и не заразиться; чего же хотѣтъ и ждать отъ мальчика? И весь страшно заражается онъ. Грубѣетъ и испождается его нравственное чувство. Безъ отвращенія смотритъ онъ на самый грубый развратъ. Съ нимъ безумно жестоки, — ожесточается онъ; съ его отца выжимаютъ деньги, — выжимаетъ и онъ, если только имѣетъ возможность, если напр.: онъ аудиторъ или старшій. Словомъ, въ немъ отражается все дурное, что только было въ квартирахъ и училищѣ. И вотъ основной камень его образованія, которое должно приготовить изъ него будущаго служителя православной церкви! Исключенія встрѣчаются, и послѣ такого губительнаго начала вырастаютъ добрые ученики, которыхъ видно самъ Господь хранить; но къ несчастію, такіа исключенія рѣдки. О вы, слѣпые судьи чужихъ дѣлъ! Такъ безпощадно преслѣдуете вы и насмѣшкой и

презрѣніемъ несчастныхъ іереевъ; но еслибъ провести васъ сквозь этотъ омутъ, что зовется нашимъ образованіемъ. — Богъ знаетъ, вышли-ль бы вы чпще, были-ли бы вы лучше въ жизни! . . .

Не поправитъ ли дѣла семинарія? Не вырветъ ли она зла съ корнемъ? — А вотъ увидимъ.

СЕМИНАРСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Цѣль всякаго спеціальнаго образованія — приготовить достойныхъ людей къ тому или другому роду службы. Чѣмъ выше эта служба, тѣмъ строже должна быть обсуждена программа этого образованія; въ составъ ея должно входить лишь то, что прямо ведетъ къ предполагаемой цѣли, что самымъ дѣломъ изъ мальчика можетъ сдѣлать достойнаго дѣятеля на предполагаемомъ ему жизненномъ пути. Пусть такое образованіе будетъ далеко не энциклопедическое; что нужно? Было бы оно прочно, было бы оно такъ поведено и направлено, чтобы образующійся заранѣе всей душой и всѣмъ сердцемъ полюбилъ будущее свое дѣло, всѣмъ существомъ своимъ предался ему такъ, чтобы въ послѣдствіи ни что не могло отвлечь отъ него; пусть онъ заранѣе ознакомился бы со всѣми сторонами своего дѣла, изучилъ бы тѣ способы, которые вѣрнѣе и надежнѣе могутъ вести къ успѣху и довольно. Такъ образованный будетъ дѣлательмъ полезнымъ.

Что служеніе священническое на столько же выше всѣхъ службъ гражданскихъ, на сколько небо выше земли, вѣчность выше временнаго, противъ этого, надѣемся, никто не станетъ спорить. Значитъ и программа образованія тѣхъ, которые готовятся къ этому служенію, должна быть обсуждена строжайшимъ об-

разомъ. Въ кругъ этого образованія должно быть введено лишь то, что предуготовитъ ихъ — быть вѣрными, ревностными и неуносительными служителями Христа, провозвѣстниками Его спасительнаго ученія и неуспяными стражами Его стада. Все прочее можетъ быть только допущено по, столько сколько содѣйствуетъ главной цѣли.

Смотримъ на программу семинарскаго образованія. — и что же видимъ? Богословіе, Философія, Риторика, Математика, Физика, Агрономія, Медицина и. пр. и. пр. Что же къ чему готовятся изучающіе все это? Если-бъ дать прочесть эту программу иностранцу, то онъ рѣшительно сталъ бы въ тупикъ, особенно когда бы увидѣлъ, что какъ на изученіе богословія полагается два года, такъ и философіи и риторикѣ. Ясно, что изъ ученика семинаріи хотятъ сдѣлать немножко богослова, немножко философа, немножко ритора, агронома, медика. А что должно выходить по суду здраваго смысла и по свидѣтельству опыта на самомъ дѣлѣ? Да ровно ничего. Въ дѣлѣ образованія всѣ немножко весьма близко граничатъ съ ничѣмъ; и чѣмъ болѣе этихъ немножко, какъ напр. въ семинаріяхъ, тѣмъ вѣрнѣе сумма всего образованія сложится въ количество близкое къ нулю. Такъ и выходитъ изъ ученика семинаріи — ни богословъ, ни философъ, ни агрономъ, ни медикъ! . . . Всѣ преподаваемые науки смутно проносятся передъ очами его неустоявагося самосознанія, потому что всѣ преподаются лишь въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ; въ душѣ его не остается никакого живаго чувства: въ немъ не рождается ни влеченія, ни привязанности ни къ одной наукѣ, потому что онъ не ознакомился, какъ должно, ни съ одной. Кажется, не разумная воля управлять всѣмъ его образованіемъ, а слѣпая

судьба; по крайней мѣрѣ, въ весь семинарскій курсъ не одинъ ученикъ не мотъ дать себѣ отчета: къ чему готовится онъ? — И по окончаніи курса онъ не имѣеть особеннаго влеченія ни къ чему: онъ готовъ быть священникомъ, учителемъ, подьячимъ, — всѣмъ чѣмъ угодно. Чтожъ это за образованіе?

Но если нелѣпа и бессмысленна программа семинарскаго образованія, то еще нелѣпѣе, еще бессмысленнѣе идетъ самое дѣло образованія. Невольно думаешь: не устроено ли все намѣренно такимъ образомъ, чтобы изъ учениковъ семинаріи приготовить полныхъ невѣждъ — съ огромными претензіями? Начнемъ съ начальниковъ и наставниковъ.

Главное лице въ семинаріи, имѣющее обширнѣйшее вліяніе на учениковъ — ректоръ семинаріи, всегда монахъ. Странность ни чѣмъ необъяснимая: главнымъ двигателемъ и наблюдателемъ надъ образованіемъ юношества, большая часть котораго предуготовляется въ сельскіе іереи, назначается лице, на всегда отчуждившійся отъ міра и всѣхъ его волненій и всѣхъ его требованій, лице, по крайней мѣрѣ, по идеѣ, умершее всему живущему въ этой плачевной юдоли, что завется земля. Онъ всегда магистръ, т. е. ученый, — пусть даже ученѣйшій мужъ; но что-жъ такая отвлеченная ученость для дѣйствительной жизни? Славнѣйшіе мудрецы — развѣ не всегда дѣти въ дѣлѣ житейской мудрости? Гдѣ жъ изучилъ ее, эту неуловимую ни какимъ умомъ, а лишь познаваемую опытомъ мудрость онъ — магистръ и даже докторъ богословія? Не въ стѣнахъ же академіи и того или другаго монастыря, гдѣ онъ начальникъ; да и не могъ, еслибъ хотѣлъ изучить ее. Здѣсь въ дѣйствительной жизни все: и высочайшій подвигъ добра и

порокъ во всей наготѣ своей, и ангелы небесные и демоны преисподней, развѣ можно (т. е. позволено и должно) монаху окунуться въ этотъ омутъ? А если нельзя, то какое жъ понятіе его объ жизни? Еще, если бѣ большинство этого юношества предуготовлялось для жизни аскетической, тогда ректоръ — монахъ было бы явленіе понятное; а то — юношество, готовящееся на борьбу съ плотію и кровію, съ обязательною властью князя пренебеснаго и съ міромъ возлѣ лежащимъ, — что узнаеть это юношество объ вѣрныхъ и надежныхъ средствахъ вести успѣшно эту борьбу изъ самыхъ ученыхъ, но лишь теоретическихъ, уроковъ своего ректора? Пѣтъ, руководителемъ образованія будущихъ іереевъ долженъ быть самъ іерей, не столько ученый, сколько искусившійся въ жизни, самъ испытавшій все, что ждетъ его учениковъ на будущемъ тяжкомъ ихъ поприще. Пусть не передаетъ онъ всѣхъ схоластическихъ тонкостей богословія; но покажетъ многообразное, безконечно различное, часто поразительно — рѣзкое, еще чаще едва замѣтное, едва уловимое дѣйствіе страстей человѣческихъ; но научитъ ратовать противъ нихъ: это неоцѣнимый, ни чѣмъ не замѣнимый даже огромнѣйшими курсами богословія, запасъ для будущаго іерея! Мы уже не говоримъ о томъ, что ректоръ — монахъ, въ годы самаго страшнаго дѣйствія страстей въ человѣкѣ, свободно располагающей своимъ временемъ и большими средствами, нерѣдко примѣромъ своимъ убиваетъ и то не много, доброе, что успѣеть передать словомъ; не говоримъ до канихъ погибельныхъ крайностей иногда доходить это . . . Пусть кому угодно и кому нужно пройдутъ изъ конца въ конецъ Россію и внимательно прислушаются, что говорятъ объ ректорахъ семинарій, — див-

ныя вещи слышать, конечно не вездѣ, а во многихъ, многихъ мѣстахъ! . . .

Наставники въ семинаріи большею частью магистры; не смотря на то рѣдко приносятъ они всю ту пользу дѣлу образованія, которую должны бы принести. Причиной этого тотъ порядокъ, который ведется при назначеніи профессоровъ. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго вниманія на способности ихъ педагогическія: кончилъ курсъ академіи и — достаточно, будь профессоромъ, хоть бы въ устной рѣчи не умѣлъ связать двухъ словъ толкомъ. Кромѣ того, большею частью назначаются не на тѣ предметы, въ которыхъ кто сильнѣе, а на первые, которые представляются занятыми въ какой либо семинаріи, хоть бы они объ нихъ не имѣли никакого понятія. Словомъ, при назначеніи профессоровъ ни особенныхъ испытаній ни пробныхъ лекцій, какъ это въ заведеніяхъ; а просто предоставляется на волю судьбы. Знатокъ напр., математикъ толкнула судьба на классъ философіи, которую онъ знаетъ и понимаетъ сколько и будущіе его ученики, и — будь профессоромъ — философомъ; съ особеннымъ успѣхомъ занимавшагося философій толкнула судьба на классъ математикъ, совершенно ему чуждой, и — преподавай ее! . . . Бываетъ и то: студентъ академіи прошелъ весь курсъ и не вынесъ ничего; и что жъ? И его посылаютъ наставникомъ на какой-нибудь предметъ второстепенный; прослужить онъ года три-четыре, — видятъ, что нестерпимо — плохо преподаетъ (плохо по семинарски, на общечеловѣческомъ языкѣ равняется чистѣйшему нулю), — его толкнутъ на другой предметъ, тамъ на третій; такъ и толкаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ или выйдетъ во священника, или дослужится до пансіона . . . Послѣ такихъ мудрыхъ распоряжковъ, каково-жъ

должно идти самое преподаваніе? О, еслибъ люди истинно образованные послушали, что и какъ преподается въ семинаріяхъ! . . . Не знаемъ, какое чувство сильнѣе овладѣло бы ими: смѣха ли на эту жалкую и пошлую карикатуру образованія; скорби ли объ этомъ несчастномъ юношествѣ, Богъ знаетъ за что, осужденныхъ на неисходное невѣжество; негодованія ли, что время и силы и трудъ учениковъ гибнутъ рѣшительно даромъ; отвращенія ли къ монахамъ, которые, забравши все въ свои руки, цѣлю всѣхъ своихъ дѣйствій имѣютъ: деньги, удовлетвореніе своихъ страстей — отъ тщеславія и до . . ., а о благѣ вѣранныхъ имъ помышляютъ менѣе, чѣмъ о какомъ-нибудь наукомъ . . . Но знаемъ, что хладнокровно они не въ состояніи были бы оставить семинарію, узнавши каково тамъ преподаваніе; такъ хорошо, усердно, плодотворно, завлекательно оно все — отъ богословія до Еврейскаго языка включительно.

Возьмемъ напр.: Богословіе, эту науку изъ наукъ, важнѣйшее изъ знаній человѣческихъ, краеугольный камень его образованія, его жизни. Холодно, безучастно, безжизненно читаетъ профессоръ свою лекцію, — какой-нибудь отрывокъ изъ записокъ академическихъ, или переводъ, съ грѣхомъ пополамъ, изъ какого-нибудь германскаго и лютеранскаго богослова: холодно и безучастно слушаютъ ее и не знаютъ какъ дожидаться конца. Профессоръ приказываетъ ее заучить; худо или хорошо ее заучиваютъ, — тѣмъ и все дѣло оканчивается. Слѣдовательно, заставляютъ работать лишь память, а о томъ, чтобы ученіе божественное и спасительное взволновало всю душу, неизгладимо врѣзалось въ сердца, претворилось въ плоть и кровь учениковъ, — о томъ и не помышляютъ. Какія же слѣдствія этого? Ученики и на богословіе смотрятъ какъ и на

всякую другую науку, т. е. какъ на тяжелое бремя, отъ котораго не знаютъ, какъ избавиться. Заученное они помнятъ только пока въ семинаріи; прожили годъ-другой на мѣстѣ — и все забыто, и не одного догмата не съумѣютъ они объяснить удовлетворительно, и о цѣломъ курсѣ богословія у нихъ сохраняется темное воспоминаніе, что вотъ Н. Н. читалъ что-то. Самое нравственное богословіе также лишь заучивается и ни сколько не прилагается къ жизни; сухо и мертво говорятъ: обязанности къ Богу такія-то, къ ближнему такія-то; говорятъ такъ, какъ сказали бы: была Семипраида, жилъ Астіагъ, до которыхъ никому дѣла нѣтъ. Отъ-этого ученикъ, выслушавшій утромъ лекцію о недѣланіи чего либо, вечеромъ дѣлаетъ именно это самое. Попался, его слышатъ наказатъ, не взявши на себя ни малѣйшаго труда пробудить въ немъ сознаніе въ чернотѣ своего поступка, и объяснить ему всѣ гибельныя послѣдствія подобныхъ поступковъ въ жизни. И наказанный жалѣетъ не о томъ, что сдѣлалъ дурное, а о томъ, что не съ умѣлъ скрыть сдѣланнаго. И привыкаетъ хитрить, лгать и обманывать всѣми средствами и мѣрами. Скажутъ: „Это преувеличено; есть ученики прекраснѣйшей нравственности.“ Да, бываютъ, — изъ ста человѣкъ другой — третій, но не семинарскому образованію обязаны они тѣмъ, а или тому, что къ счастью воспитываются на глазахъ отца, или природному влеченію къ добру. — Преувеличено? Нѣтъ, не скажете этого тотъ, кто самъ прошелъ семинарскій курсъ, и кто захочетъ сказать правду передъ Богомъ и совѣстью. Отъ архіерея и до послѣдняго инспектора семинаріи — у всѣхъ забота одна, чтобы ученики трепетали передъ ними; а чтобы приобрести ихъ довѣренность, любовь, дѣтскую покорность, чтобы ученики съ полною откровен-

ностию открывали свою душу передъ ними, какъ передъ любимыми родителями, о томъ ни у кого никогда не бываетъ помысла. Вслѣдствіе этого каждый поступокъ ученика неизбежно влечетъ за собою казнь, если онъ обнаруженъ; а чтобы разобрать, взвѣсить значеніе этого поступка, чтобы опредѣлить — намѣренный онъ или нѣтъ, развращенное ли сердце или увлеченіе неопытной молодости причина его, и сообразно съ этимъ одному назначить физическое наказаніе, для другаго удовольствоваться строгимъ выговоромъ передъ товарищами, или отеческимъ совѣтомъ въ кабинетѣ, — это дѣло небывалое въ семинаріяхъ. „Казни всѣхъ безпощадно, лучше будутъ бояться.“ — Вотъ система семинарскаго управленія. А кому неизвѣстно, что послѣднее дѣло — страхомъ казней останавливать человѣка отъ злыхъ проступковъ? Нѣтъ, пробудите въ немъ любовь къ добру, влеченіе къ чистой жизни, и — онъ будетъ добръ, и чиста будетъ жизнь его среди всѣхъ искушеній и соблазновъ. *Ἐγκλιτιστὸς κέῖν κατὰ τῆν ὁδὸν αἰτῆ, καί γε ὅταν ὑφάρσῃ, ἐκ ἀποήσεται ἀντ' αὐτῆ, —* *) а этого-то и нѣтъ въ семинаріяхъ! Чегоже ждать добраго отъ такого образованія? Юноша не привлеченъ къ добру; и сдѣлавшись мужемъ, въ какое званіе ни былъ бы поставленъ, онъ не понимаетъ и не цѣнитъ его, и легко и скоро привлекается ко всему злему, и страшно падаетъ, и безсиленъ возстать! Злое и дурное обращается ему въ привычку и дѣлается второй его природой.

Возьмемъ Философію. Смѣшно и горько видѣть, что и какъ преподается въ семинаріяхъ подъ этимъ

*) *Подоци*. XXII. 6. Въ Славянской Библии этотъ текстъ пропущенъ; смыслъ его: поставь юношу на путь его, и до старости онъ не сойдетъ съ его. *Ἐγκλιτιστὸς* — восстановление, укрепленіе, *instauratio*.

громкимъ названіемъ. Не заставляють учениковъ путемъ собственнаго мышленія искать истину; нѣтъ, а заставляютъ учить, еще иногда и на латинскомъ языкѣ, какую-нибудь нелѣпѣйшую компіляцію изъ quasi философовъ XVII и XVIII. вв., компіляцію, сдѣланную безъ толку, безъ смысла, изъ десяти разныхъ авторовъ, безконечно различныхъ между собою, кажимъ нибудь самодѣльнымъ философомъ профессоромъ. И бьются несчастные ученики надъ изученіемъ этой безтолковой и безцѣльной мудрости; заучивъ бойко отвѣчаютъ и на экзаменахъ; а въ существѣ дѣла ни въ состояніи дать себѣ отчета, — что это онѣ дѣлаютъ и для чего. Не вдумывался онъ самъ ни во что, потому что его заставляли учить и учить; учить букву, а не смыслъ, до того, что если онъ въ отвѣтъ одну фразу замѣнялъ другою, равносильною, то профессоръ, съ тетрадкою въ рукѣ, сей часъ же остонавливалъ его и приказывалъ отвѣчать какъ написано. И ни что не остовалось въ головѣ его; и на всю эту науку, даже среди самаго курса ея онъ смотрѣлъ какъ на что-то темное, непроницаемое, гдѣ нѣтъ Божьяго свѣта.

Говорить-ли о преподаваніи другихъ наукъ? Кажется, нѣтъ нужды. Если такъ преподаются тѣ, которые считаются главными, то понятно, какъ должны преподаваться второстепенныя. И ученики или совсѣмъ не ходятъ на эти классы и убиваютъ время на квартпрахъ за картами; или запасаются романами, и преспокойно, не обращая не малѣйшаго вниманія на профессора, развращаютъ свою душу чтеніемъ какаго-нибудь нелѣпѣйшаго произведенія французской школы. Скажемъ по нѣсколькимъ словъ объ недавно введенныхъ агрономіи и медицинѣ.

Прекрасно, по видимому, цѣль, съ которою вве-

дена агрономія; священникъ будетъ самъ земледѣльцемъ, не рутиннымъ а ученымъ, свое знаніе передаетъ и прихожанамъ, — и процвѣтетъ хозяйство, какъ его самаго, такъ и всей его паствы; на что лучше? И преподаватели уже вездѣ ученые, воспитанники образцовыхъ земледельческихъ школъ; пусть онѣ вездѣ не дѣлаютъ ничего и вся эта наука въ презрѣніи у самаго начальства; пусть ни одинъ изъ окончившихъ семинарскій курсъ не сумѣетъ отличить одной почвы отъ другой, мергилъ отъ гипса; нѣтъ нужды, была бы введена наука, и пусть она идетъ, какъ судьбѣ угодно. Но предположимъ, что судьба распорядилась именно такъ, что эта наука пошла прекрасно; въ самомъ ли дѣлѣ прекрасна цѣль, съ которою введена она? И можетъ ли быть она достигнута, т. е. священникъ будетъ агрономомъ образуемъ для своихъ прихожанъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы предложимъ еще нѣсколько вопросовъ. Къ чему готовится большинство учениковъ въ семинаріи? Не къ тому ли, чтобы быть іереями въ селахъ или городахъ? — Конечно, да. И не желаетъ ли начальство, чтобы эти ученики, впоследствии, были іереями не по имени только, а самымъ дѣломъ, т. е. ревностно, неусыпно заботились о спасеніи душъ какъ своихъ, такъ и чужихъ, которые будутъ ввѣрены ихъ паствѣ? — Безъ сомнѣнія, да. — А если такъ, то не ужли не знаютъ, что священнику, на рукахъ котораго бываетъ отъ тысячи до двухъ съ половиною и болѣе душъ, мужскаго и женскаго пола, не много уже останется времени отъ главнаго его дѣла, на какия бы то ни было постороннія дѣла? Что мы сказали: не много останется времени? Да если священникъ понимаетъ, какъ должно, что за каждую душу нужно будетъ дать строжайшій отчетъ, то онъ найдетъ, что и двадцати четырехъ часовъ

въ сутки ему мало для того, чтобы — однихъ оберегать отъ соблазновъ, другихъ укреплять въ вѣрѣ, и добрѣ, — словомъ, вести всѣхъ къ цѣли горняго званія: до агрономіи ли тутъ? И поидеть ли она въ голову, когда — тутъ нужно совершать служенія, съ необходимыми приготовленіями къ нимъ, тутъ приготовить поученіе, тутъ съ пособіями и вещественными и духовными посѣтить болящаго, тутъ приготовить къ страшной минутѣ умпрающаго, тутъ примирить ссорящихся; — словомъ, каждую минуту быть всѣмъ вся, безъ чего онъ не будетъ іереемъ достойнымъ? Помѣщику управляющему возможно и должно быть агрономами, — это главная цѣль ихъ жизни; но священнику, настоящему а не такъ называемому только физически, невозможно. „Но владѣютъ же теперь священники землями и обдѣлываютъ ихъ.“ Къ величайшему несчастію, да. Какія слѣдствія этого, будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Одно можетъ быть только допущено, и то не какъ дѣло, а какъ отдыхъ отъ дѣла, такъ тревожныхъ и утомительныхъ для духа — садоводство. Значитъ, и прекрасно преподаваемая агрономія въ дѣйствительной жизни сельскаго іерея — ни къ чему: не она его званіе, не она его дѣло. Предположимъ однако же и то, чего не можетъ быть на дѣлѣ, что священникъ имѣетъ и время и страсть быть агрономомъ, да гдѣ же у него средства для этого? А какимъ нибудь чудомъ нашлись средства, такъ его полосы лежатъ среди полосъ причета; онъ бы хотѣлъ ввести что-нибудь новое и лучшее, такъ они не хотятъ, или не могутъ; тутъ что дѣлать? И видя и сознавая все дурное въ своемъ хозяйствѣ, онъ не въ состояніи измѣнить ничего; и ведетъ его, какъ вели отцы и дѣды, т. е. пересыпаетъ пзъ пустаго въ порожнее. Къ чему-жь было и учить его? — Пред-

видимъ и еще возроженіе: „не всѣ ученики поступятъ въ іерей; не нашедшіе мѣста могутъ поступить въ управляющіе. На основаніе этого можно-бъ ввести и еще сотни другихъ наукъ: могутъ поступить туда и туда; да только и теперь изъ-за столькихъ наукъ ученики не усвоиваютъ себя ни одной, ни даже главной; а тогда развѣ бы совсѣмъ съ ума свели. Не то нужно бы сдѣлать: учениковъ лишекъ сравнительно съ мѣстами и желаютъ обезпечить будущую судьбу ихъ, такъ пусть сдѣлаютъ строжайшую сортировку: однихъ оставляютъ въ семинаріи и готовятъ ихъ, но ужъ собственно, въ іереи, другихъ отправятъ въ земледельческія школы: тамъ они въ самомъ дѣлѣ приготовятся въ управляющіе, а ужъ ни какъ не въ семинаріи, т. е. каждый пусть готовится къ тому, чѣмъ быть долженъ, а отнюдь не ко всему.

Теперь объ Медицинѣ. Вотъ наука, которая должна идти въ семинаріяхъ объ руку съ главнымъ предметомъ, и которая извѣстна такъ только по имени, хотя и введена въ курсъ наукъ семинарскихъ. — Спаситель не только училъ но изцѣлялъ. Глубоко-знаменательный примѣръ! И на чтобы лучше этого примѣра, чтобы образовать настоящаго іерея? Такъ нѣтъ, нужно хитрить и мудровать; нужно ввести десятки наукъ, которыя рѣшительно не нужны ни для сельскаго іерея, ни для паствы его, и пренебрегать наукой, въ которой не стоитъ существенная необходимость и которая, какъ нельзя болѣе, полезна для іерея. По селеніямъ нѣтъ лекарей; отъ этого тамъ раздолье знахарямъ и ворожеямъ, этимъ губителямъ душъ и тѣлъ несчастныхъ крестьянъ, — губителямъ, достойнымъ всѣхъ наръ и козней; отъ этого тамъ гибнутъ иногда сотнями отъ такихъ болѣзней, которыя могли быть своевременными и умными мѣрами оставлены и совер-

шенно прекращены. Правда есть уездные врачи; но что одинъ врачъ на сотни тысячъ крестьянъ, изъ которыхъ состоятъ уезды? Будь онъ усерденъ, дѣятеленъ, какъ только вообразить можно, — ему физически не возможно посѣщать къ больнымъ во все концы уезда, который не рѣдко раскинутъ на пространство 300—500 верстъ. Но такой врачъ явленіе не бывалое въ уездныхъ городахъ. Все эти господа своему дѣлу предпочитаютъ спокойствіе, комфортъ, а не рѣдко и чарку. Живя постоянно въ городѣ, въ селенія они выѣзжаютъ не иначе, какъ на слѣдствія или къ паціентамъ помѣщикамъ. Дѣло невиданное и не слыханное, чтобы врачъ рѣшился поѣхать въ домъ крестьянина, хоть бы даже верстъ за пять отъ города. Даже въ своемъ домѣ за осмотръ, — всегда небрежный, немовѣрно грубый, больному они назначаютъ такое вознагражденіе, которое ужь никакъ не по силамъ крестьянамъ. А если прибавить къ этому рецептъ въ два, три и болѣе рублей (дешевыхъ рецептовъ не бываетъ) съ усѣхомъ весьма сомнительнымъ, то можно будетъ понять, почему крестьяне боятся врача не менѣе всякой болѣзни, и соглашаются терпеть самыя невыносимыя страданія, а не обращаясь за пособіями къ врачу. Чѣмъ поправить такое зло? — Одно средство: сдѣлать священника врачомъ, — настоящимъ врачомъ, а не поимени только. Пусть сдѣлаютъ это, и сколько благихъ, спасительныхъ послѣдствій выйдетъ изъ этого для крестьянъ! Находясь всегда въ кругу своей паствы, во время взять все нужныя мѣры противъ недуга; а ному неизвѣстно, что это во время весьма часто спасаетъ больнаго, и самыми ничтожными средствами? При недугѣ услаившимся, день за днемъ онъ можетъ слѣдить за развитіемъ его и бороться съ нимъ. Такъ, — это для паствы; а кромѣ

того, сколько прекрасныхъ и вѣрныхъ средствъ дадутъ ему для достиженія главной цѣли его служенія! Для врача тѣла всегда открыта душа болящаго; при слабости организма душа доступна всемъ впечатлѣніямъ, всемъ совѣтамъ и убѣжденіямъ. И вотъ бы когда, врачуя тѣло, священникъ насквозь бы проникъ въ душу пасомаго, на всегда отирывъ бы въ нее свободный доступъ для себя, легко могъ бы направить ее на путь спасенія и неуклонно вести по нему. Вотъ бы когда, возстановивъ болящаго съ одра болѣзни, могъ иногда потрясти всего внутреннаго чловѣка, а не во время машинальной, холодной послѣшней, безжизненной, какъ теперь, псовѣди. Врачъ тѣла, и въ одномъ и томъ же лицѣ врачъ души, — Отецъ Небесный, сколько добра, сколько добра — чистаго, высокаго, могло бы посѣщать это лице непрестанно во кругъ себя! . . . Благодарность, довѣренность и наконецъ любовь, — вотъ бы что соединило пастыря съ пасомыми; вотъ бы что лежало въ основаніи всѣхъ сношеній между ними, а не эта необходимость, противъ которой не рѣдко возмущаются крестьяне, — необходимость повѣнчать свадьбу, похоронить покойника и т. п. Но напрасно мы захотѣли бы описать всю пользу, которая вытекала бы изъ знанія сельскими священниками медицины; она выше всего, что можемъ сказать мы. И мы не преувеличиваемъ дѣла ни на волосъ. На опытъ мы видимъ, что такое священникъ-врачъ, и врачъ эмпирикъ, не только въ своемъ приходѣ, но и въ цѣломъ околоткѣ . . . Это общій совѣтникъ, другъ, къ которому обращаются за пособіями, даже въ страшнѣйшихъ болѣзняхъ душевныхъ. Что жъ было бы, еслибъ каждый священникъ былъ врачомъ настоящимъ?

Но возможно ли сдѣлать это? О весьма возмо-

жно, лишь бы захотѣли. Курсъ семинарскій шесть лѣтъ; пусть уничтожатъ науки бесполезныя и мало-полезныя для сельскаго іерей) реторику, философію, математику, агрономію, языки: греческій и еврейскій; исторію — и всеобщую и церковную, пусть сократятъ на половину, — все равно не знать ничего, проходятъ ли ее по общпривѣйшимъ или по кратчайшимъ учебникамъ и пр.) и этого времени совершенно достаточно, чтобы пройти полный курсъ медицины со всѣми привходящими къ ней науками. Но неприложнымъ условіемъ при этомъ должно быть слѣдующее: профессеры должны быть назначаемы начальствомъ академіи медицинскій съ самымъ строгимъ разборомъ; какъ они, такъ и самое преподаваніе должны быть подъ непосредственнымъ, строжайшимъ надзоромъ университетовъ или академіи; иначе все дѣло пойдетъ на выворотъ, не лучше теперешняго. Далѣе, — ученики окончившіе курсъ, должны держать экзамены отнюдь не въ семинаріяхъ, а въ тѣхъ же университетахъ, чѣмъ и будутъ повѣряться и знаніе дѣла и усердіе къ нему профессоровъ. Противъ этого могутъ сказать: „не всѣ-жъ имѣютъ средства добраться до столицъ и прожить тамъ нѣсколько времени.“ А суммы въ комитетахъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія на что скапливаются? Не лучше ль было бы употреблять ихъ на подобныя, безконечно полезныя дѣла? Наконецъ, въ поощреніе всѣхъ, получившимъ степень лекаря давать лучшія мѣста въ епархіяхъ. Могутъ сказать: „для всего этого нужны новые профессеры, нуженъ анатомическій музей; а гдѣ средства?“ Все этого нужно на первый разъ и весьма легко можетъ устроиться, лишь бы захотѣли устроить. Съ уничтоженіемъ не нужныхъ предметовъ уничтожатся и профессеры, теперь рѣшительно даромъ

получающіе жалованье; ихъ мѣстами заступятъ профессеры медицины. А что до нужныхъ аппаратовъ, то стоитъ подвергнуть строжайшему контролю суммы, назначаемыя на семинаріи, да по строже смотрѣть за экономами, и въ три, четыре года ихъ можно приобрести всѣ. А не это, такъ собрать съ церковей и монастырей (что для пнаго монастыря 1000 р. и для иной церкви 300—500? десятая часть годоваго дохода). Наконецъ, если и не это, то изъ милліона опытовъ видно, что наше правительство слишкомъ щедро на пожертвованія, отъ которыхъ можетъ произойти прямая польза для государства; нѣтъ сомнѣнія, что оно никогда не откажетъ въ пособіи и въ этомъ случаѣ. Развѣ распространеніе по селеніямъ возможно большаго числа врачей не прямая государственная польза? Здоровое народонаселеніе — сила государства. А теперь, при совершенномъ отсутствіи врачей, грустно и больно посмотрѣть на иное селеніе. Гдѣ крестьяне промышленные, и особенно промышленяющіе въ столицахъ, тамъ цѣлыя селенія заражены тѣмъ ужаснымъ недугомъ, который, убивая настоящее поколѣніе, передается и будущему. Такъ все можно устроить въ семинаріяхъ, лишь бы, повторяемъ захотѣли.

Объ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, преподаваемыхъ въ семинаріяхъ, и говорить нечего. Ихъ преподаютъ профессеры, не умѣющіе и читать (безъ малѣйшаго исключенія), и оттого ученики рѣшительно не занимаются ими. Значитъ, время назначенное на преподаваніе ихъ, пропущаетъ совершенно даромъ. Тоже должно сказать и объ языкѣ еврейскомъ. Языками латинскимъ и особенно греческимъ, ученики также не занимаются; и тутъ время пропущаетъ даромъ.

Тутъ даромъ, тамъ даромъ, такъ сколько же времени, которое ученики употребляютъ съ пользою для

себя въ семинаріи? Удивятся, если скажемъ, что не больше двухъ часовъ въ сутки. Но перестануть удивиться, когда мы прибавимъ, что профессоры, которые знаютъ, что ихъ предметами не занимаются, — жалуютъ въ классъ на 15, много на 30 минутъ; да и это короткое время употребляютъ не рѣдко на каіеніибудь пошлые разговоры, шутки и т. п. Даже профессора главныхъ предметовъ немного усерднѣе къ своему дѣлу: часъ изрѣдка съ четвертью, считается совершенно достаточнымъ для класса. Чѣмъ же занимаются ученики въ такіе продолжительные антракты? Пустѣйшей болтавней, чтеніемъ всякой гадости, какая подъ руку попала . . . Послѣ этого, извольте судить о суммѣ свѣденій, приобретаемыхъ учениками въ семинаріяхъ?

Что для будущаго сельскаго іерея семинарія, т. е. на сколько приготовляетъ его къ великому дѣлу паствы, мы видѣли; теперь посмотримъ, что для него квартиры. И для большей части учениковъ семинаріи, какъ и училищъ, квартиры — у бѣднѣйшаго мѣщанина, солдата, вдовы и подъячаго, т. е. люда весьма двусмысленной нравственности. Пусть они почти всегда занимаютъ по двое, по трое и больше, отдѣльныя комнатки; но столкновенія съ хозяевами непрестанныя и вліяніе ихъ на учениковъ неизбежно. Каково же должно быть вліяніе подобнаго человѣчества? Каковы должны быть послѣдствія этого вліянія для ученика, у котораго еще въ училищѣ нравственное чувство притуплено, душа загрязнена и весь онъ предрасположенъ къ воспріятію злаго? Страшныя и горькія послѣдствія!

Въ семинаріи, лишь только перемѣняются роли между учениками и хозяевами противъ училищъ: тамъ

ученики служили хозяевамъ, здѣсь хозяева служатъ ученикамъ . . . Видѣть ученика за трубкой, картами, водкой, — дѣло весьма обыкновенное; бываетъ и хуже, и до того худо, что и сказать нельзя. „Но не ужли семинарское начальство не смотритъ за этимъ?“ — Нѣтъ, есть инспекторъ, помощники его и старшіе. О старшихъ и говорить нечего: тѣже ученики, и всегда первые гости на каждой пирушкѣ. А инспекторъ и одинъ или два его помощника, — что жъ это на нѣсколько сотенъ человѣкъ? Посѣтить они разъ, два или три въ недѣлю ученика, и обыкновенно вечеромъ? все прочее время, и особенно ночи, онъ на полной свободѣ. Нѣтъ, не взглянуть нужно на ученика дватри раза, а не спускать съ него глазъ во все часы дня и ночи. А возможно ли это, когда ученики разбросаны по всемъ частямъ, улицамъ и переулкамъ города? Явно, нѣтъ; слѣдовательно не на квартирахъ бы должны жить ученики семинаріи; не въ этихъ омутахъ, заразныхъ и погубительныхъ, должны проводить свое время будущіе іереи, отъ которыхъ, для полученія этого высшаго и пренебеснаго сана, прежде всего требуется чистота тѣла, а въ одномъ общемъ корпусѣ, подъ непрестаннымъ и неусыпнымъ надзоромъ начальства. Юноша, и прекрасно направленный, такъ легко увлекается на заманчивый путь порока; нуженъ глазъ и глазъ, чтобы во время предохранить, остановить и удержать отъ паденія. Что жъ сказать объ юношѣ, который съ дѣтства окруженъ былъ заразительной атмосферой порока? И почему бы тѣмъ, которые сами прошли этимъ путемъ, слѣдовательно не могутъ не знать, сколько зла отъ квартиръ, и которые, сдѣлались архіереями, почему бы имъ не озаботиться о постройкѣ корпусовъ, гдѣ бы могли жить все ученики? Каждый отецъ съ ра-

достью платилъ бы за содержаніе своего сына въ корпусъ, лишь бы былъ увѣренъ, что тутъ надзоръ бдителейъ и въ содержаніи нѣтъ злоупотребленій. Квартиры, — это такой неотступный кошмаръ и для родителей, который давитъ ихъ ночью, не даетъ покоя и днемъ: боязнь естественная и понятная. — Но и здѣсь, какъ во всемъ, что нужно сдѣлать добраго и полезнаго для духовенства, отговора одна: „на устройство корпусовъ средствъ нѣтъ.“ Какъ! Когда Правительство не щадитъ милліоновъ на улучшение быта духовенства, вы говорите: „средствъ нѣтъ?“ Да попытались ли вы объяснить Правительству все зло, всю гибель отъ квартиръ, всю необходимость воспитываться ученикамъ подъ однимъ общимъ надзоромъ? Нѣтъ?? Такъ какъ же, въ оправданіе своей непростительной безпечности, вы ссылаетесь на недостатокъ средствъ? Вотъ — неусыпному о благѣ всѣхъ подданныхъ Правительству благоугодно было обезпечить сельское духовенство жалованьемъ: взошли-ль вы въ виды Правительства? ходатайствовались о томъ, что особенно нужно сельскому духовенству еще прежде жалованья? Ничего подобнаго не сдѣлано вами. Даже, — кто бы повѣрилъ? нашлись архипастыри, которые отвергли этотъ даръ царевъ, осмѣлились пререкать намѣренію Помазанника Божія, намѣренію, самимъ Богомъ внушенному — извлечь жалко-несчастное духовенство изъ тьмы бѣдствій, нуждъ и всего, что такъ унизило и подавило ихъ. „Сельскому духовенству не нужно жалованья,“ — изрекли они въ своей мудрой и благонамѣренной заботливости о насомыхъ. — „Не нужно жалованье,“ — т. е. сельское духовенство на вѣки вѣчныя должно остаться въ этомъ горькомъ, загнанномъ и безнадежномъ положеніи, въ какомъ было до селѣ (этимъ вы хотите навсегда

сохранить свою незаконную, нечестивую, ужасную власть надъ бѣлымъ духовенствомъ? вы не хотите и знать, обезпечивая свою тираннію, что есть Судья земли?); чтобы имѣть какія-нибудь средства жизни, вы осудили его на всегда прибѣгать къ этимъ незаконнымъ, постыднымъ, преступнымъ, презрѣннымъ поборамъ съ прихожанъ, что зовутся доходами, потому что иныхъ средствъ нѣтъ. „Ненужно жалованье,“ — вы-одинокіе, добровольно осудившіе себя на лишнія и монашескую скудость, давшіе строгій обѣтъ — совершеннаго нестяжанія, — заботливо собираете десятки и сотни тысячъ доходовъ въ годъ; этого мало; каждый монастырь для васъ аренда; и кромѣ всего этого вы не пренебрегаете и жалованьемъ; а на что бы вамъ все это? На столъ, на шелкъ, на бархатъ, на рясы изъ соболей, на обезпеченіе племянницъ и чадъ ихъ? . . . (о, до чего все извратилось въ Церкви православной! Сергій Преподобный, напр., знавшій дерюгу, и крашенину и тутъ же какой-нибудь N., чтобы не сказать выше, въ десятитысячной рясы! . . .) А сельскому іерею, живущему домомъ, имѣющему почти кстати, — не вѣтромъ навѣянныхъ племянницъ — а законное, Богомъ данное семейство въ десять и болѣе челоуѣкъ, воспитывающему два-три сына въ семнарип, имѣющему нужду отдать двухъ, трехъ и болѣе дочерей въ замужство — жалованье не нужно! . . . Онъ долженъ довольствоваться какой-нибудь сотней рублей въ годъ, и то собранныхъ съ нарушеніемъ — не говоримъ уже о законѣ и правдѣ, — всѣхъ даже приличій! Нѣтъ, это не макиавелизмъ только, а что-то такое до того злое, до того враждебное бѣлому духовенству, до того губительное для всей церкви, что мы и назвать не умѣемъ. . . .

Вотъ, еслибъ вы сказали, что прежде жалованья,

нужно перевоспитать духовенство, и кончить тѣмъ, съ чего теперь начинается, тогда видно бы было, что желаете добра своимъ пасомымъ, заботитесь о благѣ Церкви. — Да, не съ жалованья нужно начинать улучшения духовенства, а съ радикальнаго преобразованія всего его быта и, главное, его образованія. Безъ этого никакое жалованье не послужитъ ни къ чему. Этого мало: при такомъ искаженномъ, погибелномъ образованіи, какое теперь дается духовному юношеству, оно даже послужитъ во вредъ; въ рукахъ неумѣющихъ пользоваться имъ оно будетъ тѣмъ же, что огонь или ножъ въ рукахъ ребенка. Пусть прежде жалованья устроятъ корпуса, гдѣ бы всѣ ученики съ дѣтства и до окончанія курса воспитывались на счетъ казенный подъ непрерывнымъ надзоромъ испытанныхъ въ чистотѣ жизни и благонамѣренныхъ наставниковъ и начальниковъ. Мы сказали: на счетъ казенный, потому что только этимъ можетъ уравниваться положеніе духовенства между собою, — безъ чего невозможны зависть и послѣдствія ея; безъ этого, при всякомъ жалованьи, какъ и теперь, бездѣтный всегда будетъ богатъ, многосемейный будетъ бѣдствовать и страдать. Съ этого, повторяемъ, должно начаться улучшение духовенства, жалованьемъ же кончиться.

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ и объ важномъ злоупотребленіи, какое только можетъ быть допущено при образованіи юношества, готовящагося въ іереи — сельскіе, городскіе, столичныя, все равно. Ученики семинаріи обязаны ходить къ литургіи лишь только во дни воскресныя и великихъ праздниковъ. О какъ изъ этого одного видно, что программа образованія духовнаго юношества составлена не іереемъ Бога Вышняго!

И вотъ — курсъ ученія конченъ. Двѣнадцать, четырнадцать, а иногда и болѣе, лѣтъ тяжкихъ, тѣмъ болѣе тяжкихъ, что ученикъ занимался даже и главными предметами безъ охоты, безъ рвенія и безъ увлеченія, а по одной крайней необходимости, — худо или хорошо прожиты имъ. Слѣдуютъ вопросы: что же онъ теперь? Что въ немъ? Куда направить онъ путь свой?

Не спрашивайте его самаго: что онъ? иначе васъ неприятно поразитъ его отвѣтъ: я кончившій курсъ студентъ или ученикъ. Въ звукахъ голоса, въ манерѣ, физиономіи онъ дастъ вамъ знать, что это не кто-нибудь, не простой человѣкъ, — кончившій курсъ. Да, нужно отдать честь семинаріи: если мало добраго и дѣльнаго посѣваетъ и развиваетъ она, такъ за то прекрасно умѣетъ развитъ дурное въ человѣкѣ. Семинаристъ безъ претензій — явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе мелкое, пошлое безсмысленное и не смотря на то, обнаруживающееся слишкомъ рѣзко и угловато, — вотъ чѣмъ набитъ ученикъ семинаріи, и особенно кончившій курсъ съ головы до пятокъ. Какъ умѣетъ семинарія развитъ въ такихъ страшныхъ размѣрахъ такой погибельный порокъ, — это ея тайна, которой намъ нѣтъ ни желанія ни нужды разгадывать. Снаемъ только, что это семинарское самолюбіе, если ученикъ пойдетъ выше, переходитъ въ дьявольскую гордость, въ невыносимѣйшій педантизмъ, въ эгоизмъ — безъ предѣловъ и мѣры; если онъ сдѣлается іереемъ, и особенно въ селѣ, то преображаетъ его въ какое-то жалкое и смѣшное существо, отъ всѣхъ требующее себѣ почету и уваженія безъ всякихъ правъ на то и другое; не позволяющее, чтобы кто въ присутствіи его забывался, тогда какъ чаще всего оно забывается первое, су-

щество раздражительное, неуступчивое, неуживчивое. Бываютъ исключеніе въ томъ и другомъ случаѣ; изъ семинаристовъ выходятъ прекраснѣйшіе, благороднѣйшіе люди на высотѣ чести и заслугъ; и въ селахъ мелькають іереи, отрѣшившіеся отъ духа семинарщины; но эти исключенія рѣдки, незамѣтны въ общей массѣ, и объ нихъ говорить нѣтъ нужды. Вообще семинариста можно сей-часъ замѣтить и въ рясахъ и въ мундирѣ, и при крестахъ и звѣздахъ: ужь такой неизгладимый типъ! . . .

Что въ немъ, — разгадать очень не трудно: стоитъ только завести съ нимъ разговоръ дѣльный и заставить только высказаться, чтобы увидѣть, что въ немъ совершеннѣйшая пустота, отсутствіе всякаго положительнаго, вполне усвоеннаго знанія. Случается, бойкій на слово засыплетъ словами; но напрасно вы захотѣли бы въ потокѣ словъ уловить мысль живую, сознannую, прочувствовannую, — ничего подобнаго вы не замѣтите. Иначе и быть не можетъ послѣ такого образованія какое получилъ онъ въ семинаріи: въ ней развивали лишь память, и подавляли самомышленіе (съ прямою цѣлю: чѣмъ меньше мыслятъ тѣмъ меньше разсуждаютъ: чѣмъ меньше разсуждаютъ, тѣмъ удобнѣе и свободнѣе двигать ими, какъ пѣшнами и пр. и пр.; пусть видяще не видятъ, слышаще не слышатъ, не разумѣютъ). Пока еще свѣжо въ памяти, что зубрилъ онъ во время своего курса, онъ болтаетъ безъ умолку, не умѣя однокожъ дать себѣ ни какого отчета въ томъ, почему это такъ и не иначе; отъ этого каной-нибудь пустой, ничтожный софизмъ сейчасъ же собьетъ его съ толку; отъ этого на экзаменѣ для поступленія въ Университетъ, онъ откажется описать напр. Кремль, и попроситъ назначить себѣ темой что-нибудь полегче, напр. о безсмертіи души. И для

него дѣйствительно это легче: такъ еще недавно онъ зубрилъ лекцію о безсмертіи души; стоитъ только перевести зубренное на бумагу и — разсужденіе готово. А чтобы описать Кремль, нужно хоть сколько-нибудь самому мыслить, — этому-то онъ и не научился въ семинаріи; кромѣ того нужно знать Исторію; Исторію онъ зубрилъ въ Реторикѣ, и къ окончанію курса успѣлъ вполне забыть ее: что же сталъ бы онъ писать о Кремлѣ? Да еслибъ вы заставили его описать и село, въ которомъ онъ родился, и тутъ онъ сталъ бы въ туникъ и попросилъ бы темы полегче, напр. объ единеніи породъ во Хрустѣ.

Куда направить онъ свой путь? Да этого онъ и самъ не знаетъ: такъ мудро и цѣлесообразно устроено и ведено его образованіе! Естественно и ближе всего ему поступить въ священники; пусть онъ не чувствуетъ къ этому званію никакого сердечнаго влеченія, — но его отецъ, предки, родные — всѣ служители Церкви на высшей или низшей степени, и — онъ просится въ какое-либо село въ іереи. Удалось, дѣлается іереемъ; неудалось, ищетъ путей побочныхъ для достиженія той же цѣли (какіе это пути, будетъ сказано дальше); если это не послужило ни къ чему, просится въ учителя; не попалъ, — также хладнокровно, также безъ всякаго сердечнаго участія хлопочетъ о поступленіи въ подьячіе. . . . Словомъ, нѣтъ званія, къ которымъ бы не рѣшился прильнуть семинаристъ, лишь бы тамъ онъ могъ ожидать себѣ кусокъ хлѣба. Слѣдовательно о какое страшное и горькое слѣдствіе!!) и въ іерея онъ по ступаетъ не ради Исуса, а ради хлѣба кука . . .

Скажутъ: изъ семинаристовъ выходятъ ученѣйшіе профессора, и даже Университетовъ, государственные люди, примѣрные священники въ столицахъ. Но

пусть спросят всѣхъ таковыхъ: семинаріи ли они обязаны тѣмъ, что силы ихъ развились и сдѣлали ихъ людьми; въ семинаріи ли они сознали свое призваніе и назначеніе? И, если они захотятъ отвѣтить по совѣсти, то безъ малѣйшаго сомнѣнія отвѣтятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! . . . Великій дѣятель семинаріи — судьба толкнула одного въ университетъ; тамъ обратилъ почему-либо на него вниманіе профессоръ, или попалъ онъ на уроки въ богатый, образованный домъ; его вытерли, вымjali, изгнали изъ него злаго духа, — семинарищину, и — пошелъ онъ въ ходъ; а остался онъ при собственныхъ средствахъ, съ духомъ и направленіемъ, полученными въ семинаріи, и — погибъ. Кинула его судьба въ академію, сблизила съ людьми благородными, не по званію а по духу и жизни, — съ людьми благородномыслящими, благороднодѣйствующими; взяли они на себя трудъ образовывать его, — существо безобразное въ самой академіи, и — вышелъ примѣрный священникъ; не случилось этого, — пусть онъ одолѣетъ и академическій курсъ, даже понахватается и наукъ, и займетъ лучшее мѣсто въ столицѣ, но только не на радость, славу и красу своему званію: онъ — или великій пріобрѣтатель денегъ, или ни съ кѣмъ никогда ужиться не можетъ, или . . . бросила его судьба, по окончаніи академическаго курса, въ канцелярію какого-нибудь вельможи; приглянулся онъ своему начальнику; тотъ взялъ его въ желѣзныя руки, ввелъ подъ свой кровъ — для ученія ли дѣтей, для домашнихъ ли занятій, и — вотъ онъ, вполнѣдствіи, самъ государственный человекъ какъ Графъ Сперанскій; не случилось этого, онъ погрязъ въ своей семинарищѣ. Пожалуй, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, онъ — и превосходительный; да только тяжко и жутко отъ такого превосходительнаго подчиненнымъ . . .

А пусть бы всѣхъ этихъ людей судьба толкнула въ сельскіе іерои, и были бы они не лучше другихъ. Вѣдь и теперь изъ числа выходящихъ въ сельскіе іерои есть съ огромными духовными силами, неразвитыми, даже и не початыми; и всѣ эти силы гибнутъ въ омутѣ жизни. Исключенія только за тѣми, которые попадутъ въ село, гдѣ есть помѣщикъ съ настоящимъ образованіемъ; тутъ священникъ спасенъ. Возмется за него помѣщикъ, выбьетъ изъ него дурь семинарскую, пробудитъ его мыслящую способность, дастъ ему въ руки свою бібліотеку, — у такихъ всегда прекрасныя бібліотеки, — дастъ ему средства жизни — не богатые, но вѣрные, при которыхъ священнику нѣтъ нужды ни въ грубыхъ и грязныхъ занятіяхъ землей, ни въ отвратительныхъ поборахъ съ прихожанъ, — сформируется образцовый священникъ. Но много ли такихъ помѣщиковъ; не говоримъ уже въ цѣлыхъ губерніяхъ? — Значитъ, и священниковъ такихъ не можетъ быть много; и объ этомъ исключеніи, какъ очень рѣдкомъ, говорить нечего.

Что-жъ сказать вообще объ образованіи, которое получаютъ ученики духовныхъ училищъ и семинарій? Мы видѣли какъ оно безцѣльно, нелѣпо, ничтожно; мы видѣли, какъ мало добра могутъ вынести ученики изъ училищъ и семинарій, и какъ много выносятъ зла. Слѣдовательно имѣемъ все право сказать: въ училищахъ и семинаріяхъ все и съ самаго основанія должно быть измѣнено и преобразовано, если хотятъ, чтобы образованіе духовнаго юношества было не однимъ образованіемъ. По крайнему разумѣнію, образовавшемуся вслѣдствіе долговременныхъ наблюденій и крѣпкихъ размышленій, мы сказали бы, каново

должно быть это образование; да къ чему? Кто послушаетъ словъ чловѣка, идущаго путемъ безвѣстнымъ, горькимъ и страшно тернистымъ? Необходимость преобразования чувствуется, но новые проэенты напишутся въ кабинетъ чловѣка громкаго и славнаго, оруженнаго всѣмъ комфортомъ, для котораго быть сельскаго іерей, требованія и нужды его — темна вода въ облацѣхъ воздушныхъ. Введутъ новыя науки, перемѣнятъ учебники, а духъ останется тотъ же, и все пойдетъ по старому. А еще чего добраго, — семинаріи соединять съ гимназіями, и въ конецъ собьютъ съ толку несчастное духовенство!!... Такъ и всегда и во всемъ: нужно преобразовать деревушку, — проэенты объ этомъ пишутся въ изящѣйшихъ кабинетахъ, разсуждаютъ объ этомъ въ великолѣпнѣйшихъ залахъ, — а саму деревушку и не спросятъ, что ей нужно; да что и спрашивать? Народъ темный, и самъ не понимаетъ, что ему нужно... Непонимаетъ!!! И приводятъ проэенты въ исполненіе; а что выходитъ??

СЕЛЬСКІЙ ІЕРЕИ.

А) Поступленіе на мѣста.

О хорошемъ мѣстѣ въ эпархіи лучшему (лучшему по аттестату) студенту и мечтать нечего. Тамія мѣста обыкновенно раздаются племянникамъ архіерейскимъ; а если ихъ нѣтъ, то сволочи, окружающей архіерея. Жестко выразились мы; но какъ же иначе назвать архіерейскихъ лансевъ, келейниковъ, письмоводителей, пѣвчихъ? Что это за людъ? Ланей-всегда выгнанный за безпутное поведеніе изъ училища или изъ семинаріи, ученикъ перебывавшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и сторожемъ гдѣ-нибудь и послушникомъ, потомъ прибывшійся къ архіерейскому дому и втершійся, такъ или иначе, въ ланен. Если онъ окажетъ особенную способность на послуги, то возводится въ званіе келейника — съ обширнѣйшимъ довѣріемъ. Письмоводитель — это наглѣйшій, безсовѣстнѣйшій, безжалостнѣйшій подьячій, въ сравненіи которымъ даже подьячіе земскихъ судовъ агнцы... А пѣвчіе, — это гнѣздо пьянства, разврата, буйства, это — вѣчные грабители церквей, монастырей и всего духовенства, немовѣрно безсовѣстные, ни чѣмъ никогда недоволь-

ные; при объѣздахъ преосвященными епархіи заѣзжающіе во всѣ села. и тутъ неистовствующіе надъ священниками и старостами, нагло требующіе водки и денегъ, сивернословящіеся не напоенные и еще болѣе позволяющіе себѣ напоенные; все это совершающіе безъ малѣйшаго опасенія наказаній, потому что прикрываются мантией владыки... Къ нимъ всегда примыкаютъ протоіаконы и іподіаконы, которые отличаются отъ пѣвчихъ лишь одной одеждой, а во всемъ прочемъ — едино съ ними. Какъ же назвать этотъ презрѣнный людъ, какъ не сволочью? — И этому люду раздаются лучшія мѣста! Этого мало: открывается хорошее мѣсто, одинъ изъ таковыхъ утверждаетъ его за собою и потомъ передаетъ брату, сестрѣ, племянницѣ, или даже просто продаетъ; такую продажу повторяетъ три-четыре раза, пока на стыдъ и позоръ званію, не сдѣлается самъ іеремь.

Но и посредственное мѣсто студентъ можетъ получить подъ однимъ условіемъ заплативши за него деньги. Прежде лѣтъ за двадцать, зло это еще не слишкомъ было сильно; но въ послѣднее время оно развилось до невѣроятной степени. Поводомъ къ этому было то, что сильно возрасло учениковъ, оначивающихъ курсъ, и оттого на одно и то же мѣсто подають иногда человекъ до десяти, и даже болѣе. Изъ нихъ мѣсто дается не тому, у кого лучше аттестатъ, а кто дастъ больше денегъ. Продають — или письмоводитель архіерейскій, всегда ищѣющій огромное вліяніе на архіерея или келейникъ его, а иногда и оба вмѣстѣ. Чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ выше цѣна, возрастающая иногда до 200 рублей. Но еще не все сдѣлано, когда заплачены деньги этимъ господамъ; нужно не менѣе отдать въ консисторію: оттуда нужна справка съ мѣстнѣемъ; безъ платы подобныя вещи не

дѣлаются; безъ удовлетворенія всѣхъ — и членовъ, и секретаря, и подъячихъ въ консисторіи мѣстнѣе можетъ послужить не въ пользу... Каково первое впечатлѣніе для будущаго іерея? Непогда думать ему о томъ, къ чему приступаетъ онъ; не до того, чтобы настроить умъ и сердце къ воспріятію чудной благодати; и думы, и заботы, и помышленія объ одномъ; денегъ! денегъ! гдѣ бы взять денегъ? — Чтобы не возвращаться къ этому, скажемъ о дальнѣйшихъ поборахъ при производствѣ въ іерея: послѣ посвященія онъ долженъ заплатить протоіерею, протоіакону, іподіакону, пѣвчимъ, т. е. сей-часъ же по принятіи благодати и тутъ же, на мѣстѣ посвященія, отбиваться деньгами и просьбами, нерѣдко и бранью отъ цѣлой стаи звѣрей самыхъ хищныхъ, самыхъ ненасытныхъ! долженъ заплатить за указъ въ консисторію, за грамату письмоводителю (кромѣ казенной цѣны); иначе его продержатъ мѣсяцы; словомъ онъ долженъ издержать отъ 60 (ни какъ не менѣе) до 100 р. сер.

Гдѣ жъ ученику или студенту, которые всегда ищѣе взять столько денегъ? Онъ обыкновенно ищетъ себѣ не имѣя въ виду никакаго мѣста, невѣсту, т. е. не собственно невѣсту, а деньги съ невѣстой, и хлопочетъ не о томъ чтобы выбрать себѣ подругу жизни, а чтобы какъ можно больше найти денегъ. Приторговавшись къ нѣсколькимъ невѣстамъ, рѣшается тамъ, гдѣ дають больше, — будь невѣста со всѣми недостатками, нравственными и даже физическими. Условившись, получаетъ деньги и получаетъ мѣсто.

Или: ищетъ поступить въ домъ. Это значитъ — ищетъ священника, который по старости ли, или попавъ подъ судъ, долженъ оставить свое служеніе. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго вниманія ни на достоинство невѣсты, ни на быть семейный ея роди-

телей, — можно ли спокойно и безтревожно жить съ ними. Главное — мѣсто, невѣста же можетъ быть вдвое сатрше жениха и глупа, и безобразна и т. под.

Если жъ почему-либо онъ не устроить такъ дѣль своихъ, т. е. или не захочетъ взять деньги съ невѣстой (что впрочемъ весьма рѣдко), или будетъ думать, что ему даютъ все еще мало (что весьма обыкновенно), то будь онъ два раза студентъ, подавай на каждое мѣсто, и, не смотря на то, лѣтъ пять-десять пробудетъ безъ мѣста. И вотъ почему ученики втораго разряда, которые цѣнятъ себя много дешевле студентовъ и особенно третьяго, которые, при денежной оцѣнкѣ себя, спускаются еще ниже второразрядныхъ, скорѣе находятъ себѣ мѣста, чѣмъ студенты. т. е. по епархіи преимущественно расходится то, что и въ семинаріи-то было худшаго. А прочіе студенты послѣ многихъ бесполезныхъ попытокъ, выходятъ или въ учителя или въ подьячіе.

Скажемъ кстати о томъ, по скольку обыкновенно берется денегъ за невѣстами. Въ губерніяхъ Московской, Ярославской, Тверской и Владимірской, весьма близко намъ извѣстныхъ, ученику, могущему поступить въ сельскіе іереи, дается 500—1000 р. сер., кромѣ приданаго. Отъ этого женами сельскихъ іереевъ дѣлаются лишь дочери богатыхъ священниковъ, дьяконовъ, или даже причетниковъ (получившихъ наследство отъ какого-нибудь монаха и т. под.). Какъ приобрѣли они свое богатство: трудомъ честнымъ и благороднымъ, или безсовѣстными поборами, преступными притязаніями прихожанъ, и даже продѣлками и никакъ непростительными (напр. благочинные грабя церкви и пр.) на это не обращается никакого вниманія. Дочери же честныхъ, но бѣдныхъ и многосемейныхъ священниковъ или остаются дѣвцами, или выходятъ за

причетниковъ, подьячихъ и прочій погибельный людъ. Будь онъ красавица собой, прекрасной нравственности, воспитаннѣй въ страхѣ Божіемъ, отъ нужды и лишній, въ которыхъ выросли, кроткія, терпѣливыя, домовитыя, — все это ни къ чему.

В) Быть семейный.

И вотъ бывший ученикъ семинаріи — сельскій іерей. Онъ вышелъ въ домъ, или на праздное мѣсто. Посмотримъ на того и другаго въ ихъ семейномъ быту. Считаемъ нужнымъ сказать, что мы описываемъ большинство, а отнюдь не всѣхъ. Найдется и лучше и выше того, что мы скажемъ, но такого найдется очень не много; найдется и хуже, и такого не мало. По этому, на исключенія мы не будемъ указывать, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ.

Ученикъ принимается въ домъ. Не свободная воля располагаетъ дѣйствіями той и другой стороны, принимающей и вступающей въ домъ, а крайность. Съ одной стороны: перезрѣлая невѣста, или потеря по суду мѣста, заставляють быть не слишкомъ разборчивыми въ женихахъ, принимать не лучшаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а возможно дешевѣйшаго; съ другой необходимость имѣть кровъ и пищу заставляютъ соглашаться на самыя тажкія условія вступать въ семейство многочисленное иногда явно беспорядочное, и въ добавокъ ко всему — брать себѣ въ жену какого-нибудь уroda, если не физическаго, то нравственнаго. Послѣдствія такой погибельной сдѣлки обнаруживаются слишкомъ скоро. Не успѣетъ

дешевѣйшій сдѣлаться іереємъ, какъ уже на дѣлѣ до-
называетъ справедливость поговорки: дешевое гнило,
и даже на первыхъ порахъ не умѣетъ скрыть своего,
нравственного растлѣнія. Всегда начинается съ усло-
вій: принявшіе требуютъ буквального исполненія ихъ,
вступившій сначала не можетъ, а потомъ не хочетъ
исполнить. И вотъ возникаютъ ссоры, — соблазни-
тельные, потому что ссорятся два іерея и такъ близ-
кія между собою; ссоры переходятъ въ непримри-
мую вражду, за нею — судбища и раздѣлъ. Одно
лице, которое могло бы быть миротворцемъ между
той и другой стороной — жена молодого іерея боль-
шею частію раздуваетъ только пламя. Не по взаим-
ному сердечному влеченію вступили они въ бракъ, и
потому она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на мужа
и не въ состояніи ни уговорить ни успокоить его
еслибъ и хотѣла. Но рѣдко и хочетъ она этого, осо-
бенно если порядочно заматорѣла въ днѣхъ своихъ.
Мужъ, уменъ или глупъ, но вступивши въ домъ съ
своими потребностями, съ своимъ направленіемъ, съ
своей упрямой семинарщиной, хочетъ вести свой поря-
докъ въ домѣ, и чѣмъ глупѣе онъ, тѣмъ скорѣе при-
нимается за это; жена, привыкшая къ старому по-
рядку, не въ состояніи понять и обсудить, что един-
ственное средство имѣть вліяніе на мужа: во всемъ
приспособиться къ нему — и идти во всемъ противъ
него; и вотъ между мужемъ и женой начинается пере-
бранками и оканчивается ненавистью. Досадить мужу,
раздражить его, — удовольствіе для бессмысленной
жены. Разумѣется, мужъ платитъ тѣмъ же. Послѣ
этого, при ссорахъ мужа съ родителями ея, она бе-
ретъ всегда сторону послѣднихъ и, правъ онъ или
нѣтъ, неумолчно и неумолнно осыпаетъ его бранью,
терзаетъ попреками, перебираетъ по косточки его

родителей, всѣхъ родныхъ и пр. и пр. Какой конецъ
этого? Молодой іерей начинаетъ ненавидѣть все —
до самыхъ стѣнъ дома, въ которыхъ живѣтъ. Быть
дома — мука для него, и онъ ищетъ всѣхъ случаевъ
быть внѣ его — въ приходѣ, у причетниковъ, въ сто-
рожкѣ, гдѣ бы то ни было, только не дома. Не имѣя
въ себѣ нравственной точки опоры, отъ семинаріи съ
предрасположеніемъ злымъ, онъ принимается за чарку
— сначала чтобы заглушить горе, а потомъ чарка дѣ-
лается для него потребностью и обращается въ страсть.
Гдѣ чарка, тамъ онъ и званый и не званый, часто не про-
шенный и не желанный. Нужно исправить обязанность
священническую; повѣнчать бракъ, схоронить покой-
ника, дать молитву родившей и т. под., — прежде всего
чарка. Онъ наконецъ и дѣлится съ тестемъ, и оста-
ется одинъ съ женой, но успѣвъ возненавидѣть ее,
снискавъ уже привычку пить, не дѣлается лучше.
Такъ и волочитъ свою жизнь, — нечистую и соблаз-
нительную. Случается, и нерѣдко, предается грубѣй-
шимъ порокамъ: пьяному и ненавидящему свою жену
что не взойдетъ въ голову? Каковы должны быть
дѣти въ такомъ несчастномъ семействѣ, — понятно.
Хуже всего то, что они съизмаленька привыкаютъ
презирать своихъ родителей и не питать къ нимъ ни-
какихъ дѣтскихъ чувствъ. Кое-какъ воспитанные и
устроившись сами, они въ мысли не держатъ-успо-
коить своихъ родителей подъ конецъ дней ихъ. Сынъ,
отказывающій въ кускѣ хлѣба своимъ отцу и матери,
не думающій посѣтить ихъ, не говоримъ уже съ посо-
біемъ, а и словомъ ласковымъ среди самой тяжкой
болѣзни; сынъ, осыпающій своихъ родителей самою
площадною бранью, съ позоромъ выгоняющій ихъ изъ
своего дома въ какой-нибудь праздникъ и пр. и пр.,
— явленія нерѣдкія. Ждать ли отъ взрослыхъ въ

такомъ семействѣ любви братской, той чистой и святой любви, которая заставляетъ душу свою полагать за брата своего? Ее нѣтъ, — этой святой любви. Братья видятся между собой изрѣдка, но не иначе какъ въ праздники, и не для того, чтобы соутѣшиться или совозрадоваться духомъ, а чтобы въ неустойчивой оргіи перессориться между собою. . . . И не здѣсь ли основаніе того глубокаго разъединенія между лицами духовнаго званія, изъ-за котораго каждый іерей видитъ въ своемъ собратѣ если не врага, то по крайней мѣрѣ недоброжелателя, завистника и т. под.? Да, дурной братъ никогда не будетъ хорошимъ сосѣдомъ, добрымъ сотоварищемъ, надежнымъ сослужителемъ. Изъ сердца, не согрѣваемого любовію къ близкимъ, всегда вытекаетъ зло, одно только зло, къ чужимъ.

Вообще, обыкновеніе принимать въ домъ, при жизни отца и матери невѣсты, есть зло, на которое давно бы пора обратить вниманіе правительству. Предположимъ, что бываетъ весьма рѣдко, изъ старавъ пятеро, женцѣхъ и невѣста понравились одинъ другому, и, сдѣлавшись мужемъ и женой, полюбили другъ друга, и даже условія удобоисполнимыя, — уже одно то, что въ домѣ два хозяина, изъ которыхъ одинъ жить привыкъ по старому, т. е. въ грязной простотѣ, другой хочетъ жить почище, одинъ ломилъ работу всю самъ, другой не хочетъ или даже не можетъ дѣлать этого, одинъ любитъ шумные праздники, другой не терпитъ ихъ, и пр., — ведетъ къ неудовольствіямъ. Столкновенія между старымъ и новымъ, какъ бы благонамѣренна ни была цѣль ихъ, неизбежны. Значитъ, неизбежны и ссоры. Чью же сторону приметъ жена? Не принять нельзя: родители, въ досадѣ, что все не по ихъ дѣлается, досаду свою вымѣщаютъ на дочери. Защищать ей мужа? Значитъ во-

ружать противъ себя родителей, и съ утра до ночи слышать ихъ упреки и брань. Бранить вмѣстѣ съ ними мужа? Ей больно и страшно, чтобы не потерять его любовь и привязанность. Что жъ остается ей? Терпѣть, плакать и страдать. Два-три года такой тревожной и страдальческой жизни убиваютъ совершенно ея силы, и — слабая здоровьемъ скоро гибнетъ, самая крѣпкая рѣдко спасается отъ чахотки. Вотъ почему такъ обыкновенно вдовство между сельскими іереями (на 10 отъ 4 до 5)! Но еще прежде этой страшной катастрофы мужъ, и любящій свою жену, но видя ее вѣчно въ слезахъ, вѣчно въ уныніи и не находя средствъ поправить дѣло, ищетъ утѣшеній въ чаркѣ. Еще при жизни жены онъ остерегается, любовь къ ней удерживаетъ его отъ крайностей; но смерть ея — провозвѣстникъ его совершеннаго паденія. Тутъ ищетъ онъ въ чаркѣ уже не утѣшенія, а совершеннаго самозабвенія; ищетъ — заглушить въ себѣ этимъ погибельнымъ ядомъ тоску одиночества, семейныя неудовольствія и всего жизненнаго горя. Еще, если бъ въ семинаріи его духъ былъ укрѣпленъ противъ бурь и невзгодъ жизни, если бъ научили его понимать и любить науку, если бъ развили и укрѣпили въ немъ вѣру въ Промыслъ Божій, онъ могъ бы устоять. А то, что поддержитъ его, когда ничего подобнаго не вынесъ онъ изъ семинаріи? — Въ одномъ случаѣ можно допустить — принимать въ домъ, когда умираетъ священникъ и оставляетъ послѣ себя семейство. Тутъ новаго іерея ждутъ только нужда и бѣдность съ двумя семействами, — своимъ и сиротствующимъ: по крайней мѣрѣ тутъ не можетъ быть столкновеній, потому что сиротство по неволѣ уступчиво и безпритязательно; а нужды легче переносить, чѣмъ семейныя ссоры. Но и тутъ условія между той

и другой стороны должны быть строго взвѣшены, разсмотрѣны, обсуждены, и потомъ уже утверждены начальствомъ во избѣжаніе будущихъ ссоръ, — когда, напр., нужно отдать въ замужство или содержать въ училищѣ сиротъ.

Представляется важный вопросъ: „а что дѣлать тѣмъ іереямъ, которые по болѣзни или по старости не могутъ продолжать болѣе своего служенія? Отказавшись отъ мѣста и не принявши зятя, они останутся безъ куска хлѣба.“ Да, именно безъ куска, въ самомъ точномъ значеніи слова. Положеніе священника безъ мѣста несравненно бѣтственнѣе, чѣмъ положеніе инвалида. Тотъ можетъ собирать милостыню; священнику воспрещено и это. И вотъ, къ чести нашихъ владыкъ, въ какомъ положеніи духовенство: подъячій, прослужившій 35 лѣтъ, и такъ прослужившій, что вся служба его ограничивалась сшивкой и подклейкой книгъ въ судѣ, увольняется съ пенсіономъ и имѣетъ вѣрный кусокъ хлѣба; священникъ, прослужившій 30, 40 и болѣе лѣтъ, на время старости и оскудѣнія силъ не имѣетъ ничего! Случается, въ ужаснѣйшей нищетѣ, онъ обращается съ просьбой о пособіи къ архіерею. Послѣ долгихъ проволочекъ, ему иногда и назначаютъ; но сколько? 10—15 руб. — По неволѣ при- мешь зятя, даже и заранѣе зная, что съ зятемъ не шутятъ; по крайней мѣрѣ — не умрешь съ голоду. Такъ мудрые и благонамѣренные архипастыри наши до- пускаютъ всякое зло, съ полнымъ сознаниемъ, что это зло (тяжбы между тестями и зятьями идутъ къ нимъ) для того, чтобы какъ-нибудь не измѣнился прежній порядокъ вещей, чтобы не допустить улучшеній въ духовенствѣ... „Пусть живутъ, какъ знаютъ, было бы намъ хорошо,“ — это мудрое, вполне современное правило выражается во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и ра-

споряженіяхъ. А чтобы понять, какъ живутъ отка- завшіеся отъ мѣста священники, изъ множества близко намъ извѣстныхъ случаевъ расскажемъ одинъ. Сол- датъ, оставшійся на вторую службу и прослужившій 40 лѣтъ, вполне обезпечиваетъ свою старость; учитель какого — нибудь приходскаго или сельскаго училища за 25 лѣтъ службы пользуется полнымъ пенсіономъ; а протоіерею, бывшему лучшему ученику семинаріи, луч- шему изъ іереевъ, всю жизнь работавшему головой до того, что самая болѣзнь развилась вслѣдствіе усп- ленныхъ умственныхъ занятій, предоставлено право: умереть съ голоду!!...

Слѣдовательно, зло отъ принятія въ домъ можетъ быть прекращено лишь тогда, когда старость священ- никовъ будетъ обезпечена пенсіономъ. Но случится ли это когда нибудь? Нѣтъ надежды. Значитъ зло это со всѣми своими страшными послѣдствіями, будетъ существовать вѣчно.

Ученикъ выходитъ на праздное мѣсто. Казалось бы, тутъ есть всѣ условія для счастливой семейной жизни: жизнь вдвоемъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, должна бы сблизить молодыхъ мужа и жену, хоть они до брака почти не знали другъ друга. На дѣлѣ однако же не то. Выше мы сказали, какъ дѣлаются у насъ эти дѣла: ищутъ не подругу жизни, а денегъ; и — берутъ деньги, а съ ними, что судьба пошлетъ. И рѣдко судьба не наказываетъ за такой извращенный порядокъ вещей, рѣдко къ день- гамъ прилагается добрая жена. Иначе и быть не мо- жетъ. Дочери богатыхъ священниковъ — людь избалованный, своевольный, привыкшій къ лѣни и расточительности, а если на бѣду еще отецъ и благочинный, то съ огромными претензіями (какъ же: изъ-за отца и ей кланялись подвѣдомственные

іерей, а причетники падали до ногъ). Образованія, которое уничтожало бы, по крайней мѣрѣ смягчало бы все это, у насъ нѣтъ, и всѣ недостатки выназываются рѣзко, поразительно, угловато. Пусть же представятъ себѣ двѣ огромнѣйшія претензіи — семинарщину и благочинническое произведенія, столкнувшіяся между собою, — наково должно быть это столкновение? Чѣмъ оно должно разразиться? Естественно ни чѣмъ добрымъ. На самыхъ первыхъ порахъ жизни начинаются ссоры изъ-за какихъ нибудь сущихъ пустяковъ; обѣ стороны раздражительны и неуступчивы и ссоры переходятъ въ это невыносимое положеніе, когда мужъ и жена привязываются ко всякому случаю унижить, уязвить, уколоть другаго; тутъ жена всѣмъ и каждому жалуется на свою горькую судьбу; находятяся благодѣтели, которые вмѣшиваются въ ихъ дѣла, неумѣстными совѣтами и попреками раздражаютъ еще болѣе; оканчивается всегда тѣмъ что мужъ, если онъ пилъ водку въ семинаріи, въ два-три года дѣлается горькимъ пьяницей; если не пилъ, то начинаетъ попивать, и хоть не скоро а все-таки приобрѣтаетъ страсть къ питью. Случается, мужъ и жена сойдутся кое-какъ между собою; между ними нѣтъ крѣпкой привязанности, нѣтъ и вражды; такъ тутъ другая бѣда. Изъ денегъ полученныхъ за женою, рѣдко остается какая-нибудь бездѣлица на дѣйствительную жизнь; а нужно строиться, раззаводиться всѣмъ нужнымъ, гдѣ взять средства? Тутъ является руководительницей жена: „мой батюшка нажилъ себѣ состояніе вотъ какъ: за свадьбу бралъ столько, — не даютъ, онъ, нажметъ чѣмъ-нибудь, и ругаютъ а даютъ; за молебень столько, иначе и служить не станетъ и пр. и пр.; чего же и тебѣ смотрѣть?“ — Новый іерей, въ душѣ котораго не посѣяно чести,

правды и даже простой житейской мудрости (-заслужи, все дадутъ), легко склоняется на такія убѣжденія и, не прослуживъ году, начинаетъ страшныя притязанія во всемъ: и за молебень прежде давали мало, и за свадьбу, и за все; нужно столько... Рѣдкій іерей (изо ста не больше пяти) не начинаетъ такъ своего поприща. Слѣдствія этого понятны: прихожане возмущаются, и на новаго іерея смотрятъ, какъ на наного нибудь становаго, т. е. какъ на неизбежное зло; они и платятъ, но съ глубочайшимъ негодованіемъ, съ тайной, а иногда и явной бранью. Бываетъ и то, что всѣмъ приходомъ вооружаются, и какъ заводятъ ссоры не крестьянское дѣло, то они берутъ свои мѣры: назначаютъ цѣну за все меньшую противъ прежняго. Іерей побьется-побьется и волей-неволей долженъ согласиться. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ съ перваго раза разорвалъ всякое единеніе между собой и прихожанами, и въ цѣлую жизнь ему не поправить зла, которое надѣлалъ въ первые три-четыре года.

Таковъ, за немногими исключеніями, семейный бытъ сельскихъ іереевъ! Счастливыхъ супружествъ, — такихъ, въ которыхъ мужъ видѣлъ бы въ женѣ своей друга, помощника, совѣтника во все доброе, въ которыхъ бы жена силой своей воли и ума, руководимыхъ и направляемыхъ истинной любовію, изъ семинариста преобразовала бы мужа своего въ чловѣка, — такихъ супружествъ слишкомъ мало!

Чѣмъ уничтожить это зло? Чѣмъ и какъ улучшить этотъ несчастный семейный бытъ сельскихъ іереевъ?

Прежде всего необходимо образованіе для свя-

щенническихъ дочерей. Семейное образованіе, при настоящемъ положеніи духовенства, невозможно; должно быть общественное. Да будетъ благословенно Царственное семейство наше: оно положило уже основаніе этому, устроивъ два училища для дѣвицъ духовнаго званія. Но два училища на цѣлую Россію, — что это, какъ не капля въ морѣ? Притомъ, какъ ни не высока сумма, которую должно платить за воспитаніе дѣвицъ, а для большинства сельскихъ іереевъ она рѣшительно невозможна. 60—70 р. въ годъ, когда годовою доходъ сельскаго іерея: 100, 150 и весьма рѣдко 200 р., и изъ этого дохода ему нужно содержать домъ и двоихъ, троихъ сыновей въ училищѣ или семинаріи? Даже заплатить половину было бы невыносимо тяжело. А и кромѣ того: теперь женѣ священника необходимо самой управлять всѣмъ хозяйствомъ, т. е. и за скотомъ ходить, и жать, и молотить и пр., а воспитавшіяся въ этихъ училищахъ дѣлать всего этого не въ состояніи; вотъ почему ихъ и прекрасно образованныхъ, болятся брать за себя будущіе сельскіе іереи. Пусть же преобразуютъ быть сельскихъ іереевъ, образуютъ для нихъ женъ, т. е. въ каждомъ губернскомъ городѣ заведутъ училища для воспитанія на казенный счетъ священническихъ дочерей, и — только тогда улучшится семейный бытъ сельскихъ іереевъ. А за этимъ улучшеніемъ сколько прекраснѣйшихъ послѣдствій для будущаго поколѣнія!

Но во всякомъ случаѣ, — устроится это когда-либо или нѣтъ, — всѣми мѣрами строгости и не медленно должно быть прекращено глубоко укоренившееся обыкновеніе — брать за невѣстами деньги. Разумѣется, этому должно предшествовать полное уничтоженіе постыдной, презрѣнной, достойной всѣхъ каръ,

покупки іерейскихъ мѣстъ, и всѣхъ отвратительныхъ поборовъ, которые введены при производствѣ іерея. Пусть божественная благодать на самомъ дѣлѣ дается даромъ, безъ платежа архіерейской и консисторской сволочи. Тогда ученикъ будетъ искать себѣ жену, и возьметъ лишь ту, которая придетъ ему по сердцу, будь она дочь бѣднѣйшаго священника. Нѣтъ нужды говорить, что значить для человѣка жена по сердцу; какое огромное и благотѣльное вліяніе можетъ имѣть она, даже необразованная, но воспитанная въ честномъ, строго — христіанскомъ семействѣ. Снажутъ: „нужны жъ новому іерею деньги, чтобы построить себѣ домъ.“ Такъ. А почему бы въ каждомъ приходѣ не построить и не содержать казеннаго дома? — „Но это невозможно; для этого требуется много денегъ.“ — Какъ! Въ нашей, по преимуществу Православной землѣ, это невозможно, а у Лютеранъ возможно? Тамъ — пасторъ обезпеченъ во всемъ, отъ дома и до дровъ; такъ онъ не имѣетъ нужды пріобрѣтать по копѣйкамъ и всѣмъ неправдами нужное для жизни, тамъ онъ не загрязненъ грязными работами, не грубѣетъ отъ тяжкихъ трудовъ; — тамъ все это возможно, а у насъ нѣтъ? О Русь Православная!! И не смотря на то, мужи велемудрые не стыдятся бросать укоръ и злыя насмѣшки на наше духовенство: за чѣмъ оно не таково, какъ лютеранское? „Изъ среды пасторовъ являются и ученые, и проповѣдники; семейная жизнь у нихъ прекрасно развита,“ и пр. и пр., говорятъ антагонисты нашего духовенства. Такъ, все это правда. Но почему-жъ вы, обращая все вниманіе на явленіе, не хотите разглядѣть причинъ этихъ явленій. Оставьте наше духовенство въ такое же положеніе, какъ лютеранское, и потомъ уже сравнивайте. Образуйте,

какъ должно, юношу, образуйте для него жену, избавьте іерея отъ этой грязной, убійственной жизни, въ какой прозябаетъ онъ теперь, дайте ему хоть небольшія, но вѣрныя средства, — и смѣемъ увѣрить всѣмъ, что есть святаго, — вы не узнаете своего духовенства, съ гордостью будете указывать на него всякому ино-вѣрцу. Много силъ въ немъ, — и всѣ онъ подавлены. Что не гнететъ его — отъ архіерея и до сторожа консисторскаго, отъ прихожанина-барина и до послѣдняго конюха? Вамъ нужны ученые, проповѣдники; — изъ среды сельскихъ іереевъ будутъ они, лишь избавьте ихъ отъ этой страшной тиранніи, дайте имъ дышать свободно . . . Вы хотите, чтобы хорошо было духовенство, когда сквозь пальцы смотрятъ на то что онъ притязаетъ, пьетъ и т. п., и лишь одного не позволяютъ іерею, чтобы онъ былъ умнымъ и мыслящимъ, и преслѣдуютъ его со всѣмъ ожесточеніемъ злобы, если замѣтятъ такую ересь . . . Спросите свою совѣсть: смогли-бъ сдумали-ль бы вы быть лучше въ такомъ задавленномъ положеніи?

С) Средства жизни.

Трудно себѣ представить что-нибудь менѣе обезпеченное, болѣе подверженное всѣмъ возможнымъ случайностямъ въ средствахъ жизни, чѣмъ сельское духовенство. А и эти сомнительныя средства, какъ приобрѣтаются они? Въ какомъ отношеніи они къ самому служенію священника? О, какъ много зла въ этихъ средствахъ!! Они: доходъ и земледѣліе.

Доходъ . . . Еслибъ дали премію придумать что-нибудь, чтобы болѣе уничтожить, опозорить духовенство, изъ высокаго и чуднаго служенія сдѣлать чуть не ремесло, то вѣрно никто не придумалъ бы лучшаго средства, какъ эти нечестивыя поборы съ прихожанъ, что зовутся доходами. Священникъ отслужить молебенъ, и — тянетъ руку за подаваніемъ; проводитъ на вѣчный покой умершаго — тоже; нужно вѣнчать свадьбу — даже торгуется; ходитъ въ праздники по приходу съ единственною цѣлью — собирать деньги; словомъ, что ни дѣлаетъ во всемъ одна цѣль у него: деньги; даже, — о верхъ нечестія и позора! примпривъ кающагося грѣшника съ Богомъ, онъ беретъ деньги; даже приобщивъ его святыхъ таинъ, онъ не отвращается съ ужасомъ отъ денегъ . . . Что жъ онъ, какъ не наемникъ? И какими глазами должны смотрѣть на него прихожане? О, пройдите изъ конца въ конецъ Россію и прислушайтесь, какъ изъ-за этихъ проклятыхъ доходовъ чествятъ духовенство . . . Какая же послѣ этого польза отъ всего его служенія? Какое нравственное вліяніе можетъ имѣть онъ на прихожанъ, когда они хорошо понимаютъ главную цѣль всѣхъ его дѣйствій? А безъ нравственнаго вліянія, что жъ онъ за пастырь? И, при такомъ порядкѣ дѣлъ, на что все его и пастырство? . . .

О, да будетъ въ вѣчномъ благословеніи память Николая I.! Всѣми благами неба да воздастъ Ему Спаситель за то, что онъ хотѣлъ возстановитъ горькое и несчастное духовенство сельское! Не могъ Онъ знать, до чего оно убито, но желалъ излить всюкую милость на бѣдныхъ служителей Христа.

И — вѣчное проклятіе на этихъ эгоистовъ, макиавелей, интрижниковъ и фарисеевъ Церкви Христовой, которые по своимъ расчетамъ, по истинѣ дьяволь-

скимъ, возстали противъ жалованья сельскому духовенству!

Говоря о доходахъ, мы ничего не сказали о злоупотребленіяхъ, такъ обыкновенныхъ, когда напр. за свадьбу выжимаютъ 5—10 и болѣе руб., и о прочемъ въ родѣ этого. Говорить объ этомъ слишкомъ тяжело, слишкомъ грустно; и безъ злоупотребленій горько смотрѣть на такой порядокъ вещей въ Церкви Православной.

А и бросить въ священника камень за эти нечестивые поборы невозможно. Больше ему дѣлать нечего, потому что иныхъ средствъ, кромѣ этихъ, нѣтъ. Самыя злоупотребленія какъ ни возмущаютъ они душу, нѣкоторымъ образомъ прощаешь ему, когда взглядишь въ его бытъ. Священникъ живетъ съ семействомъ рѣдко менѣе 10 человѣкъ, иногда въ 12—15 человѣкъ. Сколько ему нужно въ годъ на содержаніе семейства? Положимъ минимумъ, именно столько, сколько проживаетъ нашъ крестьянинъ (крестьянинъ, которому не нужна ни ряса, ничего подобнаго) съ семействомъ до 10 человѣкъ, — 120—180 р. — Кромѣ того у него одинъ, два, а иногда и три сына въ училищѣ пли семинаріи; на двоихъ, — на содержаніе и одежду (не говоря уже о грабежѣ учителей), на квартиру и проѣзды по самой меньшей мѣрѣ 120 р. У него жъ еще дочери невѣсты; для нихъ нужно приготовить что-либо; — извольте же сосчитать сколько? А необходимыя поправки всей стройки? А ежегодныя взносы въ правленія, благочиннымъ? А безъ притязаній самый лучший приходъ дастъ: 150—200 р. посредственный: 60—100 р. Что же прикажете ему дѣлать въ такой крайности? Скажете: „молиться и надѣяться на Промыслъ Божій.“ Да его не научили этому до іерейства, напротивъ съ него брали и даже

грабили; съ дѣтства и до іерейства онъ привыкъ смотрѣть на поборы, какъ на дѣло обыкновенное и даже неизбежное; и — спокойно, не тревожась совѣстью, онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлаютъ и всѣ; особенно, если попадетъ жена, о которой мы говорили выше, тогда, ни чѣмъ не стѣсняясь, ни кѣмъ не останавливаемый, онъ дѣлаетъ всѣ возможныя притязанія. Правда, архипастыри преслѣдуютъ это зло, когда возникнутъ жалобы; но какъ они не указываютъ на болѣе честныя средства и на возможность иными путями пріобрѣтать нужное для жизни, то ихъ преслѣдованіе не служатъ ни къ чему, — заставляетъ только прибѣгать священниковъ къ уловкамъ подъяческимъ: т. е. такъ брать, чтобы нельзя было обличить. Притомъ, самое строгое преслѣдованіе, если оно не сопровождается примѣромъ архипастыря, возбуждаетъ лишь презрѣніе къ самымъ справедливымъ мѣрамъ.

Уничтожьте нечестные поборы съ прихожанъ, пусть между ними и священникомъ не будетъ никакихъ денежныхъ сдѣлокъ, и вы возстановите миръ между ними; и доверчиво и съ любовью будетъ смотрѣть прихожанинъ на своего іерея, и съ благоговѣніемъ будетъ слушать каждое его слово. Представимъ примѣръ, противъ котораго, надѣмся, нечего будетъ сказать мудрымъ архипастырямъ, возставшимъ противъ обезпеченія сельскаго духовенства жалованьемъ, — что значитъ обезпеченный священникъ. Вотъ что рассказываетъ одинъ умный изслѣдователь о Чувашахъ: „прежде, когда священники пользовались отъ нихъ доходами, — Чуваши были болѣе язычники, чѣмъ христіане всей душой ненавидѣли своихъ священниковъ; въ послѣднее время отношенія ихъ къ священникамъ совершенно измѣнились, и самымъ благоприятнымъ образомъ. Что же произвело такое чудное дѣйствіе? А

вотъ что: священники, получая отъ казны окладное жалованье, и будучи обезпечены въ исправномъ доставленіи имъ руки, поставлены въ совершенную независимость отъ своей паствы. Для священниковъ уже нѣтъ причинъ потворствовать слабостямъ своихъ духовныхъ дѣтей и смотрѣть сивозъ пальцы на ихъ проступки; а паства не имѣетъ причины ни негодовать на поборы, ни жаловаться на любостяжаніе. Слѣдствія этого взаимнаго отношенія между ними и теперь уже начинаютъ обнаруживаться въ уваженіи паствы, въ ея послушаніи и готовности исполнять основанныя на религіи требованія священниковъ.*) — Тоже самое, что было у Чувашъ, происходитъ во всѣхъ селеніяхъ на всемъ пространствѣ Руси: священника ненавидятъ именно за поборы; а ненавидя священника, дурно расположены и къ самому его служенію, неблагопріятно смотрятъ и на самую Религію. И вотъ въ чемъ основаніе того глубочайшаго невѣжества, въ которое погружены всѣ наши православные во всемъ что касается Вѣры. Наши православные, безъ малѣйшаго преувеличенія, понятія не имѣютъ ни объ чемъ духовномъ. Хотятъ поправить дѣло? Средство одно: обезпечить священника. Слѣдствія будутъ также благотворны, какъ теперь у Чувашъ. Но обезпечить нужно немедленно. Правственное растлѣніе быстро и неудержимо льется въ низшіе слои общества. Необходимо слѣзнуть съ мѣрами преграды и врачеванія противъ этой язвы, болѣе губительной, чѣмъ чума и холера; чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда все будетъ поражено его, никакія мѣры не поправятъ зла, потому что онъ уже будетъ несвоевре-

*) Исслѣд. объ Инороду. Каз. губ. В. А. Сбоева, 1856 г. стр. 6.

менны и поздни. Всего этого не хотятъ знать тѣ, на отвѣтственности которыхъ преимущественно должна лежать забота о стадѣ Христовомъ, — наши архипастыри. Мы не говоримъ: не могутъ, но — не хотятъ, именно не хотятъ.

Земледѣліе. Гдѣ земля хороша и священникъ обдѣльваетъ ее собственными руками, тамъ онъ служитъ хорошимъ пособіемъ. Священникъ не только сытъ съ своимъ семействомъ, но еще продаетъ кое-что, когда Богъ благословитъ хорошимъ урожаемъ. За то, посмотрите на такого священника, есть ли хоть какой-нибудь признакъ, что онъ священникъ? Вотъ — онъ возитъ навозъ: возможно ли къ нему, пропитанному азотомъ, съ головы до пятокъ грязному, подойти подъ благословеніе? Вотъ — онъ подсушиваетъ овинъ? можно ли подозрѣвать въ этомъ чудищѣ, закоптѣломъ, облеченномъ въ лохмотья, служителя Бога вышняго? Вотъ онъ на пашнѣ, въ смуромъ кафтанникѣ по колѣна: что это, какъ не мужикъ? — А если отъ виѣшности обратиться ко внутреннему его состоянію, — Боже, какая загрубѣлость чувствъ, какое отсутствіе всякаго пониманія, что онъ! Весь занятый уходомъ за скотомъ, за землей, свое прямое назначеніе онъ считаетъ чѣмъ-то побочнымъ, чѣмъ-то лишь только мѣшающимъ дѣлу, на которое онъ смотритъ, какъ на главное въ жизни. Случится требованіе въ приходѣ, и особенно въ рабочую пору, — съ неохотою, съ неудовольствіемъ, нерѣдко съ бранью, отрывается онъ отъ своего дѣла; слѣзнуть исправить кое-какъ, лишь бы поскорѣе возвратиться, къ дѣлу. Приходитъ день праздничный, нужно совершить литургію; — о, какой тяжкій, невыносимый трудъ это для него; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ одну обѣдню... Онъ служить, — нельзя же не служить, —

но какъ? Съ невниманіемъ, съ разсѣяніемъ; торопится самъ, лишь бы поскорѣе вырваться изъ церкви, торопятся причетники: читають, поють, какъ будто поспоривши, кто обгонитъ кого... Словомъ, священникъ земледѣлецъ есть тотъ же крестьянинъ, лишь только грамотный, — съ образомъ мыслей, съ желаніями, стремленіями, даже и образомъ жизни чисто крестьянскими. Въ какихъ-нибудь десять лѣтъ такой жизни, онъ до того осваивается съ своимъ грубымъ и грязнымъ бытомъ, что для него не выносимая мука — провести часа два-три гдѣ-нибудь въ хорошемъ обществѣ; даже одѣться прилично для него уже тяжело; напротивъ, верхъ его наслажденія — братотся съ крестьянами въ шумныхъ и буйныхъ ихъ попойкахъ; съ удовольствіемъ пойдетъ онъ въ кабакъ, въ трактиръ, куда угодно, лишь бы позвали; а не зовутъ, и самъ не постыдится до безумія унитъ тамъ вмѣстѣ съ пріятелемъ-прихожанномъ... Вотъ зимній вечеръ; убравшись со скотомъ, священникъ свободенъ; вѣрно, онъ по размыслить о чемъ-нибудь, хоть почитаетъ что-нибудь; нѣтъ, — мыслить — онъ не научился и въ семинаріи; читать — значитъ все-таки работать головой, а въ головѣ его давно уже не варится ничто; умственная дѣятельность для него, уже понимающаго и знающаго одну физическую дѣятельность, дѣло невозможное; и — онъ идетъ на стойку (собраніе крестьянъ въ зимніе вечера на улицѣ), въ глухой, пустой, нелѣпой болтовнѣ проводитъ цѣлый вечеръ. Скажутъ: „вольно-жъ ему довести себя до такого положенія; можно бы быть и земледѣльцемъ и сохранить достоинство сана.“ Можно бы? Конечно, можно. Но мы попросили бы кого угодно испытать на дѣлѣ эту возможность, попробовать, напр., размышлять о высокомъ и прекрасномъ, роясь въ навозѣ; написать что-

нибудь умное и дѣльное вечеромъ послѣ дня, который начался съ трехъ часовъ утра, весь проведенъ подъ лгучими и палашими лучами солнца до того, что и по объѣдать было, нѣкогда, и въ ожиданіи цѣлаго ряда такихъ же дней и даже недѣль; заняться чтеніемъ въ овинѣ, когда тутъ трещитъ, тамъ сыплются искры, и каждую минуту грозитъ опасность сжечь овинъ. Пусть испытають; а испытавши и сами скажутъ, какова эта возможность. Нѣтъ священникъ-земледѣлецъ не можетъ быть истиннымъ іереемъ, даже и похожимъ на него. Привыкшему, по необходимости или по доброй волѣ — все равно, къ неисходной грязи физической, невозможно сохранять чистоту нравственную. Священникъ, по преимуществу, духомъ да ходить, т. е. главнѣйшимъ образомъ должна развиваться въ немъ духовная жизнь; но какъ развиваться ей! когда онъ весь погруженъ въ заботы о семействѣ, чтобы оно было сыто и одѣто, о хозяйствѣ, чтобы оно не разстроилось отчего-нибудь, напр. отъ недостатка сѣна, соломы, навозу и т. под.; когда онъ, какъ простой поденщикъ, безъ усталости и отдыха, впродоженіи цѣлаго лѣта, изо всѣхъ силъ долженъ убиваться на работѣ? Жизнь часто физическая всегда убиваетъ жизнь духовную; вотъ почему у священника-земледѣльца ни думы ни помысла о чемъ-нибудь, что выше его обыденной жизни, ни даже желанія вырваться изъ этой грязной колѣи, въ которой погрязъ весь онъ.

Есть священники, которые не въ состояніи работать сами — по недостатку здоровья, а чаще всего по неумѣнью приняться за дѣло (— вотъ оно, сельское хозяйство въ семинаріяхъ; не выучатъ и соху и косу держать въ рукахъ), и прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ обдѣлывать землю, именно-большую часть ра-

боть исправляютъ такъ называемою помощью. Собрать помощь — значитъ собрать возможно большее число прихожанъ на ту или другую работу. Но этотъ способъ такъ хлопотливъ, соединенъ съ столькими неудобствами, такъ мало вознаграждаетъ священника, что прибѣгать къ нему заставляетъ лишь одна крайность. Крестьянинъ нашъ любитъ помолиться, когда въ немъ нужда; отъ этого священникъ каждого долженъ просить и молить, каждому унизненно кланяться, припоминая и прошедшія и будущія заслуги свои; безъ этого крестьянинъ не пойдетъ. А пойдетъ онъ собственно не за тѣмъ, чтобы работать, а болѣе чтобы напиться. Помочь безъ водки невозможно. Работа помощью и начинается и продолжается и оканчивается водкой. Тутъ двѣ бѣды: не напоить крестьянина — съ досады онъ работаетъ дурно; напоить — работаетъ дурно потому, что, пьяный уже, не можетъ работать хорошо. Отъ этого обработка земли помощью вездѣ и всегда изъ рукъ вонъ дурна. А чего стоитъ напоить 20—40 человѣкъ, и притомъ крестьянъ, которыхъ не скоро и не легко одолѣваетъ хмѣль? Отъ этого обработка стоитъ весьма дорого. Притомъ, сколько случайностей, которыя увеличиваютъ еще цѣнность такой обработки и неудобства ея? Крестьяне напоены и накормлены, пошелъ дождь и — кончена работа, крестьяне возвращаются домой. Еще, еслибъ только расходъ, а то и время уходитъ даромъ; нужно ждать слѣдующаго воскресенья. А что значитъ недѣля въ лѣтнихъ работахъ? Нерѣдко одна недѣля условливаетъ будущій урожай или неурожай. Такъ, земля, обдѣлываемая помощью, доставляетъ священнику самое плохое пособіе. Хлѣбъ, получаемый съ земли обходится ему во столько, во сколько обошелся бы и купленный; слѣдовательно его хлопоты, труды, тревоги, не воз-

награждаются почти ни чѣмъ. Вотъ почему большая часть священниковъ давно бы бросила землю, если-бъ это было возможно.

А кромѣ всего, этотъ способъ неостается и безъ нравственныхъ послѣдствій. 1. Эти работы всегда производятся въ дни воскресные или великихъ праздниковъ, потому что въ будни крестьянинъ ни за что не оставитъ своей работы. Каковъ же примѣръ подаютъ священникъ? Какъ онъ будетъ требовать отъ прихожанъ, чтобы они седьмой день посвящали Богу, когда самъ, первый, нарушаетъ эту заповѣдь? 2. Пьянство сильно развито у насъ въ простонародьѣ, и главная причина его бѣдности и большей части преступленій; какъ священникъ возстанетъ противъ этой губительной заразы, когда самъ, собственными руками, поитъ прихожанъ до пьяна? 3. У крестьянъ много пороковъ, самыхъ грубыхъ; всѣми силами и средствами священникъ долженъ искоренять ихъ; но извѣстно, что искоренять пороки, значитъ — вооружать противъ себя порочныхъ; какъ же священникъ будетъ дѣйствовать, когда всякое обличеніе и исправленіе раздражаетъ порочнаго; и раздраженный противъ него никогда не пойдетъ работать къ нему? По неволѣ, онъ сначала терпитъ и молчитъ, а потомъ уже и привыкаетъ къ этому и самый грубый порокъ въ его приходѣ намется ему чѣмъ-то обыкновеннымъ, неизбежнымъ, противъ чего ни говорить ни дѣйствовать нѣтъ нужды. Наконецъ 4. во всемъ нашемъ простонародьѣ до селъ существуетъ глубоко укоренившееся обыновеніе: гостю не пить безъ хозяина. Ему подносятъ, онъ до толѣ не приметъ чарни, пока не выпьетъ самъ подносящій; не выпьетъ, — гость обиженъ, и не скоро забудетъ обиду. Такъ и на помощи: не пьетъ священникъ съ крестьянами, — все дѣло

испорчено; стóбитъ сдѣлать это разъ, чтобы послѣ никакими мольбами не дозваться прихожанъ на работу. Есть священники, близко намъ извѣстные, которые при поступленіи на мѣста не только не имѣли никакого расположенія къ водкѣ, но даже чувствовали глубокое отвращеніе къ ней. Что жъ? Начинаются работы; сначала прихожане дико смотрятъ на трезваго священника, потомъ и вовсе перестаютъ являться на помощь къ нему. Что дѣлать? Залучить онъ какъ-нибудь двоихъ-троихъ, и — сдѣлаетъ имъ честь, т. е. хлебнетъ нѣсколько капель; сначала ему кажется это отвратительнымъ, но чѣмъ долѣе тѣмъ сносите, и втягивается мало по малу въ пьянство. Начнетъ пить, — и работы пойдутъ, и крестьяне уже не отказываются помогать ему. — Что прикажете дѣлать послѣ этого? — Будь священникъ обезпеченъ въ главныххъ потребностяхъ жизни, не имѣй онъ нужды въ послугахъ крестьянъ вознаграждаемыхъ, по вѣковому и неистребимому обычаю, водкой, — онъ не падалъ бы такъ глубоко; по крайней мѣрѣ не падалъ бы въ самые первые годы своего іерейства. А устоявши въ первые годы, самые трудные, онъ, особенно тотъ, кто и въ семинаріи не получилъ наклонности къ водкѣ во всю жизнь остался бы воздержнымъ и трезвымъ. Даже и получившій наклонность не развилъ бы ее въ себѣ до страсти: у него было бы менѣе случаевъ, менѣе поводовъ къ питью; а то теперь — что воскресенье, что праздникъ, что помочь; что помочь, то водка: какъ тутъ удержаться? Въ воскресенье онъ пьетъ ради дорогихъ гостей, въ понедѣльникъ ради боли головной; съ каждымъ годомъ у него прибавляется лишній день ради чего-нибудь. Оканчивается тѣмъ, что для него невыносимо тяжелъ тотъ день, въ который не удается выпить, и онъ привязывается ко

всякому случаю удовлетворить своей страсти. Нужно нанять работника, плотника, печника и т. п. для подѣлокъ въ домѣ, — онъ и приступаетъ къ дѣлу, и оканчиваетъ его водкой. Случились подѣлки въ церкви, — тоже самое. И какъ умѣютъ этимъ пользоваться рѣзчики, золотари и подобный людъ! Гдѣ предвидятъ работу, — два-три раза пріѣзжаютъ сначала такъ, ради знакомства, съ обильнымъ угощеніемъ. Далѣе съ упоенными до нельзя начинается рядъ. Понятно, какъ производится она; а оканчивается опять двухъ-трехдневнымъ пьянствомъ. Вотъ производится работы; проспавшіеся видятъ, что дѣло идетъ скверно, но какъ возстать противъ такого угостительнаго подрядчика? Случается и возстаютъ, а у него уже готово пособіе, и все успокоивается подъ вліяніемъ алкоголя. Оканчивается работа — также самая исторія при расчетѣ, что и при радѣ. Въ итогѣ: денегъ издержано непростительно много; дѣла сдѣлано непростительно скверно, хотъ снова передѣлывай; но чѣмъ и какъ поправить, когда всѣ расчеты съ подрядчикомъ кончены, и еще аттестать ему данъ, что онъ сдѣлалъ все прекрасно и имъ остались совершенно довольны? Такъ и остается. Не служить даже подобный случай и опытомъ: случится еще дѣло, — и начинается точно также. До такихъ страшныхъ размѣровъ доходитъ страсть, начавшаяся иногда необходимостью — удовлетворить желанію прихожанина, пріѣхавшаго на помощь.

Да, земля доставляетъ священнику большія или меньшія средства жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ глубокаго, ни чѣмъ непоправимаго зла. Для улучшенія его быта необходимо — или вовсе избавить его отъ земли, или дать средства, воздѣлывать ее посредствомъ вольнонаемныхъ рабочихъ. А лучше

всего совершенно освободить отъ нее: пусть онъ, ни чѣмъ постороннимъ и такъ тревожно-хлопотливымъ; какъ земледѣліе, неразвлекаемый, знаетъ одно свое дѣло — служеніе іерейское; пусть онъ главную цѣль, главное назначеніе своей жизни видитъ въ немъ, а не въ полевыхъ работахъ. И при вольнонаемныхъ рабочихъ все-таки онъ будетъ фермеръ, а не священникъ, и съ ними ему необходимо съ утра до ночи быть въ полѣ, иначе все пойдетъ дурно и плата имъ не окупится заработками ихъ. Даже тотъ, кто не совсѣмъ еще забылъ свое назначеніе, будетъ только полуфермеръ, полуіерей, т. е. ни въ полѣ для себя, ни въ служеніи для прихожанъ не сдѣлаетъ ничего истинно прочнаго, на долго полезнаго. Земля была существенно необходима для священника въ прошедшіе вѣка, когда не было ни училищъ ни семинарій. У него, напр. два-три сына, — народъ рослый, здоровый; что было дѣлать имъ, всегда живущимъ дома, какъ не орать вмѣстѣ съ отцемъ, также съизмаленька взросшемъ на работахъ? И рли орали, сѣяли, молотили и т. п.; и выгодно и удобно имъ было, потому что все дѣлали своими руками. Теперь не тѣ требованія отъ дѣтей его; какъ же, казалось бы, не измѣнить радикально бытъ его? — Но нѣтъ! Съ одной стороны его осудили прозябать, какъ прозябали дѣды, прадѣды до Князя Владиміра*); съ другой хотятъ, чтобы отвѣчалъ и современнымъ требованіямъ, былъ іереемъ не по имени, а на дѣлѣ;

*) Да едва ли даже не толковѣе устроено было духовенство и при Князѣ Владимірѣ, чѣмъ теперь. По крайней мѣрѣ, если не все оно, то хоть часть была обезпечена десятиной; а теперь ничего вѣрнаго, ничего надежнаго. Хорошо бы узнать, какой злодѣй положилъ основаніе настоящему устройству его?

дреная логна, возможная только въ Православной Руси! —

Д) Отношенія сельскаго іерея:

1. Къ прихожанамъ.

Изъ всего доселѣ сказаннаго, можно составить нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ сельскаго іерея къ прихожанамъ своимъ. Какъ пастырь, онъ долженъ бы имѣть вліяніе на прихожанъ своихъ, и вліяніе полное, ни чѣмъ не ограничиваемое, ни чѣмъ не стѣсняемое; между тѣмъ на дѣлѣ на оборотъ: находясь въ полной зависимости отъ прихожанъ въ приобрѣтеніи средствъ жизни, онъ подчиненъ ихъ вліянію; не прихожане отъ іерея воспринимаютъ что-нибудь доброе, а іерей отъ прихожанъ воспринимаетъ дурныя привычки, злыя наклонности. Вообще священникъ, въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ, находится въ положеніи самомъ горькомъ, самомъ жалкомъ, самомъ нелѣпомъ. Положеніе его еще невыносимѣе, если въ приходѣ помѣщикъ; но верхъ его несчастія, если ихъ нѣсколько.

Незнакомый съ бытомъ помѣщиковъ постоянно живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, никакъ не повѣритъ, если правдиво описать ихъ бытъ, ихъ жизнь. Да и трудно повѣритъ, — такъ далека ихъ жизнь отъ имени, которое они носятъ (благородные). Не будемъ говорить о помѣщикахъ холостякахъ и живущихъ въ разводѣ съ своими женами, которыхъ однако же не мало въ каждомъ уѣздѣ; вся жизнь ихъ можетъ быть выражена однимъ словомъ — развратъ глубочайшій, безстыдный, ни передъ кѣмъ не скрываемый, дошедшій

до *non plus ultra* своего развитія, до того, что въ цѣломъ имѣнія нѣтъ дѣвпцы неоскверненной, нѣтъ молодой женщины неопозоренной, нѣтъ семейства, въ которое помѣщикъ не внесъ бы своей погубительной заразы. Даже помѣщики съ семействами живущіе представляютъ изъ себя что-то такое до того непонятное что трудно рѣшить: къ какому бы классу отнести ихъ. По названію — они благородные; на основаніи этого они считаютъ себя классомъ привиллигированнымъ, которому предоставлено право жить и дѣйствовать на полной свободѣ, не стѣняясь ни чѣмъ и ни кѣмъ; каждый помѣщикъ, даже какихъ — нибудь 20—30 душъ считаетъ себя аристократомъ, которому все должно подчиняться, передъ которымъ всѣ должны благоговѣть; словомъ, чтобы видѣть тщеславіе самое гигантское, но выражающееся въ ничтожнѣйшихъ мелочахъ, облеченное въ нелѣпнѣйшія формы, — нужно видѣть помѣщика въ его усадьбѣ. По наружности, они люди образованные: въ каждомъ домѣ вы услышите французскую фразу, увидите фортопьяно, найдете артистовъ въ танцахъ и т. под. Но взгляните поглубже, изучите внутреннюю жизнь этихъ помѣщиковъ, — и васъ изумитъ, поразитъ, ужаснетъ пустота и пошлость всей ихъ жизни. Карты, вино, собачи — у мужчинъ; карты, сплетни, интриги — у женщинъ, — вотъ на что иждивается вся жизнь ихъ. Изъ девяти разъ въ десятомъ домѣ вы найдете какую-нибудь библіотечку; но и тутъ не спрашивайте ничего дѣльнаго и серьезнаго: мерзости французской школы, — вотъ изъ чего состоятъ библіотечки — достояніе и наслажденіе барышень, которые еще не могутъ участвовать въ удовольствіяхъ отца и матери. Проведите въ такомъ семействѣ нѣсколько вечеровъ сряду: на первый разъ, быть можетъ, васъ и займетъ болтовня (о, на это мастера всѣ!) о со-

бакахъ помѣщика, о пакостяхъ исправнича или предводителя о дѣлахъ политическихъ (какъ же, — каждый считаетъ себя глубочайшимъ политикомъ, и по пальцамъ перечтетъ всѣ ошибки Правительства, и даже дастъ замѣтить, что все пошло бы прекрасно, еслибы обратились за совѣтами къ нему); на другой вечеръ вамъ подадутъ карточку, — откажетесь, такая же болтовня, что и вчера; на третій также, а такъ *ad infinitum*. Напрасно вы захотѣли бы навести собесѣдника на мысль живую, свѣтлую, могущую затронуть умъ; васъ не поймутъ, отъ васъ отдѣляются какой-нибудь пошлой остротой. Такова большая часть уѣздныхъ помѣщиковъ. Разумѣется есть исключенія, но эти исключенія относятся къ большинству какъ 1 : 100. И какъ ни пусть помѣщикъ въ себя, а посмотрите, какъ онъ смотритъ на своихъ крестьянъ, какъ онъ обращается съ ними; рабочая лошадь и крестьянинъ для него совершенно все равно, а борзой несравненно выше и важнѣе для него всякаго крестьянина; о томъ онъ заботится, чтобы былъ накормленъ, а въ отношеніи къ крестьянамъ у него забота одна: выжимать изъ нихъ потъ, кровь и всѣ силы... Если прибавимъ къ этому, что у рѣднаго помѣщика, кромѣ жены и семейства настоящихъ, нѣтъ еще жены и семейства гдѣ-нибудь въ людской, прачешной и т. под., то можно будетъ составить нѣкоторое понятіе объ этомъ людѣ.

Каково жъ должно быть положеніе священника, у котораго въ приходѣ такое сокровище? Что ему дѣлать, какъ іерею, какъ пастырю душъ? По Апостолу: запретить, умолить, настоять благовременно и безвременнѣ? Боже спаси и помилуй! Да осмѣлся только священникъ хоть намекнуть помѣщику о безпорядкахъ его жизни, которые служатъ примѣромъ

для дворян, для крестьянъ, — ему житья не будетъ. Помѣщикъ самъ не будетъ принимать къ себѣ въ домъ, и крестьянамъ запретить (часто бываетъ это, и даже вотъ за что: если священникъ откажется повѣнчать бракъ въ ближайшемъ родствѣ, или повѣнчать противъ воли жениха и невесты, или схоронить засѣченнаго баринномъ безъ слѣдствія и пр.); и вотъ священникъ безъ всякихъ средствъ жизни. Этого мало, — еще принѣсетъ жалобу преосвященному, описавъ священника такъ, какъ только ему хочется. А на судѣ владыкъ нашихъ помѣщикъ всегда правъ, священникъ всегда виноватъ безъ всякаго слѣдствія. Какъ же иначе и рѣшать? При объѣздѣ епархіи преосвященный найдетъ у помѣщика и роскошный обѣдъ, и обильный ужинъ, и музыку, и все; а что взять у бѣднаго священника, который въ душевной и курной избѣ почти постоянно довольствуется самъ пустыми щами, рѣдкою и тому подобными анти-монашескими снадобьями? Не съѣсть же въ самомъ дѣлѣ за подобный столъ и не слушать оглушительную музыку ребятишекъ! Барыни снабжаютъ преосвященныхъ подушками, коврами своей работы (всегда дѣвки работаютъ), вареньемъ, и инымъ прочимъ довольствуютъ ихъ, — что такъ необходимо для аскетической жизни; а что дастъ попадья? Много-много что холстинну! На чьей-же сторонѣ перевѣсъ? И вотъ дѣло самое обыкновенное: ѣдетъ помѣщикъ съ жалобой; узнавъ это, ѣдетъ и священникъ съ объясненіемъ. Помѣщикъ, — будь онъ изъ дурныхъ дурной, идетъ прямо въ гостиную архіерея; священникъ, — будь онъ образецъ хорошей жизни останавливается гдѣ-нибудь на крыльцѣ, хоть будь морозъ градусовъ въ 30. Помѣщикъ тамъ два-три часа; съ невообразимымъ челоукоугодіемъ выслушиваетъ его архіерей, обѣщаетъ всякое удовлетво-

не, и даетъ слово, еще и не выслушавши священника, перевести его куда-нибудь по дальше и въ село возможно по хуже. Наконецъ допускается и священникъ, передрогшій, измучившійся долгимъ ожиданіемъ (— истомы хуже смерти) предъ лице архіерея. Не кроткое слово апостольскаго преемника встрѣчаетъ его, а грубое, жесткое, грозное: „что ты надѣлалъ тамъ, нелѣпый?“ — порождаетъ его на первомъ шагу. У священника отъ такой привѣтливой рѣчи содрогается весь организмъ; въ глазахъ у него темнѣетъ, мысли путаются, языкъ нѣмнѣетъ; вмѣсто настоящаго объясненія, онъ бормочетъ кое-что. „А, ты еще вздумалъ оправдываться,“ — прикириваетъ на него архипастырь, и не разслушавъ хорошо, что говоритъ онъ, — „пошолъ вонъ!“ — И безъ суда и слѣдствія, по одному словесному доносу, по одной всеспільной (надъ духовенствомъ) и ни чѣмъ не ограниченной волѣ архіерея, священникъ съ позоромъ гонится изъ села, гдѣ устроился, всѣмъ обзавелся, и, загнанный въ какой-нибудь бѣднѣйшій приходъ, до конца жизни бѣдствуетъ страшно. И архіерей, поступая такимъ образомъ, доказываетъ, что онъ челоукъ вполне понимающій современныя правила жизни: „дѣлай угодное, не разбирая справедливо или нѣтъ, тѣмъ, кто можетъ тебѣ заплатить за это; и презирай и гони, правы они или нѣтъ — все равно, тѣхъ, которые ничѣмъ не могутъ воздать тебѣ . . .“ Помѣщики отъ такого архіерея въ восторгѣ, угощаютъ его славно, и чуть на рукахъ не носятъ: на что лучше? Кромѣ того, помѣщики кричатъ громко, и голосъ ихъ легко можетъ достигнуть до Петербурга . . . А священникъ? Оказать ему милость, и даже справедливость, — кто, кромѣ Бога, услышитъ его благословенія? Пусть же онъ, задавленный, стонетъ, обливается кровавыми

слезами, гибнетъ преждевременно, оставляя семейство въ полной нищетѣ, — что за бѣда? Лице слишкомъ ничтожное, чтобы думать объ немъ!..

И священникъ боится гибели, боится не столько за себя, сколько за семейство свое, безмолвенъ при самыхъ дерзкихъ самыхъ нечестивыхъ самыхъ соблазнительныхъ выходкахъ помѣщика своего. При немъ въ домѣ помѣщика коцунствуютъ надъ всѣмъ святымъ (самый обыкновенный предметъ разговора у помѣщиковъ за столомъ, особенно когда тутъ же случится и священникъ), зло смѣются надъ всѣмъ сословіемъ его (на долю монаховъ достается еще болѣе, чѣмъ на долю священниковъ), нагло ругаются надъ учрежденіями Церкви; — и онъ сначала возмущается всей душой своею, содрогается до глубины костей и мозговъ, а возстать противъ этого — смѣло, крѣпко, какъ подобаетъ іерею, не смѣетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хладнокровнѣе слушаетъ подобныя выходки; и наконецъ до того привыкаетъ къ нимъ, что и самъ ввлекаетъ анекдоту.... Вотъ родила дворовая дѣвка; священникъ хотѣлъ бы побранить ее за распутство да еще и барыня просила о томъ же: — житья нѣтъ, всѣ дѣвки перебаловались; а какъ бранить? Что, если она подъ особеннымъ покровительствомъ барина? И молчитъ онъ; а чего добраго и водочки выпьетъ, поздравляя съ благополучнымъ разрѣшеніемъ... Вотъ — лучшему крестьянину баринъ приказываетъ взять за себя дѣвицу, успѣвшую родить двоихъ — троицъ; отбиваться отъ распутной (почти всегда по неволѣ) передъ баринкомъ невозможно: и высѣкутъ, въ мѣсяцъ не забудешь, и взять не минешь; и онъ обращается съ мольбой къ священнику, чтобы не вѣнчалъ. Напрасная мольба! Священникъ хорошо знаетъ всѣ несчастныя послѣдствія подобнаго брака, но какъ идти

противъ воли барской?... И вѣнчаетъ. Такъ и всегда, такъ и во всемъ. И наконецъ онъ не іерей, а тотъ же лакей, лишь въ другомъ костюмѣ... За то и помѣщикъ къ нему хорошъ, и принимаетъ его ласково, и дѣлаетъ участникомъ оргій своихъ. Нѣтъ нужды, что священникъ и напьется, и наколо бродить, — это ничего: похочутъ и на другой день поправить его; одного не простятъ: если онъ осмѣлится быть настоящимъ іереемъ. Но, поставленный въ такое положеніе въ отношеніи къ помѣщику, можетъ ли онъ быть настоящимъ пастыремъ для прихожанъ крестьянъ? Нѣтъ. Преслѣдовать зло и порокъ въ крестьяннѣ; когда тутъ-же, передъ глазами, большее зло, страшнѣйшіе пороки, противъ которыхъ онъ не смѣетъ возстать, значить — слишкомъ рѣзко противорѣчить себѣ, да и трудиться безъ пользы. И у крестьянъ есть своя логика; и на всѣ убѣжденія священника они будутъ отвѣчать одно: „такъ, мы дурико дѣлаемъ, — намъ за это и казни въ настоящей жизни и адъ въ будущей; а баринъ-то дѣлаетъ похуже; что жъ? и здѣсь-то онъ живетъ въ раю, и въ будущей чай ты обѣщала ему рай же... — а коли за такія дѣла въ самомъ дѣлѣ адъ, такъ чего жъ ты не скажешь барину, не остановишь его дѣлъ, не пригрозилъ ему адомъ, какъ и намъ грѣшнымъ? Барину можно это дѣлать, а намъ нельзя; полно, ты только насъ морочишь и стращаешь, вѣрно, съ барскаго приказу“.... Что противъ этого скажетъ священникъ? Ему остается молчать и — плакать о такомъ страшномъ положеніи своемъ (по истинѣ страшномъ: что услышитъ онъ на судѣ грозномъ послѣ такого пастырства?), если онъ еще сохранимъ въ себѣ самосознаніе; или — идти къ помѣщику и въ оргіяхъ заглушить послѣдніе проблески совѣсти.

А если въ приходѣ два, три и болѣе помѣщиковъ

(бываетъ и до десяти, разумѣется мало-душныхъ, но съ претензіями немалыми, чѣмъ у много-душныхъ), то жизнь его, при всемъ челоѣкоугодничествѣ, невыносимая мука. Почти небывалое дѣло, чтобы помѣщики — сосѣди жили дружно между собою. Они знакомы и нерѣдко посѣщаютъ одинъ другаго; однако-жь это не мѣшаетъ взаимно сплетничать и чернить; конечно за глаза сосѣда. Мелкое, до нелѣпости пошлое самолюбіе заставляеть ихъ зорко наблюдать, чтобы кто-нибудь не сказалъ сосѣду большаго почтенія, чѣмъ имъ. Случится это, — горе поступившему такъ. „Накъ! N. N. сдѣлано то и то, а намъ нѣтъ; да развѣ мы хуже его? — да N. N. вотъ что (перечень всего дурнаго въ N. N.); да и этотъ (что сказалъ большее почтеніе) не лучше; рыбакъ рыбака въ плесѣ видѣть и пр. и пр.; вотъ мы докажемъ ему, что значить пренебрегать нами: не принимать его, отказать отъ дому; или нѣтъ, — принять да распечь хорошенько, и потомъ ужь отказать“ и пр. и пр. — Что дѣлать священнику въ такомъ приходѣ? Онъ сошелся съ однимъ, угодилъ одному; черезъ это вооружилъ противъ себя другихъ. Угодить всѣмъ, по самому его служенію, не возможно. Такъ — одинъ требуетъ, чтобы обѣднѣ начиналась въ 8 часовъ, другой — въ 10; случился праздникъ, — нужно идти по домамъ, нѣтъ молебны: онъ пришелъ къ первому N. N., всѣ другіе обидѣлись этимъ, — за чѣмъ не къ нимъ первымъ, и не принимаютъ священника въ домъ; а если и примутъ, то ужь такъ распекутъ, что не скоро забудеть. Случается, даже жалуются архіерею. И вотъ потѣха въ одномъ и томъ же приходѣ; одни не находятъ словъ хвалить священника, другіе — бранять его. Архипастырь, какъ и слѣдуетъ, рѣшаетъ не въ пользу того, на чей сторонѣ правда, а кто богаче: священникъ

спасень, если болѣе достаточный на его сторонѣ, и погибь, если онъ противъ него, хотя бы за священника стояли девять другихъ помѣщиковъ, но мелькихъ, и весь приходъ.

— Болѣе свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ священникъ въ томъ приходѣ, гдѣ прихожане — казенные крестьяне. Но и тутъ, какъ выше мы замѣтили, священникъ неизбѣжно подвергается вліянію прихожанъ, и не можетъ быть настоящимъ пастыремъ. Кромѣ того, есть еще обстоятельство, которое, при настоящемъ положеніи дѣлъ, слишкомъ губительно дѣйствуетъ на него. Въ нашемъ простонародьѣ доселѣ неизмѣнимымъ сохраняется то свойство, которое во времена давнія отличало предковъ его; — гостепріимство. Прекрасное въ себѣ, оно однако же слишкомъ грубо, невыносимо — навязчиво проявляется у крестьянъ. Такъ, случился праздникъ, напр. Пасха, — священникъ ходитъ съ образами. Угощеніе т. е. водка и закуска, въ каждомъ домѣ. Молебенъ отслужили, и священника просятъ — почтить хозяина, — выпить водки и закусить. Священникъ отказывается, — передъ нимъ становится все семейство на колѣни и не встаетъ, пока священникъ не выпьетъ. Не подѣйствовало и это; уговорилъ онъ хозяевъ встать, и идетъ не выпивши: конечно, хозяинъ въ страшной обидѣ; съ негодованіемъ бросаетъ что-нибудь за молебенъ, и уже не провожаетъ священника. *) Послѣ,

*) А это выраженіе величайшаго неудовольствія. Обыкновенно: священника изъ одного дома все семейство провожаетъ до воротъ другаго, тамъ уже ждетъ все семейство и такъ черезъ всю деревню. По окончаніи дѣла старѣйшіе и почтеннѣйшіе толпой провожаютъ до околицы. — Боже, и при такомъ положеніи духовенства такое усердіе къ нему; что-жъ было

священникъ не осмѣлся и толкнуться къ нему съ какой-нибудь нуждой, — грубый отказъ: ты не хотѣлъ почестить меня, такъ я не слуга тебѣ. Такъ въ одномъ домѣ, такъ въ другомъ и третьемъ и далѣе; и къ концу деревни самый осторожный и крѣпкій едва въ силахъ исполнять свое дѣло, менѣе осторожный и крѣпкій совершенно теряетъ свое сознание; и чего только не дѣлается въ такомъ положеніи! — Дурно это, нестерпимо дурно, — совершенно согласны мы съ этимъ. Но просимъ стать кому угодно на мѣсто священника и сказать: какъ бы поступилъ онъ? Выдержалъ бы онъ все: и просьбы и гнѣвъ, и не сталъ бы пить ни въ одномъ домѣ? Такъ. Но послѣ этого цѣлая деревня, весь приходъ негодуетъ на него. Настало время работъ, — ни одинъ крестьянинъ нейдетъ помогать; тутъ что онъ станеть дѣлать? Двумя своими руками не много сдѣлаешь. Онъ найметъ работниковъ; а на что? Вотъ была Пасха: крестьянинъ безспорно даетъ священнику положенное, когда доволенъ имъ; а недоволенъ, бросаетъ какую-нибудь мелочь, и никакія просьбы, никакія мольбы не заставляютъ прибавить; слѣдовательно послѣ Пасхи въ итогъ собранной суммы суцая бездѣлица и та уже вышла на расходы домашніе, на отправку сына въ семинарію и т. под. Просимъ отвѣчать: что сталъ бы онъ дѣлать? А еще что заговорить причетъ при малой дачѣ (какъ онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ, — будетъ сказано дальше)? Будь у священника другія средства, болѣе вѣрныя, не будь онъ сиованъ земледѣліемъ, — дѣло иное. Негодованіе прихожанъ не было бы для него страшнымъ, потому

бы, еслибъ каждый пастырь былъ настоящимъ пастыремъ?!

что не повело бы къ такимъ потерямъ, отъ которыхъ ему пришлось бы такъ страшно бѣдствовать; не далъ ему за молебенъ или дали мало? Что за бѣда? онъ обезпеченъ и нищета не стоитъ грознымъ призракомъ передъ его глазами. Десять лѣтъ терпѣнія, — и крестьяне привыкли бы видѣть въ священникѣ чело-вѣка трезваго и воздержнаго, и перестали бы его мучить своими не отступными просьбами. И при такомъ положеніи духовенства, по истинѣ горькомъ и погибельномъ, нашлись архипастыри, которые дерзнули сказать, что жалованье не нужно! Видно, хорошо знакомы они съ бытомъ сельскихъ іереевъ, внимательно вглядывались въ ихъ нужды и образъ жизни! Честь и слава такимъ архипастырямъ — благодѣтелямъ духовенства!

Кстати, нѣсколько словъ вообще о хожденіи по приходу. Если когда либо рѣшатся приступить на самомъ дѣлѣ къ преобразованію духовенства, то въ числѣ самыхъ необходимыхъ мѣръ должно быть совершенное уничтоженіе этихъ хожденій. Къ чему и для чего они? Нужно служить молебенъ, — пусть служатъ въ церкви. А то, посмотрите, что дѣлается въ селахъ: пьяные служатъ, пьяные молятся; что-жъ это за молитва? Да, эти хожденія не дѣло религиозное, а лишь обычай, положимъ вѣковой съ единственною цѣлью собирать деньги. Уничтожьте этотъ обычай, — и вы уничтожите на половину пьянство и безпорядки въ духовенствѣ. Можно допустить одно: разъ въ годъ поднять образа, но съ однимъ непремѣнно условіемъ, чтобы каждая деревня дѣлала это особенно, приготовившись постомъ; чтобы въ день поднятія священникъ служилъ литургію, за которой была бы вся деревня чтобы священникъ прямо изъ церкви шелъ съ образами, по всей деревнѣ не сходя

валъ облаченія, и по окончаніи дѣла, ни на минуту не останавливаясь въ деревнѣ, возвращался опять въ церковь съ образами. Вотъ это было бы прекрасно, было бы дѣло чисто религиозное, а слѣдовательно святое и спасительное. А то, напр., о Пасхѣ тащатъ образа изъ одной деревни въ другую дѣвки и бабы; тутъ и шумъ и хохотъ и перебранки; послѣ волокутъ священника съ причетомъ въ телѣгѣ; — не позоръ ли это для религіи? И не лучшее-ль средство въ конецъ убить всякое расположеніе къ ней крестьянъ? —

2. Къ причту.

Чудное, непонятное, ни чѣмъ необъяснимое явленіе въ нашей Церкви: причетъ принадлежитъ къ духовному сословію! Дьяконы, дьячки и пономари въ числѣ духовенства! По истинѣ — духовныя лица!

Что это за людъ? Объяснимъ хоть коротко ихъ генеалогію.

Ученикъ, въ училищѣ или семинаріи, совершенно сбился съ толку: онъ и пьяница, и буянъ, и воръ, словомъ — дурень до того, что даже въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ терпимъ быть не можетъ, и — его выгоняютъ. Выгнанный, года два-три и больше шляется гдѣ пришлось, и на полной свободѣ совершенствуетъ свои разнообразныя способности. Открывается гдѣ-нибудь мѣсто причетника; онъ просится, и — его опредѣляютъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы его выгнать со всѣмъ изъ духовнаго званія, освободить сословіе отъ заразы, по самой строгой справедливости — отдать въ солдаты, — его дѣлаютъ чле-

номъ клира, служителемъ Церкви, меньшимъ служителемъ, правда, но все-таки Церкви, а не друго-го-чего!.. Исклученій тутъ нѣтъ, потому что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ исключаются лишь озъявленные негодяи; бездарные, даже лѣнныя, но ведущіе себя хорошо, перетаскиваются изъ класса въ классъ и доводятся до окончанія курса. Какимъ же онъ можетъ быть, и всегда бываетъ, служителемъ Церкви?

Если въ училищѣ, подъ ферулой безпоощадно называющихъ его учителей, онъ былъ негодяемъ, и никакими казнями не могъ быть исправленъ то можно ли ждать отъ него добра на мѣстѣ, гдѣ онъ пользуется полной свободой, и еще располагаетъ кое-какими средствами? Нельзя ждать, и обыкновенно не бываетъ добра. Сельскій причетъ (— да и городской также; дьякона мы причисляемъ къ причту потому, что онъ, какъ по происхожденію — иногда изъ выключенныхъ, такъ по духу, направленію и стремленіямъ большею частью едино съ дьячкомъ и пономаремъ), безъ малѣйшаго преувеличенія, срамъ и позоръ — не званія, а челоуѣчества. Онъ ниже, отвратительнѣе всего, что только есть въ людяхъ. Всякій крестьянинъ выше его: тотъ бываетъ грубъ, жестокъ, упрямъ; но трудолюбивъ, почтителенъ къ высшимъ себя, по своему — честенъ, имѣетъ понятіе о стыдѣ и совѣсти; предается грубымъ порокамъ, но сознаетъ что дѣлаетъ дурно и рѣдко падаетъ до того чтобы, потерявъ все челоуѣческое въ себя, низойти до степени животныхъ. Въ причтѣ же обыкновенно ни тѣни ничего подобнаго! Онъ невообразимо лѣнивъ, безсовѣстенъ, дерзокъ и — безъ малѣйшаго сознанія своей дурноты! Короче: это животное, вѣчно алчное, прожорливое, хищное, хитрое на самыя злыя и пагубныя продѣлки, радующееся гибели другихъ, и особенно высшихъ себя... И такое

животное — членъ духовнаго сословія! И ему дано право — входить во всѣ дѣйствія и распоряженія священника, какъ и по приходу, такъ и по церкви, до того, что онъ долженъ, вмѣстѣ съ священникомъ, свидѣтельствовать всѣ книги, касающіяся прихода, всѣ документы церковные; долженъ наблюдать за приходомъ и расходомъ суммъ и пр. и пр. Можно ли придумать что-нибудь нелѣпѣе такого устройства клира?

И съ такимъ-то людомъ долженъ жить и дѣйствовать священникъ! При пособіи его долженъ совершать божественныя служенія и исправлять всѣ требованія приходскія! Каково-жъ должно быть положеніе священника? — Представимъ нѣкоторые случаи. Случается, священникъ на первыхъ порахъ своей жизни хотѣлъ бы улучшить то и другое, завести и служеніе по благовѣнью, и служить въ приходѣ молебны по чинью; но противъ этого всегда, явно и нагло, встаютъ причетники и дьяконъ особенно; ни убѣжденія, ни страхъ наказанія на нихъ не дѣйствуютъ; жалобы на нихъ ближайшему начальству не помогаютъ; доносъ преосвященному, если не повредитъ со всѣмъ священнику, то измучитъ его слѣдствіями (почему и какъ — увидимъ); побьется, побьется священникъ и — броситъ. Случается, священникъ еще не погрязшій въ омутѣ жизни, нѣсколько времени выдерживаетъ всѣ нападенія крестьянъ — пить водку, какъ выше мы сказали, за то онъ лишается настоящей расплаты за молебенъ. Иной, быть можетъ, какъ-нибудь и перенесъ бы еще эту невзгоду; но тутъ же поднимается ужаснѣйшій бунтъ дьякона и причетниковъ. Съ первыхъ же домовъ деревни они всегда успѣваютъ упиться до безумія; а въ такомъ состояніи чего не позволить себѣ подобный людъ? Отъ

этого, нѣтъ словъ позорныхъ, нѣтъ брани отвратительной, которыми бы они не осыпали священника. Доходитъ нерѣдко до того, что священнику необходимо спастись бѣгствомъ отъ разъяренныхъ своихъ сослужителей. — Но они проспятъ и сознаютъ свою вину? — Ничего не бывало; въ праздники они не просыпаются: въ полночь, какъ и въ полдень, они въ одномъ положеніи, потому что ради праздника у каждого въ домѣ водка. По этому, ѣхать съ ними опять въ приходъ, значило бы рисковать священнику собственнымъ здоровьемъ: какъ ни были они пьяны, а вчерашней исторіи не забыли и постарались бы не забыть ее сегодня; и онъ откладываетъ хожденіе до окончанія праздника. Вотъ у нихъ наконецъ прошло нѣсколько безуміе, и священникъ приказываетъ имъ отправляться въ приходъ. — „Мы поѣдемъ, отвѣчаютъ они, если священникъ будетъ брать сполна за молебенъ, — безъ этого нѣтъ;“ и — не ѣдутъ, чтобы тутъ священникъ ни дѣлалъ. Одному ходить нельзя, и онъ оставляетъ приходъ. Такъ проходитъ одинъ праздникъ, такъ другой. Прихожане раздражены до нельзя; ихъ еще болѣе подзадориваетъ причетъ, а, такъ называемыхъ, горлановъ и подпоятъ къ тому же, — и страшная буря разражается надъ священникомъ! Напрасно онъ хотѣлъ бы объяснить въ чемъ дѣло, — его не слушаютъ, и всѣ его убѣжденія заглушаютъ, крикомъ: „самъ больно спѣсивъ; дьяконъ и причетники у насъ добрые люди, — и у насъ выпьютъ, и насъ угостятъ; а тебѣ ничто не въ честь; до владыки дойдемъ“ и пр. и пр. Утишить бурю, — кому же пріятно слушать ее? — одно средство: удовлетворить требованію причта и прихожанъ; и удовлетворяетъ такъ несчастно поставленный іерей, и, возсѣдая за однимъ столомъ съ поганымъ причтомъ

своимъ, чередуется съ нимъ въ чарнахъ... И торжествуютъ и довольны дьяконъ и причетники, что унизили своего священника; сиди на одной скамьѣ, пользуясь одинакимъ угощеніемъ, они уже считаютъ себя равными ему; и не закипсъ священникъ сдѣлать имъ замѣчаніе, потребовать отъ нихъ должнаго: на слово правды наскануть они сотни обидъ ему. Воздержный и трезвый іерей былъ имъ опасенъ теперь боится нечего; бѣснуйся, сивернословься, дѣлай всѣ пакости, — не посмѣеть донести; самъ тутъ же былъ... И Боже мой, Боже мой! Еслибъ миллионная доля праздничныхъ подѣтелей была выведена на свѣтъ Божій, то какимъ вѣчно-неизгладимымъ пятномъ покрылась бы наша Церковь!!! — священникъ служить молебенъ, — сзади его дьяконъ играетъ на гармоникѣ, причетники пляшутъ, и все семейство крестьянина хохочетъ; священникъ святить воду, — тутъ же, за дверью, дьяконъ, въ стихарѣ, тормошитъ бабу, а та съ бранью и крикомъ отбивается отъ него; священникъ вошелъ въ домъ и спрашиваетъ: куда-жъ дѣвались дьяконъ и причетники; и вотъ, послѣ долгаго ожиданія, ведутъ къ нему дьякона, вытасценнаго гдѣ-нибудь изъ канавы, всего въ грязи и съ связанными ораремъ руками, потому что онъ порывался еще драться; а о причетникахъ говорятъ, что и привести ихъ нельзя — до того они хороши, или что связанные привязаны гдѣ-нибудь къ столбу; — эти, и подобныя имъ, явленія еще не самыя рѣзкія и поразительныя. Бываетъ и хуже; о, до чего сиверно бываетъ! Или вотъ что дѣлается въ каждомъ, безъ исключенія, приходѣ, когда у крестьянина заведется свадьба. Прежде всего, недѣли за три, онъ долженъ объявить священнику и причту о своемъ намѣреніи. Это значитъ, что онъ долженъ привезти водки и

угостить всѣхъ до сыта. За тѣмъ, во все время до свадьбы, дьяконъ и причетники пользуются всѣми случаями посѣщать этого крестьянина, нерѣдко и съ женами своими, и каждый разъ онъ долженъ удовлетворять ихъ, т. е. напоить до безчувствія. На канунъ свадьбы, онъ долженъ явиться съ хлѣбомъ — солью ко всѣмъ, съ деньгами за свадьбу и съ неизбѣжной водкой. Напоенные однако же мало снисходительны къ крестьянину, и назначаютъ всегда изрядную сумму за повѣчаніе. Крестьянинъ торгуется, уходитъ, возвращается, набавляетъ полтину, рубль, два; нѣтъ, — не уступаютъ; поить ихъ еще, напивается самъ и кое-какъ наконецъ улаживаетъ дѣло. Пріѣзжаютъ съ поѣздомъ; священникъ въ церкви, причетъ не является. Посылаютъ за ними; несутъ имъ водки, пива, пироговъ; и — если до свадьбы угощенія были достаточны, т. е. если крестьянинъ былъ на столько терпѣливъ и богатъ, что поимъ ихъ, какъ имъ хотѣлось, то, поломавшись не много, они идутъ; если жъ казалось имъ мало, то не легко затащить ихъ въ церковь. Поѣздъ стоитъ часъ, два, нерѣдко съ 11 часовъ дня до темной ночи, имъ — и дѣла нѣтъ. Спросить: а что жъ смотритъ при этомъ священникъ? При пастищемъ положеніи дѣлъ въ духовенствѣ, ему дѣлать нечего. Онъ приказываетъ, его не слушаютъ; часто ходитъ самъ къ инымъ по домамъ, — и то же безъ всякой пользы. Ихъ наконецъ спрашиваютъ: чего жъ они хотятъ? — „А вотъ отвѣчаютъ они, ты не хотѣлъ угощать насъ хорошо, такъ за это — полведра теперь, по меньшей мѣрѣ, четверть водки; безъ этого не пойдемъ, стой хоть недѣлю.“ — Дѣлать нечего, посылаютъ за водкой, или даютъ имъ деньги. Удовлетворенные, полуживые, являются они наконецъ въ церковь. Что дѣлается именно такъ и не рѣдко, — подтвердить

наждый крестьянинъ Московской, Ярославской, Тверской и Владимірской губерній.

Какъ истребить все это зло? Средство одно: радикально преобразовать устройство клира. Въ церкви и приходѣ должно быть одно лице, официально назначенное и утвержденное — священникъ. На полной отвѣтственности его, и его одного, безъ всякаго вмѣшательства иныхъ лицъ, должно лежать управленіе всѣми дѣлами по церкви и приходу. Лишь только дѣйствуя самостоятельно, не стѣсняемый ни кѣмъ и ни чѣмъ, можетъ онъ ввести улучшения и порядокъ въ богослуженіи, такъ искаженномъ, такъ уничтоженномъ въ настоящее время. Безъ этого, всѣ преобразования и улучшения въ быту и дѣятельности сельскихъ іереевъ — ни къ чему. Будь священникъ и уменъ, и честенъ, и богобоязливъ, — т. е. будь онъ настоящимъ іереемъ; но, доколѣ существуетъ настоящее устройство клира, онъ не въ состояніи сдѣлать ничего дѣльнаго. При всякомъ необходимомъ нововведеніи, онъ встрѣтитъ отъ причта и пререканія и претыканія для себя, за которыми неизбѣжны: и соры, вражда и судбища. Тутъ ни какое терпѣніе не поможетъ; этотъ людъ, развращенный до послѣдней степени, дерзокъ и упрямъ до того, что и вообразить трудно. Борьба чести съ самой наглою безсовѣстностью, ума съ глубочайшимъ невѣжествомъ, благочестія съ грубѣйшимъ нечестіемъ, — слишкомъ не ровная борьба: у послѣднихъ тысячи изворотовъ, тысячи извилинь — оправдать передъ судомъ человѣческимъ себя и погубить другаго; у первыхъ — одинъ путь, вѣрный для достиженія неба, сомнительный для полученія суда правдиваго передъ владыками. Притомъ, каждая борьба возмущаетъ душу; какъ же священникъ будетъ приносить жертву мира съ душой

возмущенной, чуждой мира? О, какъ часто между утреней и обѣдней дьяконъ и причетники нарочно стараются уколотъ, уязвить, раздражить священника, и онъ, сохранивъ все наружное хладнокровіе, служить однако же литургію съ растерзанной душой и предстоить предъ страшнымъ престоломъ съ тѣмъ же дьякономъ, который сей-часъ только терзалъ его! Какъ часто причетникъ, подавая надило священнику, тутъ-же говоритъ ему грубости; какъ часто, пьяный, онъ безчинствуетъ, хохочетъ, бурлитъ на клиросѣ и даже въ алтарѣ, и все это среди самой литургіи! Скажутъ: „для искорененія всего этого необходимы мѣры строгости.“ Нѣтъ, ни какія и самыя строгія мѣры не помогутъ. Положимъ, накажутъ двоихъ, троихъ, десять человѣкъ; тысячи таковыхъ же останутся, да и на мѣсто наказанныхъ поступятъ точно такія же негодяи. Вѣдь наказываютъ, хоть чрезвычайно рѣдно, и теперь; однако-жь это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Притомъ, чѣмъ злѣе, чѣмъ ожесточеннѣе человѣкъ, тѣмъ онъ изобрѣтательнѣе на мерзости и на умѣнье скрыть ихъ. Такъ — этотъ людъ при строжайшихъ мѣрахъ будетъ только осторожнѣе, т. е. не будетъ терзать священника при людяхъ постороннихъ, а будетъ искать случаевъ сдѣлать это гдѣ-нибудь наединѣ. Да и за чѣмъ искать? Случай эти на всякомъ шагу. Вотъ, напр., въ алтарѣ дьяконъ или причетникъ жестоко оскорбилъ священника; священникъ не вынесъ, — донесъ. Слѣдствіе: кто видѣлъ, кто слышалъ. Ничто. Остальные клянутся всѣмъ святымъ, — что для этого погубельнаго люда клятвы? — что этого никогда не бывало, и оскорбитель еще жалуется, что священникъ обнесъ его напрасно. Какой конецъ? — да того что троимъ вѣрятъ больше, чѣмъ одному священнику и, —

отдаютъ его подъ судъ за несправедливый доносъ. Или вотъ одинъ изъ многого множества случаевъ, одинъ, который можетъ дать вѣрное понятіе о положеніи священника въ отношеніи къ причетникамъ. Въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ . . . скихъ церквей, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ священникъ прекраснѣйшей жизни. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ къ дьякону и причетникамъ, т. е. требовалъ, чтобы они вели себя какъ должно. Нестерпимымъ за то казался имъ священникъ, и всѣ средства употребляли они погубить его. Прямо и явно они однако же не могли сдѣлать ничего, такъ онъ чисто держалъ себя. Они обратились съ самыми нелѣпыми клеветами къ благочинному. Благочинный былъ образецъ благочинныхъ, — весь состоявшій изъ жажды денегъ. Священникъ и по бѣдности прихода и по семейству, — дѣтей у него было девять человѣкъ, не могъ удовлетворять этой жадѣ, и страшно золь былъ на него за то благочинный. Съ одной клеветой онъ однако жъ не могъ возстать на священника. Правда, передавалъ ее всю, и съ собственными дополненіями, архіерею, и успѣлъ жестоко вооружить его противъ священника; но все это были слова, а дѣлъ не было. Наконецъ онъ сазалъ причту, что лишь бы они нашли случай зацѣпить повѣрше священника, а онъ ужъ сдѣлаетъ свое дѣло. И вотъ какую продѣлку придумали дьяконъ и причетники. Въ самый Великій Пятокъ (такое дьявольское соображеніе: тѣмъ выше день, тѣмъ менѣе поостережется священникъ, весь сосредоточенный въ себѣ, тѣмъ менѣе заподозрить, чтобы въ такой день дерзнулъ онъ замыслить погибель его!!) священникъ пришелъ къ часамъ; дьяконъ и причетники стоятъ въ алтарѣ. Священникъ начинаетъ часы, — дьячень безмолвенъ и неподвиженъ. Священникъ при-

называетъ ему читать, — онъ отвѣчаетъ бранью. Священникъ проситъ его выйти вонъ, — онъ ругается скльибе и кричитъ на всю церковь. Священникъ идетъ и читаетъ самъ, — онъ заглушаетъ его голосъ ругательствами. Что оставалось дѣлать священнику? Встервоженный и разстроенный до послѣдней степени, онъ скидаетъ облаченіе и уходитъ изъ церкви. Горько плакалъ онъ во весь день, и однако-жъ не рѣшился для такихъ страшныхъ дней завести дѣло. А дьячень тутъ же отправился съ доносомъ къ благочинному, что священникъ изругалъ и даже прибилъ его въ алтарѣ; среди службы сбросилъ съ себя ризы и ушелъ домой. Въ этотъ же день благочинный явился съ доносомъ къ архіерею. Какъ ни былъ архіерей вооруженъ противъ священника, однако жъ уговаривалъ благочиннаго — примирить священника съ причтомъ; тотъ не согласился, и дѣло пошло въ ходъ. Священникъ чистый въ душѣ и совѣсти, рассказалъ все какъ было; подтвердить его словъ было не кому; въ церкви еще никого изъ прихожанъ не было; единственные свидѣтели. — дьяконъ и пономарь, были вмѣстѣ съ дьячкомъ устроителями всей этой продѣлки, и съ клятвой подтвердили доносъ. И вотъ рѣшеніе дѣла: „священникъ самъ сознался, что ушелъ изъ церкви, не кончивъ служенія; за это, на основаніи N. N. статей, его лишитъ мѣста и на шесть мѣсяцевъ послать во дьячки.“ Главная же вина всего — дьячень не понесъ ни малѣйшаго наказанія. Советовали священнику жаловаться въ Синодъ; но какъ жаловаться, когда свидѣтелемъ всего дѣла былъ Господь? Кромѣ того, будь священникъ богатъ, онъ и безъ Синода былъ бы оправданъ; а у бѣдняка, — у него не только не было денегъ на бумагу для жалобы, но и нужнѣйшее-то на Пасху онъ приготовилъ съ горемъ по поламъ. И,

Отецъ Небесный, что вытерпѣлъ онъ, вытерпѣло все его семейство въ шестимѣсячное его подначаліе и въ цѣлый годъ, который провелъ онъ потомъ до присна- нія мѣста!... Если не перемерли всѣ они съ голоду, то обязаны этимъ одному изъ бывшихъ прихожанъ — крестьянъ; онъ, помня какую-то заслугу священника, каждую недѣлю привозилъ ему по пуду ржаной муки; такимъ образомъ цѣлыхъ полтора года несчастные питались, и то не всегда до сыта, однимъ ржанымъ хлѣбомъ съ водой... Подобныя вещи — дѣло очень обыкновенное. И все это будетъ до скончанія вѣка, если дьяконъ и причетники будутъ, въ такомъ же отношеніи къ священнику, какъ теперь. Жалованье не сдѣлаетъ ихъ лучше, потому что этотъ народъ неисправимъ. При жалованье будутъ: таже зависть, — за чѣмъ священникъ и получаетъ и чтится больше; таже пьянство, или вѣрнѣе пьянство увеличится еще больше, потому что увеличатся средства; словомъ, — будетъ въ тысячу разъ хуже, жизнь священника еще невыносимѣе, дѣла позорныя чаще, и все сословіе упадетъ еще ниже.

Нѣтъ, не такъ долженъ быть устроенъ клиръ, если хотять, чтобы Церковь процвѣтала и служеніе іерей- ское достигало вполне своей цѣли. Дьяконы должны быть вовсе уничтожены въ селахъ (а также и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, кромѣ соборовъ); причетники не должны принадлежать къ сословію духовенства, — ихъ необходимо со всѣмъ исключить изъ него. Начать съ дьяконовъ: на что они въ Церкви? Какую пользу они приносятъ Религіи? Какую нужду имѣютъ въ нихъ Православіе и православные? Ни малѣйшей! Всякое дѣло по церкви и приходу прекрасно обходится безъ нихъ. А зла и вреда отъ нихъ бездна. Изъ подѣ- телей ихъ развѣ тысяча первая доходитъ до архіерея;

всѣ прочія, по разнымъ причинамъ, сходятъ съ руль. Пройдите вдоль и поперегъ Россію, спросите любого священника на всемъ пространствѣ ея, — и каждый, передъ Богомъ и совѣстью, подтвердитъ эту истину. Дьяконъ — вѣчный клеветникъ священнику на при- четниковъ, причетникамъ на священника; вѣчный за- вистникъ священнику; вѣчный обольститель при- четниковъ и даже прихожанъ на бунтъ и возмущеніе противъ священника; вѣчный сѣятель раздоровъ, на- чинщикъ тягбъ. — И съ нимъ-то священникъ долженъ совершать божественныя служенія! Другое дѣло, — при служеніи архіерейскомъ, въ монастыряхъ и собо- рахъ, также въ городахъ, по большимъ приходамъ; тамъ, для служеній торжественныхъ, онъ пусть бу- детъ; тамъ, напр. при архіереѣ или архимандритѣ, которые имѣютъ не ограниченную власть надъ ними, они не опасны. А въ селахъ — ихъ истребить, какъ самую злую язву, все заражающую и губящую.

Причетники не должны быть опредѣляемы къ Церкви, какъ теперь, а вольнонаемные какъ напр. сторожа. Ученикъ исключенъ изъ училища или семи- наріи, какъ негодный; слѣдовательно, онъ ни какъ не заслуживаетъ того, чтобы принадлежать церкви. Пусть онъ припишется къ крестьянству или мѣ- щанству, и если способенъ, то нанмается въ причет- ники. Дурень онъ, пьянъ и развратенъ, — священ- никъ его прогоняетъ и нанмаетъ другаго. Но нѣтъ, онъ побойся быть дурнымъ, зная, что съ потерей мѣста лишится средствъ жизни. Онъ будетъ испра- вень въ дѣлѣ, вѣжливъ и притителенъ къ священнику, заботливъ о службѣ и не осмѣлится такъ нагло опи- вать прихожанъ. Словомъ, — тогда только онъ бу- детъ причетникомъ, какимъ долженъ быть онъ, какъ о томъ пишется въ граматѣ причетнической. А съ

тѣмъ вмѣстѣ, сколько дудеть еще другихъ прекраснѣйшихъ послѣдствій такого преобразованія! Теперь правленія и консисторіи завалены тяжбами и судбищами между всѣми членами клира; тогда объ нихъ и помину не будетъ, и въ консисторіяхъ на половину убавится чиновниковъ, да и остальнымъ нечего будетъ дѣлать. Значитъ, и самимъ архипастырямъ не будетъ нужды убивать время на разбирательство и рѣшеніе дѣлъ — грязныхъ, позорныхъ, возмутительныхъ, дѣлъ, объ которыхъ по настоящему не слѣдовало бы и знать архіереямъ, какъ монахамъ. Такъ, — будутъ или нѣтъ сдѣланы другія какія улучшенія въ духовенствѣ, а эта мѣра необходима и не медленно должна быть приведена въ исполненіе, т. е. дьяконы по селамъ вовсе уничтожены и причетники вольнонаемные. Ручаемся всѣмъ, чѣмъ угодно, — одна эта мѣра на всегда искоренитъ большую часть злоупотребленій въ сельскихъ приходяхъ, и такихъ злоупотребленій, которыя никакими другими мѣрами уничтожены быть не могутъ. Предвидимъ много возраженій противъ этой мѣры. Иначе и быть не можетъ. Всякое нововведеніе порождаетъ порицателей и порицанія; и чѣмъ благотворнѣе нововведеніе, тѣмъ ожесточеннѣе дѣйствуютъ противъ него привыкшіе къ старому порядку вещей и находившіе въ немъ личныя выгоды для себя (напр. противъ этого будутъ всѣ благочинные, всѣ правленія, всѣ консисторіи, для корыстолюбія которыхъ лучше настоящаго порядка и быть не можетъ; теперь тяжбы доставляютъ секретарямъ консисторіи десятки тысячъ годоваго дохода, тогда же придется довольствоваться жалованьемъ: какъ же не возстать изъ всѣхъ силъ противъ нововведеній?). Но говоримъ положительно, что эти возраженія будутъ сдѣланы людьми совершенно незнакомыми съ бытомъ сельскаго

духовенства. О послѣднихъ и говорятъ нечего, — возраженія человѣка, незнающаго дѣла, всегда равняются нулю; а первые безпристрастно не могутъ судить объ этомъ вслѣдствіе очень понятнаго предубѣжденія и пристрастія къ этому нечестивому люду. Тотъ же, кто испыталъ на самомъ себѣ, каково жить съ причетомъ, кто изучалъ его во всѣхъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, кто истинно желаетъ блага для Церкви, желаетъ, чтобы служеніе іерейское достигало своей цѣли, тотъ, — крѣпко убѣждены мы, согласится съ нами, и предложитъ именно эту мѣру, какъ единственную.

Скажутъ: „немедленно сдѣлать этого нельзя; иначе, куда же дѣнутся причетники?“ Какъ, — куда дѣнутся? Да наличное число ихъ остается то же, что и теперь; значитъ, кто только захочетъ, будетъ имѣть мѣсто; а если какого-нибудь неисправимаго негодяя и не наймутъ нигдѣ — такъ бѣда не велика, и жалѣть не объ чемъ; напротивъ, нужно будетъ радоваться, что одной язвой будетъ меньше. Все дѣло въ томъ, что такая мѣра составитъ намъ дажда одуматься, противъ собственной воли и желанія исправить себя, и изъ животнаго сдѣлать себя человѣкомъ; что-жь, это худо? Даже ради одного этого должно ввести предлагаемую нами мѣру. Пусть противъ своей воли противъ собственнаго желанія, но только будутъ они хороши — ихъ съ радостью вездѣ примутъ; а боязнь потерять мѣсто будетъ надежнѣйшей уздой противъ всего дурнаго, что въ нихъ есть теперь, единственнымъ средствомъ спасать ихъ отъ собственныхъ ихъ погубительныхъ влеченій и наклонностей. А чтобы исправленіе ихъ было полное и совершенное, а не наружное лишь для полученія мѣста, чтобы укрѣпить ихъ на пути добра, для этого предоставитъ имъ право

— на все время, въ которое служатъ они при церкви, — пользоваться тѣми преимуществами, какими пользуются теперь съ тѣмъ, что потерявъ мѣсто и не принеся въ теченіи года новаго, они лишаются этого права. Во избѣжаніе смуть при наймѣ и расчетахъ съ ними, разъ на всегда назначить имъ опредѣленное жалованье съ строжайшимъ наблюденіемъ, чтобы оно выдавалось вполнѣ и безостановочно. Жалованье причетнику должно быть назначено, сообразно съ количествомъ прихода, 50—75 рублей. Какъ времени свободнаго у нихъ весьма много, то чтобы оно не пропадало даромъ и бездѣлье не вело къ бездѣльничеству, предоставить имъ землю, которою и теперь пользуются причетники. Этимъ честно и законно восполнится то, чего будетъ недоставать въ жалованьи.

Таково должно быть устройство клира для блага Церкви.

3. Къ благочиннымъ.

Для ближайшаго надзора за духовенствомъ учреждены благочинные. Необходимы въ городахъ, гдѣ духовенство все-таки приличіе держитъ себя, тѣмъ болѣе необходимы они въ селахъ. Но достигается ли въ настоящее время цѣль, съ которою учреждены они? И на сколько достигается?

Прежде всего: эта должность, чрезвычайно важная, если понимается и исполняется какъ должно, весьма рѣдко поручается іерею отличному между собратами по уму, образованію и жизни. Такіе іереи нѣкогда не бываютъ искательны, никакъ не захотятъ жертвовать деньгами, доставаемыми тяжкимъ трудомъ, на приобрѣтеніе и сохраненіе какой бы то ни было

должности. А должность благочиннаго всегда и неизбежно должно купить иногда и очень дорого. По этому, она предоставляется большею частію іерею жалкой посредственности во всемъ, но артисту зашпиговать копѣйку. Естественно, что купивъ эту должность, онъ хочетъ выручить потраченные деньги и съ барышомъ; значить, цѣль учрежденія благочинныхъ извращена въ самомъ основаніи своемъ.

Далѣе — всякій гражданскій чиновникъ, всякій становой, всякій подъячій, не исключая и разсыльныхъ при земскомъ судѣ, получаютъ жалованье; лишь благочиннымъ нѣтъ ничего. А между тѣмъ у него не мало расходовъ существенно необходимыхъ, напр. на содержаніе канцеляріи, на наемъ разсыльнаго и т. п. Вотъ и еще поводъ благочинному обирать вѣрнѣйшихъ ему.

Еще: благочинный, будь онъ глупъ и безнравственъ, какъ только можно, но если щедро расплачивается съ правленіемъ и консисторіей, онъ крѣпко держится на своемъ мѣстѣ; болѣе, — его хвалятъ награждаютъ, ставятъ въ примѣръ другимъ. Онъ не въ состояніи соединить двухъ мыслей, написать толково и понятно двухъ строкъ, — нѣтъ нужды, въ правленіи или консисторіи за него напишутъ, сдѣлаютъ, все приведутъ въ порядокъ. Но горе благочинному умному и ведущему себя примѣрно. Дѣла свои онъ ведетъ самъ исправно и честно; держитъ онъ себя такъ, что не имѣетъ нужды ни въ чемъ снисхожденіи; по этому платитъ какую-нибудь бездѣлицу. Что жъ за это? Гоненіе самое неутомимое, самое пошлое самое мелочное. Придираются ко всему, заваливаютъ его выговорами и замѣчаніями, двадцать разъ заставляютъ передѣлать какую-нибудь ничтожишійшую вѣдомость, не указывая чего недостаетъ; словомъ, упо-

требляютъ всё подъяческія продѣлки, чтобы заставить такого благочиннаго отказаться отъ должности. Оканчивается всегда тѣмъ, что онъ теряетъ терпѣніе и отказывается; а его мѣсто заступаетъ болѣе угодный правленію или консисторіи.

Наконецъ всякій трудъ требуетъ вознагражденія. Должность благочиннаго, если онъ всё дѣла исправляетъ самъ, чрезвычайно трудная. Жалованья нѣтъ; и онъ ищетъ и требуетъ вознагражденія отъ вѣрныхъ ему.

Послѣ этого, что жъ благочинный въ нашемъ духовенствѣ?

Мытарь — въ самомъ строгомъ, точномъ, буквальномъ значеніи этого слова. Цѣль всѣхъ его дѣйствій, единственная цѣль — обирать, на сколько хватить силъ и умѣнья, церкви и духовенство. Да, церкви!!.. Спросите втихомолку любого старосту церковнаго, сельскаго или городскаго, и онъ вамъ скажетъ, чего стоить ему въ годъ благочинный...

Но чтобы позволять себѣ такія вещи, нужно имѣть сожженную совѣсть. Именно такова она, безъ малѣйшаго преувеличенія, у сельскихъ благочинныхъ, за рѣдкими исключеніями. Еслибъ было обыкновеніе каждую вещь называть своимъ именемъ, то по самой строгой справедливости ихъ слѣдовало бы называть зло-чинные, потому что кромѣ зла отъ нихъ нѣтъ ничего больше. Жажда денегъ у нихъ ненасытная; и къ какимъ средствамъ не прибѣгаютъ они для удовлетворенія этой жажды! Всѣ возможныя притѣсненія, несправедливости, оскорбленія тому, кто живетъ честно; всякое снисхожденіе тому, кто живетъ позорно — вотъ обыкновенный образъ ихъ дѣйствій. Для чего и почему? — А для того и потому, что честный, или ведущій себя если и не отлично, то по

крайней мѣрѣ на столько осторожно, что прицѣпится не къ чему, даетъ благочинному всегда умѣренно, къ церковной кружкѣ прикасаться не позволяетъ а самъ назначаетъ старостѣ — сколько дать благочинному; а ведущій себя дурно — безмолвный и безотвѣтный данникъ благочиннаго, нерѣдко и плачетъ, а несетъ и везетъ благочинному все, чего только онъ потребуетъ; при непорядочномъ іерее — благочинный самъ, собственными руками, отсчитываетъ изъ церковной кружки сколько хочетъ, а не рѣдко и безъ счету беретъ, сколько захватилось. Этого мало: благочинный обыкновенно на сторонѣ причта, защищаетъ и поддерживаетъ его всѣми силами; для чего? — для того, чтобы причетъ вполнѣ надѣясь на безнаказанность, чаще бунтовалъ противъ священника, чаще заводилъ съ нимъ ссоры, и являлся самъ и тащилъ священника на судъ къ благочинному. А ужъ дѣло извѣстное: гдѣ судбища, тамъ взятки, и чѣмъ грязнѣе, чѣмъ позорише дѣло, тѣмъ взятка крупнѣе. Вотъ почему церковь, служители которой живутъ мирно между собой, или хотъ и ссорятся, но прекращаютъ ссоры домашними средствами, у нерѣдкаго благочиннаго опальная церковь. Вотъ почему безчинства и безпорядки сельскаго духовенства достигли этой ужасающей крайности: каждый знаетъ, увѣренъ, что если онъ начудитъ и Богъ-знаетъ что, но стащить благочинному десятка два-три рублей, то его подѣтели будутъ скрыты всѣ, и въ годичной отмѣткѣ о поведеніи онъ будетъ аттестованъ лучше лучшихъ. Вся бѣда бѣднякамъ-іереямъ: пустой, ничтожный случай, ненамѣренная ошибка, явная, нелѣпѣйшая клевета — все это сей-часъ же выставляется на видъ Правительству — съ прикрасами и дополненіями, потому что бѣднымъ, какъ и честнымъ, такой благочинный непри-

миримый врагъ. И гибнетъ бѣднякъ совершенно не заслуженно и напрасно; а богатый, двадцать разъ заслужившій наказаніе, спокойно волочитъ свою соблазнительную жизнь; мало этого — его отличаютъ передъ другими, его награждаютъ . . . „Но почему же не жалуются на такихъ злочinnыхъ?“ — Жаловаться? А кому? — Правленію? Консисторіи? — Да такой благочинный — золотой родникъ для нихъ; чѣмъ безсовѣстнѣе онъ, тѣмъ крѣпче держится ими. Такому благочинному всѣ задушевные друзья — отъ секретаря или члена консисторіи и до послѣдняго правленскаго сторожа. На собственныхъ плечахъ они вынесутъ его изъ всякой бѣды; такъ что тутъ жалоба? — Архіерею? И тутъ письмоводители, келейники также стоятъ горой за него, и вмѣстѣ съ консисторіей пользуются всякимъ случаемъ — развалить его передъ архіереемъ, представить образцемъ всякой добродѣтели; что и тутъ жалоба? Она здается на разсмотрѣніе той же консисторіи и, предубѣжденный въ пользу благочиннаго, вполне утвердитъ рѣшеніе консисторіи; и останется виноватымъ и накажется принесшій жалобу, да еще накажется въ примѣръ другимъ, чтобы другіе не осмѣливались и помышлять о подобныхъ дерзостяхъ. — Св. Синоду? — Охъ!..

Мы выставили лишь очень обыкновенныя, обыкновенныя дѣянія благочинныхъ; а о томъ, какъ они при обзорѣнн своихъ благочиннѣй, — нѣкоторые пьяные, безчинствуютъ въ домахъ священниковъ и даже въ самыхъ церквахъ, — какъ они осыпаютъ ругательствами тѣхъ, которыми недовольны, и такими ругательствами, какія можно слышать лишь отъ коноводовъ, и даже въ присутствіи женщинъ и дѣтей, и о прочемъ тому подобномъ, мы уже не рѣшаемся говорить: слишкомъ срамно, слишкомъ тяжело и горько.

Какъ искоренить это зло? Одно средство: уничтожить существующій порядокъ, по которому благочинные назначаются консисторіями. Для блага всего духовенства благочинные должны быть избираемы самими духовенствомъ, и притомъ на опредѣленный срокъ. Вотъ единственное, и притомъ самое вѣрное средство злочinnыхъ замѣнить благочinnными.

И странно, непонятно странно, отчего это происходитъ, что, когда все у насъ, такъ или иначе, идетъ впередъ, одно духовенство стоитъ неподвижно, точно Китайская монархія; во второй половинѣ XIX. вѣка въ немъ тѣ же уставы, тотъ же порядокъ, то же управленіе, что были въ XVII, XVI и далѣе вѣкахъ? Мѣняются имена — сущность дѣла остается неизмѣнною; заказчики и десятильники измѣнились въ благочинныхъ, и послѣдніе ни на шагъ не ушли впередъ отъ своихъ предшественниковъ!

Вотъ, — всѣмъ сословіямъ дано право свободнаго выбора изъ среды себя на служеніе судебное и административное; мѣщанинъ, крестьянинъ — и тѣ выбираютъ себя голову — кого хотятъ, кого находятъ лучшимъ; лишь православное духовенство лишено этого права! — Духовенство-то за что лишено этого права? Или оно въ самомъ дѣлѣ ничтожнѣе въ государственномъ быту самыхъ крестьянъ? Или оно такъ бессмысленно — бессмысленнѣе всякаго мѣщанина, — что не сумѣетъ выбрать дѣльнаго для себя благочиннаго, умнаго депутата, совѣстливаго и правдиваго члена правленія консисторіи?

Нѣтъ, — все это отъ неумѣренной жажды власти нашихъ архипастырей; власти, не терпящей ни малѣйшаго ограниченія, ни малѣйшаго послабленія, такой деспотической власти, которая, ни когда не рѣшится допустить не только свободнаго выбора кого-нибудь

или чего-нибудь; но еслибъ только было возможно, не позволяла-бъ и дышать и думать свободно. — *Regem ecclesie fiat postea voluntas!* Вотъ девизъ всей ихъ дѣятельности, самой ревливой заботливости; вотъ причина этого страшнаго, погубительнаго для Церкви, застоя Русскаго духовенства. Во что бы то ни стало, еслибъ для этого нужно было сгубить всю Церковь, — они стараются сохранить ту же силу, то же значеніе, какое архіерейство имѣло въ XV—XVII вѣкахъ; другія сословія ушли для нихъ отъ этого, и далеко ушли; но духовенство пока въ ихъ рукахъ, — такъ хоть надъ нимъ, елико возможно долѣе, сохранить свою страшную силу!!... И вотъ гдѣ разгада ихъ жесточайшихъ преслѣдованій всякой новой мысли, новаго требованія, молѣйшаго поползновенія выйти изъ этого невыносимаго положенія; вотъ объясненіе ихъ невогласія на то, чтобы сельскимъ священникамъ дали жалованье. — „Доколѣ оно, — такова ихъ задушевная мысль, выражаемая каждымъ дѣйствіемъ, — бѣлое духовенство, убито нуждами, все погружено въ грязь, доведено до такого безвыходнаго положенія, что и думать ни о чемъ лучшемъ не въ состояніи, дотолѣ мы можемъ его унижать, гнать, давить, канъ только намъ угодно; дотолѣ вслѣдній священникъ передъ нами — негръ американскихъ колоній (именно таковы отношенія между священникомъ и архіереемъ, какъ между негромъ и плантаторомъ), котораго мы можемъ казнить и милловать на всей нашей волѣ; а улучшится его положеніе, выйдетъ онъ изъ этой отвратительно-черной кожи, — онъ, пожалуй, заговоритъ о правахъ своихъ, какъ члена одной и той же Церкви; чего добраго, — будетъ еще требовать, чтобы съ нимъ поступали канъ съ человекомъ, какъ съ служителемъ Бога Вышняго; чтобы мы, — даже мы!!! обходились съ нимъ съ ува-

женіемъ! Гибни бѣлое духовенство, лишь бы наше самоуправствіе сохранилось цѣлымъ и не измѣннымъ! —“

А между тѣмъ, еслибъ только въ назначеніи и опредѣленіи благочинныхъ измѣнили средневѣковой обычай, сколько послѣдовало бы изъ одного этого благихъ послѣдствій! Дайте духовенству право самому выбирать изъ среды себя благочинныхъ и выбирать на три года, не больше, и исчезнетъ нечестивое племя злочинныхъ; будутъ выбраны, по крайней мѣрѣ нѣсколько, не артисты грабежа и покровители всякой мерзости, а наиболѣе добросовѣстные, честные и умные. Вліяніе такихъ людей, когда они пользуются большею или меньшею властью не сомнѣнно — избѣжно. По совѣтовать во время, пригрозитъ кстати, объяснить значеніе того или другаго поступка и послѣдствія его, — значить — и другихъ привлекать на путь добрый; преслѣдовать неутомимо, безпристрастно и энергично зло, — значить уменьшать число злыхъ; вотъ что долженъ дѣлать благочинный и что, безъ сомнѣнія, будетъ дѣлать умный, добросовѣстный и честный. А трехлѣтній срокъ будетъ надежнѣйшей уздой противъ всѣхъ поползновеній — увлечься самому благочинному къ чему-нибудь неодобримому закономъ и совѣстью. Одна мысль, что черезъ три года ему придется услышать или благодарность или негодованіе отъ избравшихъ, и притомъ въ присутствіи всего духовенства, — съ честью быть избраннымъ на новое трехлѣтіе, или со стыдомъ оставить свое служеніе, безъ надежды когда-либо удостоиться такой чести, — одна эта мысль всегда будетъ держать его въ границахъ самой строгой правды, полнаго безкорыстія, неуспянной ревности къ дѣлу. Кромѣ того, волей-неволей тогда одумается и переимѣнитъ себя каждый іерей несправный. Кому не захочется быть отличеннымъ между

собратами, и отличеннымъ имъ самими, значить отличеннымъ достойно и праведно? Кому не захочется быть благочиннымъ? И вотъ открыта полная возможность для этого: будь достоинъ, и тебя допустятъ до балотировки, и быть можетъ ирребій падеть на тебя; не случилось этого теперь, — можетъ случиться черезъ три года. О, какой іерей не употребить тогда, всѣхъ силъ своихъ — вырваться изъ этого омота, въ которомъ болтается теперь!

А чтобы не было благочинному и повода брать со вѣренныхъ ему деньги, для этого необходимо назначить ему известную сумму на канцелярскіе расходы, на наемъ писца и разсылныхъ и т. под., и жалованье хоть не большое за труды. Скажутъ: „но сколько же потребуется расходовъ, когда столько благочинныхъ?“ А на что ихъ теперь столько? Единственно для увеличенія доходовъ правленій и консисторій. Одинъ благочинный съ двумя помощниками совершенно достаточно на уѣздѣ. Для большаго поощренія благочиннымъ — проходить свою должность ревностно, честно и неподкупно — правдиво, быть для другихъ примѣромъ жизни честной, воздержной, неукоризненной, необходимо установить особенныя награды — такія, какія принадлежали бы однимъ только благочиннымъ, — какъ напр.: за три трехлѣтія службы кресты на владимірской лентѣ, или что-нибудь въ родѣ этого. — О, пусть хоть бы для опыта сдѣлали все это, тогда увидѣли бы, что предлагаемая нами мѣра не мечтательная, не въ праздномъ воображеніи родилась она, а представилась единственною — уничтожить теперешнихъ благочинныхъ сельскихъ. — язву и позоръ духовенства, послѣ долгихъ и неутомимыхъ наблюдений, послѣ глубонихъ размышлений, послѣ неис-

числимыхъ совѣтовъ съ іереями особенно умными, дѣльными и благонамѣренными.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной пользѣ, которая послѣдуетъ за введеніемъ предлагаемой нами мѣры. Въ настоящее время Правительство заботливо старается объ уменьшеніи переписки въ присутственныхъ мѣстахъ и объ упрощеніи дѣлопроизводства. Но пусть бы посмотрѣли, какой хаосъ въ правленіяхъ и консисторіяхъ! Вотъ напр. полученъ въ консисторію какой-нибудь указъ; въ епархіи десять или больше правленій, — пишется указъ въ десяти экземплярахъ; въ уѣздѣ десять (minimum) благочинныхъ, и опять десять экземпляровъ. За тѣмъ рапорты благочинныхъ въ правленія, — каждый пишетъ по своему; неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ правленію изъ этой разногласицы составить что-нибудь единое; десять правленій доносятъ консисторіи, — повторяется таже исторія. А будь одинъ благочинный въ уѣздѣ, и пусть дѣла пойдутъ прямо, т. е. указы изъ консисторіи прямо благочиннымъ и ихъ рапорты прямо въ консисторію, — вотъ ужъ отъ одного этого переписки будетъ въ десять разъ меньше. Да и на что тогда будутъ эти правленія? Главнаго дѣла съ утра до ночи писать: „Слушали указъ консисторіи и приказали разослать его по вѣдомству, каковой и посылается къ вамъ, благочинному“ (вотъ по истинѣ дѣльное и дѣловое занятіе!), у нихъ не будетъ; слѣдствія? — но ихъ произведетъ благочинный или помощники его; повѣрка разныхъ отчетовъ по церкви, документовъ по приходу? — но и теперь уже большую часть подобныхъ дѣлъ консисторія взяла на себя — въ видахъ самой пользоваться, поборами, которыми прежде пользовались правленія, — почему же не взять и всѣ? Для самаго духовенства это будетъ значи-

тельными облегченіемъ по однимъ дѣламъ письменнымъ. Теперь каждая вѣдомость, напр. метрическая, пишется въ трехъ экземплярахъ: для церкви, правленію нуженъ экземпляръ когда онъ есть въ консисторіи? Справки въ книгахъ и выправки метрическихъ свидѣтельствъ никогда не производятся въ правленіяхъ и не признаются законными подгѣ; — за чѣмъ же представляется экземпляръ въ правленіе? Единственно за тѣмъ, чтобы отдать его на съѣденіе крысамъ и моли, и при принятіи его — пограбить представляющихъ. А когда не будетъ правленій, — не будетъ лишнихъ трудовъ, не нужныхъ и бесполезныхъ; однимъ грабежомъ будетъ меньше, и городъ, въ которомъ теперь есть правленіе, не будетъ казаться духовенству притономъ разбоя самаго безжалостнаго самаго безсовѣстнаго, самаго наглаго.

г) Нѣ правленіямъ и консисторіи.

Въ послѣднее время слышны повсюду жалобы на страшныя злоупотребленія въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ (гражданскихъ). Но что, еслибъ эти жалующіеся посмотрѣли, что дѣлается въ духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ? Вѣрно они нашли бы, что земскіе и уѣздные суды въ сравненіи съ ними тоже, что ничтожный холеринъ въ сравненіи съ злѣйшей холерою и попріумолили съ своими жалобами.

Да, есть судебныя мѣста, гдѣ во имя закона попирается всякая правда, попирается такъ явно, такъ безстрашно, такъ нагло, что и вообразить трудно; есть судебныя мѣста, которыхъ бѣжить всякій порядочный человѣкъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, самыя названія которыхъ

обратились въ притчу и позоръ, — это духовныя правленія и консисторіи. — Что жъ особеннаго-дурнаго въ нихъ?

Тамъ возсѣдаетъ глубочайшее невѣжество въ отношеніи къ правамъ и законамъ. Нѣтъ нужды, что членами консисторіи (о правленіяхъ и говорить нечего; они ниже и позорнѣе всего, что только можно себѣ представить) іерей — магистры*) а протоіерей; быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ и въ состояніи написать проповѣдь, но юридическаго смысла и знанія нѣтъ ни въ одномъ, — говоримъ положительно и не боимся, что насъ облачатъ во лжи. Чего бояться? Пусть любому члену, напр. Тверской консисторіи поручать разобрать сколько-нибудь серьезное дѣло, подвести нужные законы и составить опредѣленіе, — тогда увидятъ, правду ли говоримъ мы. Въ консисторіи они то-же, что головы въ волостяхъ: сидятъ и подписываютъ что подадутъ имъ; или нѣтъ, — выше головы, — поправляютъ грамматическія ошибки, да перепыываютъ резолюціи заранѣе приготовленныя. Но извѣстно, что ничто такъ не надмѣвается, какъ невѣжество: виѣшнимъ (quasi) величіемъ оно старается при-

*) Ужъ хоть правамъ-то (ivs) учили бы въ академіяхъ! А то со стороны смѣшно и жалко смотрѣть, какъ послѣдній подъячій водитъ за носъ посѣдлагаго магистра. Такъ мудро понимается у насъ образованіе; такъ дѣлесообразно оно! — Учись всему, что для жизни рѣшительно ни къ чему; и не имѣй ни малѣйшаго понятія о томъ, безъ чего въ жизни обойтись нельзя. Еслибъ члены консисторіи не были такими невѣждами, то все-таки, кажется, было бы менѣе этихъ вопіющихъ подлостей. Иной магистръ изъ молодыхъ, не совсѣмъ аподьячившійся, и радъ бы противостать какой-нибудь рѣзкой мерзости, да незнай какъ, по неволѣ мовситъ, соглашается и подписываетъ,

крыть внутреннее ничтожество; известно, что ничто такъ не завысило къ истиннымъ достоинствамъ какъ невѣжество; известно, что ничто такъ не способно на всѣ низости и мерзости, какъ невѣжество. — вотъ почему членъ консисторіи всегда представляетъ изъ себя такую личность, о которой и говорить невыносимо тяжело. Онъ доступенъ для полтинника, для цѣлковаго, для бутылки рому, для фунта чаю, и недоступенъ для лучшаго іерея въ епархіи, если тотъ имѣлъ дерзость явиться ни съ чѣмъ. Онъ другъ и покровитель благочиннаго отъявленнѣйшаго грабителя, и неусыпный гонитель іерея честнаго, который считаетъ для себя толкаться безъ дѣла и нужды въ передней консисторіи. Онъ, — но скажемъ коротко, — цѣль всѣхъ его дѣйствій единственная: взятки, во чтобъ то ни стало взятки.

О подъячихъ и говорить нечего. Если члены консисторіи позволяютъ себѣ подобныя вещи, то чего жъ не позволить себѣ подъячій, бывший некогда семинаристомъ, и выгнанный изъ семинаріи за пьянство, буйство, и тому подобныя дѣянія?

Секретарь — это душа консисторіи, и вездѣ, всегда, безъ исключеній — жесточайшій бичъ духовенства. Чтобы не распространяться объ этой личности, скажемъ только, что секретари консисторій считаютъ свои годовые доходы десятками тысячъ. Откуда и какимъ образомъ? Ясно и понятно, что путемъ чистымъ и честнымъ приобрѣтать столько нельзя; нужно прибѣгать ко всѣмъ подъяческимъ ухищреніямъ, къ безсовѣстнѣйшимъ продѣлкамъ, къ жесточайшимъ притѣсненіямъ, чтобы выжимать изъ духовенства такія огромныя суммы.

Каково жъ положеніе духовенства при такомъ управленіи, и особенно духовенства сельскаго, беза-

щитнаго и загнаннаго? Не напрасно же сельскій іерей (да и всякаго уѣзднаго города) больше содрогнется при извѣстїи, что его зачѣмъ-нибудь вызываютъ въ консисторію, чѣмъ при вѣсти, что въ его приходѣ показалась холера: отъ холеры еще быть можетъ Господь и спасеть; но кого прицѣпила какъ-нибудь консисторія, тому нѣтъ спасенія. Правъ онъ или нѣтъ, все равно; долженъ везти туда то, что скапливалось впродолженіи многихъ лѣтъ по конѣямъ; а если этого нѣтъ, то продать послѣдній хлѣбъ изъ закорма, или послѣднюю скотину со двора. Безъ этого, найдутъ средства (кто имѣлъ дѣло вообще съ подъячими, не говоря уже о консисторіяхъ, тотъ неусомнится въ возможности этого) если не совсѣмъ погубить его, то навсегда заклеймить позорнымъ: „былъ судимъ и штрафованъ.“

Какъ ведутся дѣла тамъ, гдѣ у всѣхъ — отъ членовъ и до послѣдняго сторожа, — цѣль одна — обирать и грабить, — понять легко. Вотъ одинъ изъ тысяч тамъ извѣстныхъ случаевъ. Въ одномъ селѣ, пять лѣтъ тому назадъ, подрался священникъ и дьяконъ — пьяныя. Дьяконъ принесъ жалобу. Началось слѣдствіе, и священнику воспретили богослуженіе. Священникъ съѣздила въ консисторію, ему разрѣшили богослуженіе и воспретили дьякону. Съѣздила дьяконъ туда же; ему разрѣшили и воспретили священнику. Дѣло продолжалось слишкомъ два года, и ровно по четыре раза каждому разрѣшали и воспрещали; такъ что наконецъ мѣстнаго благочиннаго совершенно сбили съ толку. Покажется это невѣроятнымъ? Да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, чтобы такая нукольная комедія могла быть допущена въ дѣлѣ таковой важности, какъ священнослуженіе. Однако-жъ мы сказали совершенную правду, и еслибъ кому

угодно было повѣрить, то мы назовемъ и село и лица. Кончилось дѣло тѣмъ, что когда изъ обоихъ выжали все, что только можно было выжать (священникъ распродалъ весь скоть, даже въ сентябрѣ запродалъ озимовое поле) то дьякона вывели въ другое село, а священника оставили свободнымъ отъ всякаго наказанія. Такъ ведутся всѣ дѣла. Даже, если священнику нужно взять для сына или дочери метрическое свидѣтельство, то оно обходится 10—15 р. сер. Иначе, его продержатъ мѣсяцы.

Говорятъ въ свое оправданіе пишущіе и подписывающіе — первые: „мы получаемъ слишкомъ малое жалованье;“ вторые: „мы не получаемъ никакого жалованья; такъ какъ же не брать?“ Но почему жъ не спросите себѣ жалованья у Правительства? Не возможно это? Такъ обложите все духовенство прямымъ налогомъ, и будьте затѣмъ честны въ своихъ дѣйствіяхъ, если только можете. Съ охотой, съ радостью каждый священникъ отдастъ 5—10 р. въ годъ, если будетъ увѣренъ, что его уже не притѣснятъ ни въ чемъ, не будутъ иснать, какъ бы прицѣпиться къ какому-нибудь дѣлу; будутъ смотреть на него, какъ на іерея, а не какъ гордые вассалы смотрятъ на своихъ данниновъ, и въ случаѣ нужды окажутъ ему всякую справедливость, не растягивая дѣла по мѣсяцамъ и годамъ.

Но будутъ ли когда-либо наши консисторіи лучше? И недумается и не вѣрится! Развѣ только огонь, который разольется послѣ суда страшнаго по всей землѣ, выжжетъ эти мѣста нечестія, срама и позора для всего духовенства, для всего управленія нашего.

д) Къ Епархіальнымъ архіереямъ.

Главная цѣль служенія архіерейскаго — пасти вѣренное ему стадо. Чтобы вполне достигнуть этой цѣли, ему необходимо знать всѣ духовныя нужды своей паствы, нужды до безконечности разнообразныя потому что паства его состоитъ изъ цѣлой губерніи, т. е. изъ сотенъ тысячъ человѣкъ, среди которыхъ неизбежно встрѣчаются: и высокая образованность, и глубочайшее невѣжество, и вѣра во всей чистотѣ и простотѣ, и отчаянное невѣріе, и самое дерзкое вольномысліе, и самое наглое нечестіе. Но возможно ли узнать всѣ нужды архіерею, постоянному жителю губернскаго города, лишь изрѣдка, мимоходомъ, осматривающему нѣкоторыя части своей паствы, и то тѣ, которые лежатъ на почтовомъ пути? Возможно. У него есть сослужители — іерей, самымъ назначеніемъ своимъ обязанные содѣйствовать своему архипастырю въ великомъ дѣлѣ его служенія. Пусть онъ сблизится съ ними, держитъ себя передъ іереями не трехбунчужнымъ пашей; а настоящимъ преемникомъ апостоловъ, къ которому каждый іерей могъ бы обращаться довѣрчиво, искренно съ любовью, какъ къ отцу — и въ два-три года онъ такъ ознакомится съ духовнымъ и нравственнымъ бытомъ своей паствы, какъ не ознакомится въ двадцать лѣтъ, или лучше никогда, — безъ этого средства. А узнавши нужды истинныя существенныя, а не воображаемыя, какъ теперь (— въ такомъ-то классѣ развитіе долженъ быть такой-то порокъ) онъ уже можетъ придумывать и средства къ предъотвращенію и, по возможности, уничтоженію ихъ. И въ этомъ случаѣ іерей могутъ быть вѣрными и надежными совѣтниками. Если и въ физическихъ недугахъ одна и та же болѣзнь, напр. холера, прод-

вляется безконечно различно, по различію организмовъ, и отъ этого ни противъ одной болѣзни нѣтъ универсальнаго лекарства; такъ, и тѣмъ болѣе, въ недугахъ нравственныхъ. Слѣдовательно, архіерею мало знать, гдѣ особенно гнѣздится какой порокъ; ему необходимо изучить: и въ какой степени развитъ онъ, и какъ онъ дѣйствуетъ — эпидемически, и какъ онъ проявляется въ лицахъ разныхъ сословій и пр., и потомъ уже приступать къ врачеванію его. А кому все это ближе, вѣрнѣе и точнѣе знать, какъ не мѣстному іерею, который съ утра до ночи, лицомъ къ лицу съ этимъ порокомъ? И что уважаетъ надежнѣйшія средства противъ него, какъ не тотъ же іерей, знающій не только степень развитія этого недуга, но и личности, т. е. духовный организмъ недужныхъ? Такъ, посовѣтовавшись съ мѣстными іереями, архіерей не сталъ бы говорить о смиреніи*) передъ бар-

*) Неуказываемъ, въмъ и когда были произнесены эти слова; скажемъ только, что они напечатаны. Впрочемъ въ этихъ, и подобныхъ имъ, словахъ ясно отражаются — не отсутствіе здраваго смысла, а инья цѣль — угодить сильнымъ міра сего и возвыситься черезъ нихъ, что и достигнуто. — Слово на освященіе иконостаса, въ которомъ купецъ-разбойникъ канонизованъ за живо и причтенъ къ лику величайшихъ ревнителей вѣры (— и это сказано съ наедрой! и громъ небесный не поразилъ проповѣдывающаго такое дерзкое богохульство!) Церкви и православія (Боже, до чего ты долготерпѣливъ!) не напечатано. Вѣрно, цензура нашла, что канонизовать одному, хоть бы за выстройку иконостаса и за уплату тысячи сер. архіерею, нельзя... А жаль, истинно жаль. Стоило напечатать — съ небольшимъ комментариемъ; перевести на всѣ языки и пустить по Европѣ — по Россіи мало; пусть даже въ иныхъ земляхъ читаютъ, назидаются и дивятся тому, какой прогрессъ у насъ въ дѣлѣ проповѣди евангельской.

скими крестьянами, забытыми, задавленными, доведенными до состоянія рабочихъ животныхъ; о Божіемъ милосердіи передъ барамъ, которыхъ нужно бы громить словами неподкупной правды; не сталъ бы улаживать купца за то, что онъ построилъ новый иконостасъ и позвалъ его на освященіе, — купца, который три раза былъ банкротомъ, ограбилъ, пустил по міру десятки семействъ, и старшихъ членовъ этихъ семействъ вогналъ преждевременно въ могилу, а младшихъ — въ распутствѣ заставилъ искать себѣ средствъ жизни... Нѣтъ, — узнавши все, какъ есть, онъ обличилъ бы порокъ; словомъ евангелія изрекъ бы судъ нечестіемъ, строжайшій судъ надъ этимъ наглымъ лицомъвріемъ, которое иконостасомъ вздумало сдѣлать удовлетвореніе, Богу, совѣсти, вѣрѣ, ближнимъ, за прежнія разбойничьи подѣтели; утѣшилъ, подирѣшилъ, ободрилъ бы надеждой на воздаяніе небесное страдальцевъ земныхъ и т. п. И слово это не было бы звукомъ мѣди звѣнящей, какъ теперь, а словомъ живымъ, проникающимъ до глубины костей и мозговъ; и не забылось бы оно съ отъѣздомъ его, а врѣзавшееся въ сердца слушавшихъ, передалось бы сотнямъ, тысячамъ не слышавшихъ. Такъ, при содѣйствіи іереевъ архіерей достигалъ бы, на сколько это въ силахъ человѣческихъ, цѣль своего званія.

А теперь что? —

Создатель мой! Что можетъ быть униженнѣе, позорнѣе безчеловѣчнѣе того, какъ архіеремъ обращаются съ іереями вообще, и съ сельскими въ особенности? Кто бывалъ у архіереевъ въ тѣ часы, когда являются просители, тотъ, безъ сомнѣнія, видалъ, что іереи, даже покрытые сѣдинами, постыдно толкаются

въ сѣняхъ (даже и не въ прихожей!) съ причетниками и мужиками; сидятъ на лѣстницѣ, въ ожиданіи выхода владыки; нѣтъ нужды, что это бываетъ и въ морозы, градусою въ 25, — архіерей держитъ ихъ часа по два, по три; а пожалуетъ кака-нибудь барыня, — и по пяти часовъ, и, послѣ такого ожиданія, еще прикажетъ сказать, что сегодня не принимаетъ просителей, и чтобы они явились завтра. Вотъ образецъ того, какъ архіерей милостивъ и доступенъ іереямъ. Но этотъ образецъ еще слишкомъ ничтоженъ; толи бываетъ?!

Но оставлемъ свое намѣреніе — описать все, что бываетъ въ обращеніи архіереевъ съ сельскими іереями, и слишкомъ много потребовалось бы бумаги, и слишкомъ горько писать подобныя вещи, да и кака въ этомъ польза? Скажемъ коротко, что архіерей не только не хотятъ видѣть въ іереяхъ служителей Бога вышняго, своихъ собственныхъ сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ паствы, но и людей. Какъ собакъ держатъ ихъ за дверми своихъ прихожихъ: кликнуть на нѣсколько минутъ -- для подачи ли прошеній или для необходимыхъ объясненій — и стараются какъ можно скорѣе выпроводить ихъ изъ своей прихожей. Не только удостоить продолжительнаго собесѣдованія, — даже подойти близко не хотятъ они къ іерею, а изъ дверей зала протягиваютъ руку для приѣма прошеній. Словомъ, если кому угодно видѣть азіатское чиновничье по всей его красѣ, во всемъ его отвратительно-пошломъ величіи, — отъ стука въ полъ подчиненнымъ и до фигуры начальника, въ которой во всей ярко выражается одно: необъятное, ни чѣмъ неудовлетворимое тщеславіе, — тотъ пусть проведетъ нѣсколько сутокъ при архіереѣ, и внимательно и безпристрастно всмотрится въ его обращеніе съ подчиненными . . .

Какія же слѣдствія такого обращенія? — Слѣдствія понятныя. Въ однихъ и тѣхъ же сѣняхъ вмѣстѣ съ іереями толкаются причетники и мужики; на однихъ тѣхъ же ступенькахъ засѣдаютъ; съ такимъ же презрѣніемъ архіерей смотритъ на іерея, какъ на послѣднаго пономаря, сторожа, солдата; — будетъ ли послѣ этого кто-нибудь уважать несчастнаго іерея? И не въ правѣ ли причетники, наглѣйшимъ образомъ оскорбля своего іерея, говорить (и говорятъ всегда): „а, да что ты значишь? столько же, сколько и мы; преосвященный и съ тобой обращается, какъ съ нами?“ — А изъ-за служителя, всѣми презираемаго, не подвергается ли и служеніе его всеобщему презрѣнію? — Спаситель мой? На сѣдалищахъ апостольскихъ возсѣдаютъ все книжники-доктора и магистры богословія; но гдѣ-жъ нынѣ обитаетъ духъ апостольскій, духъ Твой, обнимавшій чудною любовію все человечество — отъ перваго и до послѣдняго грѣшника въ мірѣ, отъ друга — Іоанна и до Петра, столько разъ бывшаго соблазномъ для Тебя, и до неблагодарнаго Іуды? — По неизреченному снисхожденію Ты далъ власть дивную жертву изъ Твоего тѣла и крови; и въ нихъ, въ этихъ іереяхъ, поставленныхъ Тобою такъ высоко, — такъ высоко, что на священнодѣйствіи ихъ самыя ангелы взираютъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ, архіерей не хотятъ видѣть не только служителей Твоихъ, но даже и людей, и смотрятъ на нихъ какъ на собакъ нечистыхъ!! — Ужели вѣруютъ они въ Тебя, въ дѣйствительность чудной жертвы? Еслибъ вѣровали, то не отвергли бы съ такимъ незаслужаннымъ презрѣніемъ и жертвоприносителей . . .

И іереи, подъ гнетомъ такого обращенія, всѣми средствами и мѣрами стараются избѣгать свиданій съ архіереями. Ни одинъ сельскій іерей, бывая по ка-

нимъ-нибудь дѣламъ въ губернскомъ городѣ, не осмѣлится побывать у архіерея такъ, просто, чтобы принять благословеніе и услышать какое-либо наставленіе. Лишь самая крайняя необходимость заставляетъ его преодолѣть свой страхъ и явиться предъ лице владины. И тутъ, еслибъ кто заглянулъ только, что происходитъ въ душѣ его, тотъ переполнился бы весь негодованіемъ къ такому порядку и состраданіемъ къ несчастному. Вотъ — онъ стоитъ или сидитъ, и по всему тѣлу у него холодная дрожь. Угодно ли кому удостовѣриться въ справедливости этого? Пусть любаго сельскаго іерея, готовящагося предстать предъ архіерея, заставятъ написать или подписать что-нибудь, — увидятъ, какія страшныя конвульсіи въ рукахъ у него... Онъ обдумываетъ, какъ и что сказать архіерею; но мимо его непрестанно снуютъ архіерейская сволочь, — отъ писмоводителя и до лакея, — и каждый какъ будто необходимымъ считаетъ толкнуть его и разорвать нить его мыслей лакейски грубымъ: что сталъ не на мѣстѣ (въ лакеѣ отражается господинъ, — извѣстная аксіома)? Онъ отходитъ на другое мѣсто; но гдѣ-бъ ни сталъ, гдѣ-бъ ни сѣлъ, — вездѣ не на мѣстѣ; вездѣ ругаютъ, отсюду съ ругательствомъ гонять; и онъ, еще не издавшия съ архіереемъ, уже растерялся и на половину забылъ, о чемъ нужно говорить. „Преосвященный идетъ,“ шепотомъ раздается въ толпѣ просителей, — и онъ не чувствуетъ земли подъ собой; и легче было бы ему, еслибъ вмѣсто этихъ словъ сказали: потолокъ валится (— свидѣтельствуемся Господомъ живымъ, что это чистѣйшая правда; а впрочемъ, пусть любаго сельскаго іерея спросить, что дѣлается съ нимъ, когда онъ представляется архіерею, — каждый подтвердитъ сказанное нами; развѣ только изо ста одинъ захочетъ похва-

стать небывалой храбростью). Принявъ прошенія, архіерей обращается къ нему съ вопросомъ: тебѣ что? — „Объяснитесь съ в. в-мъ.“ — Вѣрно кляузы какія-нибудь; у васъ вѣчно кляузы. — Отъ этихъ словъ, высказанныхъ грубо, жестко, раздражительно, іерей теряется окончательно; мысли его путаются, несвязно безтолково, невнятно онъ бормочетъ кое-что, неумѣя дать себѣ отчету, гдѣ онъ и что дѣлается съ нимъ. Не разслушавъ и не дослушавъ, архіерей обращается къ нему спиной, и кончено объясненіе, отъ котораго нерѣдко зависитъ спокойствіе и даже судьба всей жизни іерея и всего его семейства. Слово, одно только слово привѣта и ободренія, могло бы успокоить встревоженный духъ іерея, и онъ получилъ бы возможность ясно и толково высказать, за чѣмъ являлся; но нѣтъ никогда такихъ словъ на устахъ архіереевъ, какъ и въ самомъ взглядѣ не выражается никогда ни милости ни снисхожденія. И эти жъ сатрапы въ рясахъ всегда такимъ образомъ рекомендуютъ барямъ сельскихъ іереевъ: „что за оссы, эти деревенскіе попы, — слова толковаго не услышишь отъ нихъ; удивляюсь какъ еще вы терпите ихъ и допускаете къ себѣ (!!!).“ Рекомендація, по истинѣ, самая благонамѣренная, самая умная, самая архипастырская. Такъ безсовѣстно и безчеловѣчно топтать въ грязь цѣлое сословіе въ присутствіи тѣхъ, у которыхъ цѣль всей жизни — все попить своими ногами; какъ бы говорить: „мы ужъ совсѣмъ растоптали поповъ; топчите кстати и вы, — все ослы, и большаго не заслуживаютъ.“... На это способны только смиренныя архипастыри православной Руси!...

Каковъ архіерей въ своемъ, неприступно — страшномъ, архіерейскомъ домѣ, таковъ же и при оборѣніи епархіи. Не остановится онъ переночевать въ

домъ бѣднаго іерея, а заранѣе наводитъ справки, гдѣ есть помѣщики; такъ, чрезъ ихъ усадьбы и направляетъ свой путь, въ надеждѣ переночевать у котораго-либо. Остановится, и прикажетъ къ себѣ явиться окрестнымъ священникамъ. Тѣ явятся, и въ лакейской ждутъ по нѣскольку часовъ, пока его высокопреосвященство натолковавшись со всѣмъ, удостоитъ выйдти и къ нимъ. Озадачитъ ихъ милостивымъ словомъ: „слышу я, что всѣ сельскіе попы пьяницы, буяны, притѣсняють во всемъ прихожанъ; смотрите, если и объ васъ дойдетъ до меня то же, не ждите милости,“ — и отпуститъ. Ждите послѣ этого себѣ уваженія, не говорю отъ баръ, но даже отъ лакеевъ и отъ мужиковъ-прихожанъ такъ принятые архіереемъ несчастные іерей! —

е) Къ раскольникамъ.

Одно изъ самыхъ странныхъ, трудно объяснимыхъ явленій въ Русской Церкви, — расколъ. Казалось бы, возможно ли, чтобы Русскій человѣкъ съ своимъ здравымъ смысломъ съ своимъ умѣньемъ терпѣть и переносить разныя невзгоды жизни, на основаніи такой пустѣйшей причины, какъ исправленіе церковныхъ книгъ, рѣшился разорвать всякое единеніе съ Церковію, возненавидѣлъ ея чиноначаліе, забылъ святыню мощей и чудотворныхъ иконъ, отказался отъ вѣковыхъ своихъ привычекъ?

Однакожь это случилось! Отчего и почему?

Едва ли по тѣмъ причинамъ, которыми обыкновенно объясняютъ это явленіе. Не Требникъ, — самое Евангеліе исправлялось десятки разъ, даже искажалось нелѣпѣйшимъ образомъ переписчиками; и изъ

этого не возникало никакихъ смуть въ Церкви. Мало знакомые съ грамотой, Русскіе преспокойно молились по рукописнымъ книгамъ, едва ли и догадываясь даже что въ нихъ есть грубѣйшія ошибки. И вдругъ — такая ревность за букву, за какое-нибудь слово!

Нѣтъ, что-нибудь было не такъ. Не мѣсто высказывать здѣсь всѣ наши соображенія объ этомъ.

Зло расло и тѣмъ страшнѣе, что народъ и пренде мало и скудно знакомый съ истинными началами вѣры, но чувствующій неизбѣжную потребность въ ней вздумалъ самъ себѣ составлять эти начала или иснать учителей вѣры изъ среды себя, недоувѣря уже ни одному лицу принадлежащему Церкви. Можно представить, какой свѣтъ вѣры распространяли подобные учителя, дѣствіями которыхъ руководила невѣжество и злонамѣренность! — Съ ожесточеніемъ противъ Церкви, противъ вѣры православной разлился и развратъ, — грубѣйшій, позорѣйшій и отвратительнѣйшій...

Что дѣлается теперь для обращенія раскольниковъ? Тоже самое — мѣры строгости. Но цѣль всѣхъ этихъ мѣръ, кажется, единственная — дать возможность обирать этихъ несчастныхъ всѣмъ, кто только имѣетъ какое-либо отношеніе къ нимъ. Безпощадно, страшно обирають ихъ городская и земская полиція, губернскія правленія и... и... Священнику ли отставать отъ другихъ? По мѣрѣ сихъ хватаетъ и онъ, разумѣется, сельскій іерей по десятку рублей, городской по нѣскольку десятковъ, протоіереи считаютъ поборы сотнями. Случается, они возмущаются противъ всѣхъ этихъ мерзостей; но на подобные случаи есть особенныя мѣры. Можно ли что-нибудь вѣрнѣе и надежнѣе придумать для усиленія раскола и большаго отдаленія раскольниковъ отъ Церкви? Подобное обращеніе съ ними не можетъ не раздражать

ихъ, и раздражаетъ до того, что въ каждомъ православномъ — отъ знаменитѣйшихъ архіереевъ и до послѣдняго писца въ правленіи, или земскомъ судѣ, — они видятъ себѣ врага жестокаго, непримиримаго, готоваго или ограбить ихъ, или довести до тюрьмы. Самому благонамѣренному и честному священнику они вѣрятъ мало; а если иногда и сблизаются съ которымъ, то послѣ долгаго, самаго строгаго наблюденія надъ нимъ и вполне убѣдившись, что онъ не имѣетъ намѣренія — обирать ихъ. Какъ же должны смотрѣть они на сельскихъ іереевъ, іереевъ такихъ каніхъ большинство? Они поятъ и кормятъ ихъ: даютъ имъ деньги и подарки, и — презираютъ глубочайшимъ образомъ. Смотря на раскольниковъ, и православные отдаляются отъ самой Церкви, и обращенія въ расколъ изъ православія совершаются ежегодно.

Да, повторяемъ: расколъ не уменьшается, но увеличивается съ каждымъ годомъ, не смотря на то, что архіереи каждый годъ доносятъ Синоду: по дѣламъ вѣры все обстоитъ благополучно: совращеній въ расколъ не было, напротивъ обратилось въ православіе столько-то...

Обратилось!... Вотъ каковы эти обращенія. Молодому крестьянину (купцу, мѣщанину — все равно) нужно жениться, потому что явная незаконная жизнь позволяемая лишь помѣщику да купцу миллионеру, строго воспрещается человѣку не богатому. Онъ является къ православному священнику и проситъ повѣнчать. Тотъ не вѣнчаетъ; раскольникъ платитъ ему деньги. Священникъ записываетъ его, обратившимся; ведетъ въ церковь и иногда въ самомъ дѣлѣ вѣнчаетъ, если случится при народѣ; чаще, если безъ народа, по поетъ что-нибудь и отпустить. Расколъ

ники превѣнчиваютъ по-своему, налагаютъ на него покаяніе, обвиновенно поклоны и деньги; и какъ прежде, такъ и послѣ брака онъ и знать не знаетъ Церкви. Священникъ пишетъ его и жену въ исповедной вѣдомости православными; и до колѣ онъ исправно платится, отмѣчаетъ ихъ или бывшими у исповѣди или небывшими по отлучкѣ и т. п. А забудетъ доставить священнику ежегодную подать, священникъ увѣдомляетъ исправника, что N. N. снова обратился въ расколъ. Тотъ пріѣзжаетъ и обращаетъ въ православіе, т. е. обираетъ въ пользу свою и священника, какъ только хочетъ: раскольникъ же дѣлается еще упрямѣе и ожесточеннѣе. Консисторія и архіерей все это знаютъ. Но какъ для священника тотъ приходъ самый благодатный, такъ и консисторіи особенно дорожатъ этими священниками; средства у нихъ хорошия, нажиты они не добромъ; слѣдовательно ихъ всегда можно отдать подъ судъ, — съ полной надеждой — поживиться изрядно, до чего однако жъ священники не доводятъ себя, расплачиваясь съ консисторіей щедрой рукой; и — въ годичномъ отчетѣ — все обстоитъ благополучно! — Все, что мы сказали объ обращеніи, сказали на основаніи множества дѣлъ въ земскихъ и уѣздныхъ судахъ, которыхъ мы сами были очевидными свидѣтелями и невольными слушателями.

Во многихъ селахъ, гдѣ раскольники считались лѣтъ за 20 десятками, теперь половина, двѣ трети — раскольники. Знаемъ это отъ священниковъ и особенно отъ самихъ раскольниковъ.

Когда жъ и какъ истребится у насъ эта язва? Тогда, какъ радикально преобразуется у насъ все духовенство; тогда, какъ оно пойметъ свое высокое назначеніе и вырвется изъ этой непроницаемой тьмы,

въ которой болтается теперь; тогда, какъ само Правительство пойметъ, что для обращенія ихъ нуженъ образъ дѣйствій совершенно противоположный настоящему; тогда, какъ городничіе, исправники, и высшіе не будутъ грабить раскольниковъ — словомъ, ~~ничего~~ никогда!!..

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сдѣлать необходимое дополненіе.

1. Въ послѣднее время ни одинъ архіерей, ни консисторіи, ни правленія не обратили ни одного раскольника въ православіе, хотя каждый годъ вызываютъ для убѣжденія сотни ихъ.

2. Обращенія бываютъ изрѣдка, но наружныя, мнимыя по человѣческимъ расчетамъ (напр. теперь, чтобы остаться купцемъ, что для раскольника невозможно) и безъ малѣйшаго внутренняго отвращенія. Раскольникъ, что и жидъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, никакъ не сольется съ Церковью и при первой возможности разорветъ соединеніе съ нею. Знаемъ это навѣрное отъ ихъ самихъ, обратившихся и необратившихся, и говоримъ положительно, потому что лгать имъ въ такомъ важномъ дѣлѣ не было ни повода, ни нужды.

3. Устройство церквей, въ которыхъ богослуженіе совершалось бы по старинѣ не уменьшить, если не увеличитъ зло. Думаютъ, что это сблизитъ ихъ съ Церковію; — какое грубое заблужденіе, показывающее совершенное незнаніе духа ихъ! — Вотъ въ Москвѣ, въ Рогожской, построена церковь, — Архипастырь Москвы возрадовался этому великому событію и радость свою выразилъ въ грамотѣ. Вѣроятно, въ надеждѣ сколько можно сблизиться съ ними, онъ написалъ эту грамоту совершенно въ ихъ духѣ до Иисуса Христа, противъ чего такъ горячо ратовалъ нѣкогда. —

И онъ достигъ своей цѣли? — Нѣтъ и нѣтъ!! Говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Такъ: знаетъ ли онъ, что раскольники буквально исполняютъ правило какаго-то собора: прокляни епископа ты поставившаго (въ іереи) въ ереси сущаго, и заставляютъ своихъ священниковъ проклинать поставившихъ ихъ, нашихъ архіереевъ? —

Сельскіе іереи, какъ проповѣдники въ городскихъ соборахъ.

Прекрасна цѣль, съ которою сельскимъ іереямъ вмѣнено въ обязанность проповѣдывать слово Божіе въ городскихъ соборахъ. Съ одной стороны — каждый праздникъ въ соборѣ должно возвѣщаться слово Божіе; съ другой — сельскіе іереи хоть разъ въ годъ освѣжать свою голову размышленіемъ и составленіемъ слова, хоть разъ въ годъ явятся тѣмъ, чѣмъ должны быть непрестанно, — провозвѣстниками истинъ евангельскихъ. Но и эта цѣль, какъ и все въ духовствѣ, превращена въ источникъ доходовъ.

Должность цензора проповѣдей, всегда и безъ исключенія, поручается не тому іерею въ городѣ, который отлпчается умомъ, хорошей жизнью и пониманіемъ дѣла проповѣди евангельской, а тому, который заплатитъ больше. Но, заплативъ, нужно выручить затраченные и съ барышомъ. И — вотъ о чемъ вся забота цензора, къ чему направлена вся его дѣятельность; самыя проповѣди — дѣло послѣднее для него. Такъ и понимаетъ это дѣло большинство сельскихъ іереевъ. Несетъ въ свое время оброкъ, и — спокойно. И прекрасно достигается прекрасная цѣль:

іереи платять, цензоры берутъ и въ свою очередь расплачиваются! —

И чего жь требовать отъ большинства сельскихъ іереевъ? Лѣтъ въ десять-двадцать живши въ деревнѣ до того они отвыкають отъ работы головой, что ужь не проповѣдь, а написать простую записку, письмо — для нихъ невыносимая тяжесть. Случается, нѣкоторые тщеславные; особенно изъ молодыхъ, еще хотять показать себя, и являются съ проповѣдью. И что жь это за чудь и чушь? Обыкновенно, это компиляція изъ нѣсколькихъ проповѣдей прошедшаго вѣка (— хоть бы списывали изъ проповѣдниковъ новѣйшихъ, не дерзая измѣнять ни слова! Но можно ли это сдѣлать? Сей-часъ узнають, что списалъ; а мы такъ подберемъ, что всякій скажетъ, что это наше; и ужь точно ихъ собственное!!), собранная, мѣстами дополненная и объясненная ими самими. Пусть слушаютъ и называются городскіе слушатели такими дивными проповѣдями! — Само собой разумѣется, что большая часть слушателей бѣгутъ изъ церкви при самомъ началѣ проповѣди; оставшіеся, съ досадой, съ скукой, съ отращеніемъ и къ проповѣднику, и къ самымъ проповѣдамъ, дожидаются конца. И какое послѣдствіе этого? Является послѣ полусотни подобныхъ проповѣдниковъ; пятьдесятъ первый — съ словомъ, вылившимся прямо изъ души, проникнутый всей теплотой вѣры, всей крѣпостью убѣжденія, съ искреннѣйшимъ желаніемъ передать свое убѣжденіе слушателямъ, и — его бѣгутъ, и его слушаютъ разсѣянно, безъ вниманія. Что слушать? Всѣ гиль несутъ, — таковъ обыкновенный отвѣтъ слушателей, когда упрекнуть ихъ въ невниманіи.

Бываетъ и хуже. Являются на кафедре такіе, которыхъ за недѣлю, за мѣсяцъ, видѣли въ кабацѣ,

въ трактирѣ въ томъ же городѣ. Бываютъ и еще хуже. Являются прямо изъ какой-нибудь лавочки, и, вполъяна, нечестивыми устами дерзають возвѣщать слово божественное. Удовлетворенные заранѣе цензоры, на всѣ подобныя вещи смотрятъ какъ на дѣло обыкновенное; а нерѣдко и сами поднесутъ чарну-другую ради смѣлости. Доносятъ лишь на тѣхъ, которые почему-либо или совсѣмъ не представляютъ денегъ, или представляютъ ихъ мало. Представить отлпчнѣйшую проповѣдь безъ денегъ, значить — заранѣе обречь ее на полное измараніе, часто съ нелѣпнѣйшими и бессмысленнѣйшими замѣчаніями цензора.

Нѣтъ, не такъ бы должно вестись это дѣло. Съ истребленіемъ зла — настоящихъ цензоровъ, и съ избраніемъ годныхъ и достойныхъ, строжайше подтвердить имъ: 1) допускать на кафедру лишь извѣстныхъ своею хорошею жизнію іереевъ; 2) позволять произнести лишь ту проповѣдь, которая могла бы заинтересовать, тронуть и убѣдить слушателей, да еще 3) часа два-три поучить проповѣдника, какъ произносить, чтобы онъ сказалъ проповѣдь, а не проболталъ, какъ болтаетъ его пономарь помилуй мя Боже. Пусть такихъ проповѣдей и такихъ проповѣдниковъ явится не больше десяти въ годъ; все жь лучше, чѣмъ сотни компиляторовъ и тысячи полупьяныхъ проповѣдниковъ. 4) Всѣ таковыя проповѣди доставлять въ концѣ года архіерею, чтобы онъ а) вѣрно и безошибочно могъ судить о степени образованности своей епархіи; б) зналъ лучшихъ іереевъ; в) награждалъ дѣльнѣйшихъ и поручалъ должности способнѣйшимъ и г) повѣрялъ самаго цензора. Но чтобы дѣлалъ все это самъ, и отнюдь не назначалъ комитетовъ. Лучшее средство — повести сквернѣйшимъ образомъ какое бы то ни было дѣло — учредить комитетъ и поручить ему это дѣло.

Были назначены у насъ комитеты для просмотра катихическихъ поученій и сужденій объ нихъ. Черезъ два-три года дѣйствій этихъ комитетовъ, набитыхъ бездарнѣйшими, пустѣйшими и завистливѣйшими іереями и протоіереями, тѣ катихизаторы, которые къ своимъ поученіямъ не могли или не хотѣли прилагать денегъ, бросили отсылать и самыя поученія, а иные бросили и самое дѣло. И къ чему посылать, заранѣе зная, что зависть и невѣжество все перечеркають, все перепачкають и втопчуть въ грязь самый усердный, самый благонамѣренный трудъ; а преосвященный, на основаніи ихъ сужденія, сдѣлаетъ оскорбительнѣйшій выговоръ, обиднѣйшія замѣчанія?

А чтобы избирать и цензоровъ, сколько возможно болѣе годныхъ и достойныхъ, то протоіереевъ и іереевъ каждаго города вызывать на очередь въ губернской городъ, гдѣ заставлятъ ихъ сказывать проповѣди, заранѣе собравши точныя свѣдѣнія объ ихъ поведеніи. Пусть достойнѣйшимъ цензорства онажется простой іерей, а не протоіерей, ему и поручить должность, потому что тутъ должно быть дѣло не въ званіи, а въ знаніи дѣла.

Но здѣсь, какъ и во всемъ, самое важное, самое главное — истребить взяточничество. Дѣло великое, одно изъ важнѣйшихъ въ Церкви Христовой, да ведется чисто и безукоризненно честно. Только при этомъ условіи слово Божіе будетъ проповѣдываться съ надеждой на успѣхъ.

НАГРАДЫ.

Всякій полезный трудъ требуетъ награды, — аксіома. Но это — аксіома вездѣ, кромѣ духовенства,

или точнѣе, кромѣ несчастныхъ іереевъ въ селахъ и уѣздныхъ городахъ; потому что архіереи и ихъ сателлиты всѣми силами стараются, чтобы это было аксіомой для нихъ, и проблеммой, когда дѣло касается бѣднаго блага духовенства. Когда заговорятъ объ награжденіяхъ ему, мудрые архипастыри обыкновенно отвѣчаютъ: „за чтожь награждать? Оно обязано трудиться, и ничего особенно — отличнаго не дѣлаетъ.“ Да Боже мой! А вы развѣ не обязаны трудиться? За чѣмъ же вы такъ алчете повышеій на лучшія епархіи и орденовъ? И чтожь такого, особенно отличнаго для Вѣры и Церкви православной дѣлаете вы, т. е. большая часть изъ васъ? — Вы служите (не чаще сельскихъ іереевъ) и больше или меньше усердно исправляете свои дѣла; и священникъ служить и лучше или хуже исправляетъ свои дѣла: не одинаковы ли права на награды, разумѣется, различныя?

Несчастные іереи! Вамъ даже отказываютъ въ правѣ на награды. Писецъ, подъячій, выгнанные изъ низшихъ классовъ училищъ за неспособность, пьянство, или буйство, имѣють право на чины, на знаки безпорочной службы, на орденъ Владимира за 35 службы; — вамъ однимъ отказано въ этомъ!

„Но какъ же отказано? Духовенство низшее получаетъ награды“ Правда получаетъ, но права получить не имѣетъ. Тамъ, гдѣ есть право, тамъ отказать въ награду, въ чемъ бы она ни состояла, не смѣють; тамъ назначены опредѣленные сроки для выслуги; пришелъ срокъ, и выслужившій не имѣетъ нужды ни молить о представленіи, ни платить за то деньги; онъ можетъ требовать: толи же въ духовенствѣ? Опредѣлены ли сроки для полученія награды? Знаетъ ли покрайней мѣрѣ священникъ, что послѣ

известныхъ лѣтъ службы честной и безпорочной онъ навѣрное получитъ какую-нибудь награду, безъ всякихъ съ своей стороны хлопотъ? Нѣтъ, ничего этого нѣтъ у насъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ, у насъ господствуетъ полный произволъ консисторіи: его же хочетъ милуетъ, и его же хочетъ казнить, — и награды іереямъ обратила въ продажу съ аукціона (особенно дешево продавались у насъ въ послѣднее время набедренники — рубля три-пять; и оттого почти вся молодежь, служившая года по два по три, увѣшена ими, тогда какъ прежде нужно было служить лѣтъ 15 и болѣе). А осмѣлся іерей потребовать заслуженнаго, такъ его такъ отдѣлаютъ за честолюбивое требованіе, что онъ и внукамъ закажетъ помышлять о чемъ-либо подобномъ.

„Но священникъ — служитель Бога вышняго; къ чему жъ ему награды земныя, отъ людей? Награда его въ небѣ — отъ Бога. „Такъ. Но священникъ, прежде чѣмъ священникъ, — человѣкъ; и логически ли будетъ воспрещать ему тѣ желанія и стремленія человѣческія, которыя не вредятъ ни его званію, ни его дѣлу? — Кромѣ того онъ, — для цѣлей святыихъ и небесныхъ, — однакоже служить людямъ; за что жъ бы онъ лишился награды отъ людей. Пустынника, величайшаго подвижника, награждать людямъ не за что; онъ заботится лишь объ одномъ себѣ; цѣль всѣхъ его подвиговъ — личная польза: — священникъ долженъ заботиться о спасеніи сотенъ людей; и его ли заботы, его ли труды не должны люди поощрять наградами? Притомъ если ужъ награды введены, то почему жъ время полученія ихъ не ограничить, не опредѣлить закономъ, и не воспретить аукціонную продажу ихъ?

„Сельскій іерей не дѣлаетъ ничего отличнаго.“ —

Да развѣ уже не отличное дѣло, если онъ, скованный самыми тяжкими нуждами, погруженный въ самое отвратительно-вонючее болото жизни, не потеряется и не падетъ? Развѣ не подвигъ, не величайшій подвигъ, остаться честнымъ и чистымъ въ чумной атмосферѣ — причетничества и люда православнаго? Подвигъ всякаго пустыннотителя безконечно легче, чѣмъ подвиги предлагающіе священнику; у того два врага — дѣволъ и плоть, священника, кромѣ этихъ враговъ, милліоны другихъ, о которыхъ пустынникъ знаетъ развѣ по слуху. Пустынникъ, послѣ сорока-лѣтнихъ изумительныхъ подвиговъ, страшно палъ, когда на одну только ночь оставили вблизи его дѣвицу, имъ же изцѣвленную; такъ — первое столкновеніе съ лицомъ изъ дѣйствительнаго міра погубило старца, отжившаго, казалось бы, для волненій и страстей. Въ какомъ же положеніи долженъ быть священникъ, съ утра до ночи сталкивающийся со всѣми лицами дѣйствительнаго міра? Въ какомъ состояніи долженъ быть его духъ, когда, на исповѣди, ему рассказываются такія вещи, отъ которыхъ холодъ проникаетъ въ кости, волосы на головѣ поднимаются къ верху, кровь останавливается въ жилахъ? И если священникъ, среди всего этого, сохранить себя чистымъ, — это не отличное дѣло? — А страшныя лишенія, на которыя осуждены — онъ, его жена, его дѣти послѣ безконечныхъ трудовъ, — если онъ переноситъ ихъ благодушно и терпѣливо, — все это, по вашему, мудрые и благонамѣренные пастыри, не подвиги, потому что вы не испытали ихъ, не имѣете ни малѣйшаго понятія объ нихъ, — и вамъ ли судить о значеніи ихъ? — О, безконечно было бы лучше, еслибъ вмѣсто академій, лишь надмевающихъ васъ, заставили бы васъ лѣтъ хоть по десяти пробыть сельскими священниками! Были-бъ вы и по

смирениѣ, и доступиѣ, и имѣли бы настоящее понятіе о дѣлахъ сельскихъ іереевъ, намущихъ теперь вамъ ничтожными; да и дѣло свое разумѣли бы получше!

„Не дѣлають ничего отличнаго.“ А вотъ этотъ архимандритъ, украшенный двумя орденами, что сдѣлалъ отличнаго? Развѣ то, что изобрѣлъ способъ прожить десять тысячъ въ годъ при всемъ готовомъ, что составляетъ первыя потребности жизни, совершенно одинокій и не удѣляя ни деньги бѣднымъ и сирымъ? Развѣ то, что разорилъ свой монастырь, на который смотритъ какъ на ферму? Развѣ то, что служить въ недѣлю разъ и ночи посвящаетъ на интимныя собесѣдованія съ барынями, запершись въ своемъ кабинетѣ? По истинѣ, великія и важныя заслуги, далеко превышающія тяжкую, страдальческую, мученическую дѣятельность священника! Какое сравненіе! Одинъ живетъ сибаритомъ; для прихотливаго вкуса его съ трудомъ угождаетъ лучший поваръ съ изысканнѣйшими блюдами, съ дорогими винами; для нѣжныхъ его членовъ никакія подушки не мягки, ни какіе ковры не эластичны (— и кто жъ это? кто? сынъ пономаря, вскормленный на рѣдкѣ и пустыхъ щахъ, валявшійся въ неисходной грязи; о Гетроча! И что будетъ дальше? До чего дойдетъ наконецъ?), глаза его не могутъ смотрѣть ни на что кромѣ серебра и брилліантовъ; дѣятельность его ограничивается прочтеніемъ N. газеты, или книжкой журнала, а лѣтомъ разнообразится прогулкой въ каретѣ въ ближайшую рощу, или оплатой полуночныхъ визитовъ барынямъ и т. под. — Другой — въ самомъ кровавомъ потѣ лица приобретаетъ себѣ хлѣбъ; довольствуется въ средствахъ жизни тѣмъ, что нужно для всякаго крестьянина; не смотря на то, что долженъ удовлетворять безконечнымъ требованіямъ

своихъ прихожанъ, часто весьма прихотливымъ и неразумнымъ; — въ бурю, вьюгу, въ полночь, при 25. мороза, на клятвѣ, долженъ ѣздить въ деревни верстъ за 5—10, нерѣдко послѣ цѣлодневныхъ самыхъ убійственныхъ трудовъ и пр. и пр. и пр. — Какъ же не награждать перваго? Живетъ отлично! И за что награждать втораго? Ничего отличнаго не дѣлаетъ! „Но чѣмъ же и утѣшить себя монаху, — отвѣтилъ одинъ архипастырь — знаменитость, когда спросили его, какъ онъ позволяетъ своему vicarю ѣздить на орловскихъ рысакѣхъ и пр., — какъ не хорошимъ столомъ, да не орловскими рысакѣми? (монаху!! такія утѣшенія!! — Впрочемъ такой отвѣтъ не удивителенъ изъ устъ архипастыря, который позволяетъ своему намѣстнику еще и не такія утѣшенія), священникъ можетъ развлечься семействомъ, а монахъ вѣдь не имѣетъ ни жены, ни дѣтей.“ Не имѣетъ? Не имѣютъ! А для священника чудное развлеченіе что у него нѣтъ ни средствъ ни возможности воспитать своихъ дѣтей какъ бы ему хотѣлось; сдѣлать изъ нихъ людей, а не сельскихъ поповъ и, отчего спаси Господи всякаго, не монаховъ! Не даромъ же отъ такого развлеченія такъ часто льются у него слезы, всей горечи которыхъ не въ состояніи понять всѣ доктора богословія.

„Но этотъ архимандритъ былъ въ академіи, а священникъ только окончилъ семинарскій курсъ.“ По истинѣ безконечная заслуга быть въ академіи, и даже сдѣлаться магистромъ! Важное благодѣяніе для Православія — зубрить четыре года самодѣльные курсы философіи и иныхъ мудростей; дѣлать компіляціи, и даже просто переводы, подъ громкимъ названіемъ разсужденій, и по выходѣ изъ академіи, усноковаться на лаврахъ при многихъ тысячахъ годового

доходу! Чудная заслуга, достойная всякъ награды!
„Быль въ академіи.“

Но еще какой особенной услугой Церкви заплатил онъ за то, что истреблялъ казенный хлѣбъ да таскалъ казенную одежду? — Такъ за это магистерскій крестъ съ пансіономъ: — пансіонъ на всю жизнь за четыре года зубренія, — да это такая роскошная награда, какой въ цѣломъ свѣтѣ ни одинъ университетъ не даетъ! Чего же хотѣтъ еще? „Быль въ академіи,“ — ну, такъ доказывай словомъ, дѣломъ, писаніемъ (и чего удобнѣе? всѣ средства для этого! не то что у накого-нибудь священника, которому подь — часъ и бумаги купить не на что), что ты дѣйствительно вкусилъ отъ академической мудрости, и — тогда Господь съ тобой, получай ордена, хоть и тысячныхъ бы доходовъ за это довольно; — а то умѣть и знать только подписывать: архимандритъ и кавалеръ! — И какое образцовое безсмысліе въ этомъ, какъ и во всякъ учрежденіяхъ православнаго духовенства! Магистръ, докторъ университета можетъ умереть съ голоду, если не имѣетъ родоваго имѣнія, или не примется за тяжкую работу головой; какой-нибудь магистръ академіи, большею частію необразованнѣйшее существо въ мірѣ, сейчасъ же по окончаніи курса уже обезпеченъ пансіономъ на цѣлую жизнь. Профессоръ университета убійственнымъ двадцатипятинымъ трудомъ можетъ обезпечить свою старость; монахъ лѣтъ черезъ 5—10 по выходѣ изъ академіи (большею частію и магистерство — то дается за поступленіе въ монашество; а ужъ если и при этомъ не дано оно, то значитъ хорошъ былъ студентъ) получаетъ ферму (монастырь) нерѣдко съ доходами, какихъ ни одному доктору и *Triusys juris*, или иначе чего, не видать въ цѣлую жизнь и предается всѣмъ

наслажденіямъ жизни безъ малѣйшаго опасенія — подвергнуться за то чему-либо; потому что архіерей монахъ же въ Синодѣ — монахи же, и всегда вытаскать изъ всякой бѣды своего единоплемленно-черноножаго, развѣ ужъ онъ начудесить что-либо такое, чего никакой черной мантией не скроешь . . . О Русь, Русь, Русь! только въ тебѣ могутъ совершаться подобыя чудеса!

„Но сельскіе іереи такъ дурно ведутъ себя что не заслуживаютъ награды.“ Согласно, если угодно, съ этимъ. Однако же нѣкоторые получаютъ — какіе же именно? Да священники богатыхъ сель или бездѣтныя. Въ чемъ же особенныя заслуги ихъ предъ бѣдныя и многосемейными? Въ томъ, что у нихъ есть лишнія деньги! — „Не заслуживаютъ?!“ Да получаютъ — то именно тѣ, которые менѣе всего заслуживаютъ награды; а достойные не удостоиваются ихъ, потому что не ищутъ и не платятъ. — Не будемъ повторять, отъ чего и отъ кого такъ много недостойныхъ іереевъ по селамъ; введите хоть въ наградахъ то строгій и безукоризненно честный порядокъ, и это одно заставитъ многихъ безпорядочныхъ іереевъ обратиться къ жизни порядочной. Теперь каждый знаетъ, что будь онъ предостойнъ, и въ цѣлую жизнь не получитъ ничего, если не купитъ; будь пренедостойнъ, и навѣрно, за исправный платежъ, преисправно будетъ получать награды; — и первый не рачитъ о себѣ, и второй не заботится объ исправленіи себя. Награждайте же лишь достойныхъ, безъ поборовъ и притязаній. тогда увидите, какая перемѣна послѣдуетъ въ сельскихъ іереяхъ. Если не сознаніе долга, то хоть честолюбіе заставитъ многихъ одуматься, и вести себя и дѣйствовать, какъ лично іерею. Великое дѣло — поощреніе справед-

ливое и разумное! И малосильнаго дѣлаетъ силы, — словомъ, нерѣдко дѣлаетъ чудеса. А вы, такъ безумно щедры на наказанія, не хотите воспользоваться и этимъ средствомъ, какъ и нѣкимъ, къ улучшенію сельскаго духовенства, и послѣ этого жалуетесь, что нѣтъ силъ исправить его!... И вы осмѣливаетесь жаловаться, награждая какого-нибудь благочиннаго; отъявленнѣйшаго негодяя, т. е. поощряя его, и ему подобныхъ, на все дурное!! — Боже мой и Господи!

А и случится какимъ-нибудь чудомъ, что дадутъ награду бѣдному, такъ она вмѣсто наказанія ему. Вездѣ награды присылаются на мѣсто жительства награжденному. У насъ непременно вызываютъ его къ архіерею; — за чѣмъ? За тѣмъ, чтобы онъ расплатился съ архіерейскою и консисторскою сволочью. И спаша Господи, если онъ заплатитъ мало (можетъ или нѣтъ больше, — на это и вниманія не обращаютъ: займи, укради, гдѣ хочешь возьми, а расплатись щедро); получивъ награду, онъ вытерпитъ въ самомъ присутствіи консисторіи такую бесстыдную, площадную брань, столько выслушаетъ угрозъ, что готовъ бы проклинать и самую награду. И угрозы — не пустыя слова: при первомъ случаѣ приводятся въ исполненіе; изъ-за сущихъ пустяковъ онъ терпитъ жесточайше оскорбленіе и даже наказаніе, чего никогда не случилось бы, если бъ не постигло его несчастіе побывать въ консистріи для полученія награды.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Но довольно! Нужно быть безконечнымъ, чтобы описать все.

И это писали съ невыносимою болью сердца. Не разъ перо выпадало изъ рукъ нашихъ, когда дѣло шло о томъ что есть, хотя по возможности мы вездѣ старались смягчить горькую истину. Даже мы приступали къ этому дѣлу послѣ страшной двухлѣтней борьбы съ самими собой. Съ одной стороны: всегда всю душу нашу возмущало положеніе (и какого жъ истиннаго христіанина не возмутитъ оно?), до котораго дошло духовенство, особенно низшее; что можетъ быть ниже, позорнѣе этого положенія? Вездѣ, отъ великолѣннѣйшихъ гостинныхъ до курныхъ избъ, клеймятъ его злейшими насмѣшками, словами глубочайшаго презрѣнія, неодолимаго отвращенія; самые снисходительные отзываются объ немъ съ состраданіемъ, или толчатъ, когда его росписываютъ. Ужасное положеніе! — Съ мыслью о такомъ положеніи у насъ всегда было неразлучно сильнѣйшее желаніе, чтобы духовенство, такъ или иначе, вырвалось изъ него; поняло ту чудно высокую цѣль, для которой учреждено оно на землѣ; стремилось къ достиженію этой цѣли по мѣрѣ силъ и возможности; словомъ, сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ должно быть. И это желаніе заставляло насъ описать, если не все, то большую часть

зло въ духовенствѣ; указать на причины его, указать и на средства, какими, по крайнему нашему разумѣнію и убѣжденію, можно до нѣкоторой степени истребить его. Съ другой: — насъ всегда останавливала боязнь: поймутъ ли, т. е. захотятъ ли понять цѣль нашей записки? Не раздражитъ ли она тѣхъ, которые, съ сознаниемъ или безъ признанія, довели духовенство низшее до этого положенія? А вслѣдствіе этого, вмѣсто пользы не принесетъ ли она еще вредъ для него? Не обрушится ли на него мщеніе жестокое, неумолимое, которое со всѣмъ задавитъ его?

Но нѣтъ, сказали мы наконецъ себѣ, — добро еще не умерло на землѣ; люда добра, въ высшемъ значеніи этого слова, есть въ мірѣ; иначе міръ погибъ бы, какъ пять несчастныхъ городовъ. Нѣтъ сомнѣній, что тѣ, которые узнаютъ себя въ представленныхъ нами чертахъ, назовутъ наши слова хулой, нелѣпостью, злонамѣреннымъ памфлетомъ; а на насъ, если Господь попуститъ, сподвигнутъ люди и старцы и книжники, и нападеши восхотятъ насъ, приведутъ на сонмище, поставятъ свидѣтели ложныя глаголющія, яко человекъ сей не престаеи глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе (консисторіи) и законъ да, непремѣнно снажутъ: дерзнувшій высказать правду о консисторіи подрываетъ вѣру и законъ въ самомъ основаніи; синагога и законъ, консисторія и вѣра, по мнѣнію фарисеевъ и книжниковъ всѣхъ временъ, единое-нераздѣльное; и все, что ни дѣлается въ консисторіи, дѣлается во имя вѣры и закона Христова... Консисторія и вѣра! — О какія несочетаваемыя, на самомъ дѣлѣ, слова! Все равно, что свѣтъ и тьма, рай и адъ, Христосъ и Велиалъ!..). Слышахомъ бо его глаголюща, яко нужно разорити мѣсто

сіе, и измѣнить обычаи, яже предаша намъ лѣта древнія. И распышутся сердца своими, и заскрежещуть зубы на ны, возопіють же гласомъ велиимъ, заткнуть уши свои, и устремятся единодушно на ны, и изведеши въ градъ, въ грозный примѣръ другимъ, казнить насъ... Такъ будетъ, если наша записка попадетъ въ ихъ руки. Но, быть можетъ, она попадетъ въ руки людей добра (не ужели Господь, видящій какиимъ всепожирающимъ огнемъ любви горитъ вся душа наша къ Церкви Православной, ко всему, что можетъ служить для ея блага, для ея славы, попуститъ, чтобы записка наша пошла въ руки первыхъ?) о, тогда и наша записка принесетъ хоть зерно добра! Безъ предубѣжденія, безъ озлобленія прочтутъ они нашу записку; безпристрастно сдѣлаютъ повѣрку всему, высказанному нами, если сами не видѣли и не слышали того жъ, что впрочемъ невѣроятно; и неопустятъ а, быть можетъ, даже поищутъ случай быть полезными для низшаго духовенства...

Коренное преобразование для всего духовенства необходимо. Надѣмся, что съ этимъ согласится всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе прочесть записку нашу. Но оно можетъ совершиться лишь могучей рукой? Державнаго. Заслуживаетъ ли духовенство того, чтобы подвигнуть къ дѣйствию эту руку? т. е. на столько ли оно полезна и нужно въ государствѣ, чтобы единый Державный соблаговолилъ обратить на это вниманіе? — Вотъ вопросъ!!! — Отъ рѣшенія его зависить вся будущая судьба духовенства, т. е. возникнутъ ли ему къ жизни новой свѣтлой и благотворной, или догнивать въ тлѣтворномъ болотѣ...

Мы не осмѣливаемся дать полный отвѣтъ на этотъ вопросъ; а дерзнемъ высказать одну только мысль.

Одно изъ двухъ: духовенство нужно или нѣтъ въ государствѣ. — Не нужно? Пусть уничтожатъ его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ обществѣ, какъ и въ организмѣ челоуѣка, все ненужное вредно; слѣдовательно, чтобы организмъ былъ здоровъ, а общество устроено на прочныхъ основаніяхъ и вполне благодествовало, все вредное должно быть изгнано, уничтожено. — Нужно? такъ пусть опредѣляютъ мѣру и степень его нужды; за тѣмъ ясно, точно, положительно опредѣляютъ условія его существованія; избавить его во всемъ отъ произвола челоуѣческаго; дадутъ ему средства и возможность достигать той цѣли, съ какою оно допущено въ государствѣ. Послѣ всего этого уже пусть строго требуютъ, чтобы оно ни на шагъ не уклонялось отъ своей цѣли. Но сдѣлать все это нужно немедленно. Зло не то, что добро; быстро растеть оно и развивается. Мы видѣли до какихъ страшныхъ размѣровъ дошло оно въ духовенствѣ. Ждать ли же, когда оно своей смертоносной атмосферой заразитъ все и всѣхъ. Въ физическихъ болѣзняхъ не рѣдко часъ опредѣляетъ — ожить или погибнуть больному. Нѣчто подобное бываетъ и въ нравственныхъ. И въ нихъ какъ будто есть кризисъ: не поспѣетъ благодѣтельная рука во время, — все погибло; никакія усилія, ни чьи силы не воззовутъ къ жизни погибшихъ нравственно, — будетъ ли то единица, или будутъ тысячи единицъ, т. е. цѣлое сословіе, или миллионы единицъ — т. е. цѣлое государство. —

Считаемъ нужнымъ еще разъ объяснить, что мы, описывая сельское духовенство, имѣли въ виду лишь большинство іереевъ, а отнюдь не всѣхъ. Найдутся

іереи вполне достойные званія своего, которыхъ никакой стороною не касается описаніе наше; найдутся такіе, которыхъ описаніе нише касается лишь нѣкоторыми сторонами; и къ несчастію, найдутся и такіе, которые хуже нашего и ниже всякаго описанія. Выразимъ эти четыре разряда цифрами, разумѣтся приблизительно. Изъ ста-такихъ, какъ мы описали 70; лучшихъ 5; среднихъ 20; худшихъ 5. —

... Поле полно костей челоуѣческихъ... и се сухи зѣло. —

Дерзнемъ спросить Тебя, Господи! оживутъ ли кости сія?

Дождемся ли мы этой свѣтлой, чудной радости, что устами Христа своего Ты изрѣчешь костемъ смръ: се азъ введу въ васъ духъ животень... и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и цвѣсте, яко азъ есмь Господь? —

О, вѣруемъ, несомнѣнно вѣруемъ, что это будетъ! Проречеть Помазанникъ Божій на мертвыхъ сія, и — увидеть духъ жизни, и оживутъ, и станутъ на ногахъ своихъ, — соборъ многъ зѣло...

И соборъ многъ зѣло, воззванный къ жизни, посвятить всю ее на пламеннѣйшія моленія за своего животворца — Помазанника Божія и за все его дарственное семейство и за его Державу.

И соборъ многъ зѣло тамъ — въ странѣ вѣчной жизни, предъ престоломъ Царя Царствующихъ, крѣпкимъ гласомъ воскликнетъ имя того Царя земли Русской, который совершилъ то, чего не было сдѣлано со временъ Равноапостольнаго Князя Владиміра, — извелъ изъ тьмы и сѣни смертной тѣхъ которые, другихъ должны вести къ пренебесному свѣту...

ДОПОЛНЕНИЯ.

I. Иереи уѣздныхъ городовъ.

Положеніе іереевъ въ уѣздныхъ городахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, еще хуже положенія сельскихъ іереевъ. Купецъ, мѣщанинъ — тотъ же крестьянинъ по степени разумѣнія и пониманія вещей; но съ требованіями неслѣдственными и безстыднѣйшими чѣмъ сами баре — уѣздные аристократы. Крестьянинъ забывается передъ священникомъ; купецъ всегда видитъ въ немъ нѣчто среднее между работникомъ своимъ и нищимъ (безъ малѣйшаго преувеличенія); такъ и обращается. Съ одной стороны — онъ бесовѣстно-нагло требуетъ отъ него всякихъ послугъ, весьма нерѣдко противозаконныхъ; съ другой — съ негодованіемъ и презрѣніемъ кидаетъ, или даже высылаетъ съ работникомъ какую-нибудь мелочь. Поэтому, іерей въ городѣ больше задавленъ и убитъ, чѣмъ іерей въ деревнѣ. Правда, онъ не ломитъ работу; но сваянй согласитя, что легче ломитъ наную угодно работу, чѣмъ ухаживать за каждымъ мѣщаниномъ, подъячмъ, пресмыкаться предъ купцами; живетъ онъ почище (это-то вѣроятно и заставило думать мудрыхъ и внимательныхъ архипастырей нашихъ, что іереи уѣздныхъ городовъ все богачи; — богачи! —

посмотрѣли бы на это богатство, по милости котораго весьма нерѣдко у городскаго іерея нѣтъ возможности купить заразъ два-три пуда муки ржавой —); но нужды и лижды и лишній терпнть еще больше, потому что жизнь въ городѣ дороже.

Но въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ много выше сельскаго іерея. Необходимость почти каждодневной службы заставляетъ его быть трезвымъ. Желаніе, хоть чѣмъ-нибудь дѣйствовать на прихожанъ, заставляетъ его нерѣдко говорить проповѣди. А для этого большую часть времени онъ одетъ чтенію и размышленію. Вообще городской іерей, преданный грубымъ порокамъ, явленіе не часто повторяющееся.

Что до отношеній его къ архіерею, консисторіи и т. п., то они совершенно тѣже, что и у сельскаго іерея.

Необходимость — поставить городскаго іерея въ положеніе возможно — независимое отъ безстыднаго и невыносимаго деспотизма прихожанъ, обезпечить его хотя въ главныхъ потребностяхъ жизни, чтобы онъ не стоялъ по цѣлому часу съ открытой головой передъ прихожанномъ изъ-за пуда муки, изъ-за фунта свѣчь, — особенно, если къ несчастію онъ имѣетъ большое семейство, — еще важнѣе, еще настоятельнѣе, чѣмъ даже для сельскихъ іереевъ. Торговля и промыслы рѣшительно во всѣхъ городахъ быстро надаютъ. Капиталисты-милліонеры у насъ преданіе, которому и вѣрится съ трудомъ. Отъ этого и тѣ средства, которыми пользовались іерей прежде, средства, добываемыя съ такимъ трудомъ и уничиженіемъ, уменьшаются съ каждымъ годомъ. А наглость и безстыдство прихожанъ растутъ соразмѣрно съ обѣдненіемъ іерея. „Не дамъ тебѣ, такъ издохнешъ съ

голоду какъ собана,“ — весьма нерѣдко говоритъ какой-нибудь купецъ, требуя отъ своего іерея чего — либо рѣшительно неисполнимаго для іерея честнаго (напр. обвинять въ родствѣ, или несовершеннолѣтнихъ и т. п.). И что жь? — Перспектива — умереть съ голоду, неизбежная на дѣлѣ, потому что у городского іерея, кромѣ доходовъ, иныхъ средствъ жизни рѣшительно нѣтъ никакихъ, заставляетъ его дѣлать подлость, до которой онъ никогда не дошелъ бы, еслибъ имѣлъ хоть самое нужное для жизни вѣрное, независимое отъ этихъ вандаловъ.

О нищета, нищета! сколько ихъ іереевъ достойнѣйшихъ сгубала ты!!..

Не понятю одно: почему въ проектѣ объ улучшеніи быта духовенства, забыты именно тѣ, которымъ скорѣе всѣхъ необходимо это, — полунищія, готовые дойти до совершенной нищеты — іереи узднскихъ городовъ?

II. Еще нѣсколько словъ о семинарскомъ образованіи*)

Семинарское ученіе, отвращая умы молодежи отъ всѣхъ основательныхъ и полезныхъ свѣденій сообщая имъ лишь наружное, по верхностное познание предметовъ рѣшительно не нужныхъ для жизни дѣйствительной, внушаетъ желанія, нисколько несообразныя съ тѣмъ положеніемъ въ обществѣ, въ которое должны вступить они по выходѣ изъ семи-

*) Изъ особенной, приготовляемой нами, записки о томъ, каково теперь и какимъ должно быть семинарское образованіе чтобы вполне соответствовало цѣли — готовить достойныхъ іереевъ. —

наріи, и ведетъ такимъ образомъ, чрезъ длинный рядъ несбывующихся мечтаній, души пылкія къ отчаянію, души низкія къ грубѣйшимъ порокамъ, души обыкновенныя къ подлостямъ исканія и пресмыкательствъ. Тѣхъ, у которыхъ больше твердости, и не поддаются ни подъ одну изъ этихъ жалкихъ категорій — тѣ продолжительными и тяжкими уроками дѣйствительной жизни, должны искупать оболъженія, порожденные въ нихъ блестящими и пустѣйшими занятіями составляющими такъ называемое семинарское образованіе. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что студенту, кончившему курсъ въ семинаріи, много лѣтъ нужно разучиваться всѣмъ ложнымъ понятіямъ, стряхнуть съ себя нелѣпѣйшіе предрасудки и отказаться отъ смѣшныхъ притязаній, которымъ научился въ семинаріи у своихъ наставниковъ старавшихся не столько сдѣлать изъ него человѣка, сколько, въ угоду своей профессорской суетности, приучить къ наружному блеску и безобразнѣйшему тщеславію.

Такая система образованія была понятна въ XVII. вѣкѣ, когда отъ образованія требовали только наружнаго блеска, — средства, чѣмъ-нибудь отличиться отъ толпы. — Цѣль эта тогда вполне достигалась. Ученикъ семинаріи, въ продолженіи 10—15 лѣтъ, добившись умѣнья составлять на языкѣ Горазія и Виргилія нелѣпѣйшія вирши, разсуждать на языкѣ Цицерона de omni re scibili, не зная надлежащимъ образомъ ни одной, et quibusdam aliis, считался чудомъ образованности, схватившимъ всю мудрость человѣческую и проглотившимъ всѣ науки... Но оставить безъ всякаго измѣненія съ XVII. вѣка до настоящаго времени такое образованіе, — это, или величайшее безуміе, или крайнѣйшая злонамѣренность тѣхъ, которые заправляютъ у насъ этимъ великимъ дѣломъ.

Какъ, казалось бы, не видѣть, что въ настоящее время отъ науки требуется не блескъ, а дѣло; отъ знанія — не цвѣты, а плоды? Какъ не понимать, когда всѣ поняли, сознали, кричатъ во всеуслышаніе, что образованность та истинная, настоящая, та должна быть допущена въ цивилизованномъ обществѣ, которая можетъ быть приложена къ жизни, которая приготовляетъ человѣка — жить не на счетъ другихъ, быть не бременемъ для общества, а въ самомъ себѣ находить силы и средства — удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? — Силы для этого всѣмъ даны Господомъ. Вотъ ихъ-то развить, направить къ добру, — вотъ образованность истинная! —

III. Жалованье іереевъ.

Всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе прочесть нашу записку, согласится, увѣрены мы, что духовенству жалованье необходимо, до того необходимо, что безъ него оно никогда, никакими средствами и усиліями не будетъ въ возможности — соответствовать цѣли назначенія своего. Но какое жалованье положить іереевъ уѣздныхъ городовъ и сель? Чѣмъ ограничить его, чтобы оно не было ни слишкомъ велико, ни слишкомъ мало; не вовлекло его въ тѣ крайности, въ которыя вовлекаетъ излишество, и не заставило по прежнему прилѣгать къ доходамъ, достойнымъ всѣхъ проклятій всѣхъ благомыслящихъ людей? — Посмотримъ сначала, какъ это дѣлается въ иныхъ земляхъ.

„Католическое духовенство во Франціи въ настоящее время получаетъ различное жалованье, смотря по мѣсту служенія и по степени, которую извѣстное лице занимаетъ въ іерархіи: простые священники въ

большихъ городахъ получаютъ отъ казны 385 р. сер. въ годъ, другіе по 300 р. сер., а деревенскіе по 212 р. сер.; послѣднимъ община прибавляетъ еще отъ 25 до 38 р. сер. за разныя требы. Такимъ образомъ положеніе низшаго духовенства во Франціи не блистательно.“*)

Положеніе не блистательно! И однако жъ у нихъ нѣтъ семействъ; имъ нѣтъ нужды воспитывать сыновей; отдавать за мужъ дочерей и т. п.; помѣщеніе у нихъ казенное; консисторіи ихъ не грабятъ, благочинные — то же и пр. и пр. Каково же должно быть положеніе нашего низшаго духовенства? —

Правда у насъ предположено обезпечить ихъ жалованьемъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже получается. Въ одной изъ такихъ губерній мы были въ недавнее время и — осмѣлимся высказать правду — не замѣтили, чтобы оно измѣнило отношенія между священникомъ и прихожаниномъ: тѣ жъ ненавистные поборы, что были и прежде, тожь духовное разединеніе между пастырями и пасомыми, что было и всегда. — Какая жъ причина того, что и самое обезпеченіе духовенства не достигаетъ своей цѣли?

Жалованье сельскому духовенству назначается, сообразно съ числомъ душъ прихода 100—200 р. — Что сказать о такомъ назначеніи? Прежде всего, то, что оно непременно должно быть составлено монахами. Только въ нихъ, цѣлкомъ проглотившихъ всю человѣческую мудрость, можетъ быть такое полное отсутствіе здраваго смысла, такое рѣшительное непониманіе потребностей житейскихъ, такое глубокое невѣжество въ знаніи хозяйственной географіи обширной Руси, только въ нихъ и ни въ комъ больше.

*) Эконом. Указ. 58 г. N. 10, стр. 240.

Всякій крестьянинъ, мало мальски толковый, въ милліонъ разъ умнѣе и сообразнѣе съ цѣлю устроилъ бы это дѣло. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ, какъ и во всемъ, въ полномъ свѣтѣ обнаружилась та нелѣпая самонадѣянность, то бессмысленное тщеславіе, которыя ни какъ не позволяютъ обратиться за совѣтомъ къ тѣмъ, кого это дѣло прямо касается и по которымъ всѣ свои рѣшенія они считаютъ непогрѣшимыми.

Кто, съ однимъ простымъ здравымъ смысломъ, не скажетъ, что при назначеніи жалованья іерею чиновнику, кому угодно прежде всего нужно сообразоваться съ мѣстнымъ положеніемъ ихъ? Одно ли значеніе имѣютъ одни и тѣ же сто рублей: въ губерніяхъ внутреннихъ, восточныхъ, въ Украйнѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Сибири? Въ одномъ мѣстѣ, при чрезвычайной дешевизнѣ жизненныхъ потребностей, на нихъ можно жить въ достаткѣ; въ другомъ, — что значать эти сто рублей напр. въ Тверской, Владимірской и еще болѣе въ Смоленской губерніяхъ?

Распредѣлить жалованье по числу душъ прихода, по-видимому, тутъ есть здравый смыслъ; кому больше труда тому больше и жалованья. А въ сущности дѣла и тутъ мало справедливости. Трудиться каждый долженъ. „На трудъ рожденъ человекъ,“ сказалъ праведный Іовъ. А если кого больше касается это изрѣченіе, такъ священника. Прямое его назначеніе — трудъ. Слѣдовательно, великъ ли малъ ли приходъ, — дѣло не въ томъ. Тамъ и здѣсь священникъ долженъ отдавать все свое время прихожанамъ. Въ маломъ приходѣ количество труда должно вознаграждаться качествомъ. Этимъ уравнивается дѣло всѣхъ іереевъ. И жалованье назначается не какъ награда за трудъ, а какъ обезпеченіе, которое избавило бы его отъ необходи-

мости прибѣгать для пріискиванія средствъ жизни — къ средствамъ позорнымъ для его служенія. Кто больше трудится съ видимой пользой, для того должны быть иныя награды, а не кусокъ хлѣба. Иначе, священникъ будетъ ни больше ни меньше — поденщикъ и худшимъ изъ поденщиковъ, — работающимъ изъ хлѣба. Нѣтъ — жалованье должно быть назначено сообразно съ семействомъ: — бездѣтному одно, малосемейному другое, многосемейному иное. Все это будетъ сообразно съ здравымъ смысломъ, съ разсудкомъ, словомъ — съ чѣмъ угодно, т. е. будетъ справедливо.

Но возможно ли сдѣлать это? Значитъ, для каждаго семейства должно быть особенное жалованье? — Вовсе не такъ трудно, какъ кажется. Въ Ноябрѣ каждаго года благочинный представить вѣдомость консисторіи о наличномъ числѣ іереевъ и семействъ ихъ. Консисторія, по таксъ однажды составленной, высылаетъ ему для раздачи всю сумму, — вотъ и все дѣло! Скажутъ: по этому за каждый годъ пужно особенное назначеніе отъ Правительства суммъ на каждую губернію? — Нисколько. Число штатныхъ іереевъ опредѣлено уже; слѣдовательно оно всегда останется неизмѣннымъ. Число дѣтей ихъ — въ одинъ годъ больше, въ другой меньше; слѣдовательно, общій расчетъ долженъ быть, какъ и вездѣ дѣлается, по десятилѣтней сложности. А тѣмъ, которые и послѣ сказаннаго нами будутъ считать это дѣло невозможнымъ, мы укажемъ на примѣръ пайковъ солдатскихъ, — выдаютъ же ихъ отставнымъ солдатамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ и порядкомъ идетъ дѣло; да тамъ еще и труднѣе, потому что предметы выдачи разнообразны; — почему же бы это было невозможно у насъ, когда будутъ выдаваться одни деньги? —

Отъ этой мѣры, справедливой какъ нельзя болѣе, было бы много послѣдствій, и самыхъ благотворныхъ. Между іереями уничтожится зависть, такъ постыдно разъединяющая ихъ теперь. Всѣ они, по возможности, будутъ уравнины, и завидовать будетъ нечего. Теперь священники весьма не рѣдко мечутся съ одного мѣста на другое, иные отъ крайней необходимости, другіе просто отъ прихоти. Тогда не будетъ имъ ни повода ни нужды бѣгать изъ одного мѣста въ другое, и вездѣ быть бесполезными; потому что они не успѣваютъ узнать ни нужды своихъ приходоу, ни средствъ удовлетвореній ихъ. Тогда и самое начальство избавится отъ излишнихъ дѣлъ, по случаю перемѣненія ихъ и пр. и пр.

Монахи положили, что священнику, каково бы ни было его семейство, довольно 100—200 р. — Изъ этого видно, что, кромѣ всего, они еще были и дѣти злые и не благодарные, объѣдали и изнуряли своихъ родителей, ни разу не подумавъ, не сообразивъ, что стоитъ каждый изъ нихъ училищный и семинарскій курсъ, ни разу совѣстливымъ, благонамѣреннымъ, сыновнимъ взглядомъ не проникнувъ во всѣ нужды, во всѣ лишения, среди которыхъ живутъ ихъ родители. Нѣтъ сомнѣнія, что, отправляясь каждый разъ въ семинарію, они заботились лишь о томъ, чтобы вытянуть изъ родителей какъ можно больше; а о томъ, какъ и чѣмъ будутъ жить на чисто обобранные родители, они ни разу не подумали. Именно такъ было, — хотъ допросить совѣсть каждаго изъ нихъ о прошедшемъ. Иначе, они не дерзнули бы, посоветовались бы сказать и опредѣлить, что іерею много семейному довольно въ годъ 100—200 р. Представимъ ихъ высокоумію расчетъ жизни такого священника.

Возьмемъ семейство, по числу лицъ его составляю-

щихъ, среднее; именно: священника съ женой, три сына и три дочери, — и того 8 человекъ. При такомъ семействѣ необходима работница, всего 9 человекъ. Предметы расходовъ означимъ самые необходимые; потребление и цѣнность вещей потребляемыхъ, возьмемъ — minimum:

	Руб.	Коп.
1. Муки ржаной 60 пуд.	27	—
2. Муки пшеничной 2. сорта 15 пуд.	18	—
3. Крупъ, соли, солоду и т. под.	20	—
4. Говядины, масла яицъ и т. под.	15	—
5. Свѣчь, масла деревян., мыла и т. под.	15	—
6. Дровъ 15 саж. по 2 р. 50 к за саж.	37	50
7. Ремонтъ стройки, печей, посуды, мебели и пр.	25	—
8. Для священника: 1 ряса, 1 подрясникъ*), 2 сап., 1 перч., шляпа и пр.	30	—
9. Для жены: 1 салонъ, 2 платья, 2 башм., платковъ и пр. и пр.	30	—
10. Трѣмъ дочерямъ на одежду, обувь и пр. и пр.	60	—
11. Работницѣ жалованья	15	—
12. Ей же на одежду, обувь и пр.	10	—
13. Покупка и содержаніе коровы	25	—
14. Прибавимъ расходы мелочные не предвидимые которыхъ нельзя означить съ точностью: на лѣкарство бумагу, нищимъ, погребщикамъ, пролубщикамъ и пр. и пр. Все это, каждое въ отдѣльности, бездѣлица; въ итогъ, по меньшей мѣрѣ	20	—
15. Прибавимъ на чай, сахаръ, водку, не для ежедневнаго употребленія, а на случай болѣзни кого-либо, на случай, если священникъ пріѣдетъ промокшій, продрогшій, и ради гостя	10	—
	Итого	397 50

*) Ряса и пр. не изнаются въ годъ; но нужна же и теплая одежда какъ для свѣщ. такъ и для жены. По этому на каждый годъ нужно положить по одной крупной одеждѣ.

На сыновей. Двое въ семинаріи.

	Руб.	Коп.
1. За квартиру, столъ по 4 р. въ мѣсяцъ съ каждаго; въ 10 учебныхъ мѣсяцевъ	80	—
2. Сюртукъ, шинель, обувь и пр. и пр. по 40 р. въ годъ на cadaго; обонмъ	80	—
3. На проѣзды въ годъ	25	—
4. На расходы мелочные: книги, бумагу, перья и пр. и пр.	8	—

Въ училищѣ для сына:

1. За 10 учебныхъ мѣсяцевъ, за квартиру, столъ и пр.	20	—
2. Сюртукъ, тулупъ, сапоги, брюки, картузь и пр. и пр.	15	—
3. На проѣзды въ годъ	10	—
4. На книги, бумагу, карандаши и пр. (о раз- бойничьихъ подаркахъ мы уже не гово- римъ)	4	—
5. Прибавимъ для всѣхъ на расходы не пре- двидимые, напр. на случай болѣзни	8	—

И того 350 50

Всего въ годъ для всего семейства необходимо: 647 50

И того 647 р. 50 к.! Какой же мудрѣйшій и опыт-
нѣйшій хозяинъ сведеть приходъ съ расходоми: жа-
лованьемъ въ 100, 150, 200 р. покроетъ всѣ нужды?

Питомые, яко овцы на закланіе, нѣкоторыя статьи
разходовъ могутъ назвать совершенно излишними, —
роскошью, какой никакъ не должно допустить въ быту
священника. Согласны. Священникъ — не монахъ;
можетъ обойтись безъ щей, шаши, пирога въ праздни-
чный день, и прочей тому подобной роскоши, и уничто-
жаемъ 2ю., 3ю. и 4ю. статьи (— 58 р.). Священникъ
— не монахъ, которому нужно 5—10 комнатъ; можетъ
съ семействомъ жить въ одной избѣ. Согласны.
Уменьшаемъ число дровъ на 10 сажень (— 12 р 50 к.).
Уничтожимъ еще 13 и 15ю. статьи, отзывающіяся

роскошью жизни (— 35 р.). Уничтожимъ, — по на-
жется уничтожать больше нечего; осталось лишь то,
чѣмъ и работникъ у крестьянина довольствоваться не
будетъ. Сколько же остается годового расхода? —
547 руб. — Отнимемъ у сыновей сто рублей, и они
не дѣти монаховъ; могутъ быть заранѣе полунищими;
остается 447 руб. Какъ тутъ быть священнику съ
жалованьемъ своимъ? Куда его потянуть и растя-
нуть? По неволѣ, и при жалованье, обратится къ
поборамъ, еслибъ даже и сознавалъ всю мерзость ихъ.
Такимъ образомъ жалованье, далеко несоразмѣрное
съ нуждами, никогда и никакъ не уничтожитъ побо-
ровъ. Послѣ этого къ чему-жъ оно? Какая польза въ
этихъ полумѣрахъ?

Вотъ, по самой строгой справедливости, сколько
должно быть назначено (minimum) жалованья для удо-
влетворенія существеннѣйшихъ потребностей жизни
іереямъ и ихъ семействамъ во внутреннихъ губер-
ніяхъ.

Священнику 100 р., женѣ его 80 р. — Надѣмся,
что эти цифры не покажутся слишкомъ великими,
когда скажемъ, что здѣсь хорошій работникъ беретъ
въ годъ не менѣе 60 р., на всеиъ готовомъ. И мы
назначаемъ священнику больше работника какихъ-ни-
будь 20—25 руб. — Кажется не много.

Сыновьямъ по 50 р., дочерямъ по 30 р. въ годъ со
дня рожденія. Конечно, пока они дѣти, на нихъ не
выйдетъ столько. Но сыновьямъ въ училищѣ только
что будетъ достаточно; въ семинаріи же потребуется
вдвое и болѣе; такъ во время дѣтства и будетъ скапли-
ваться необходимая, для пополненія послѣдующихъ
дефицитовъ, сумма. Точно также въ дѣтство дочерей
будетъ скапливаться сумма, необходимая для выдачи
ихъ въ замужество.

Но гдѣ взять столько суммъ?

Когда захотятъ устроить это дѣло, такъ и суммы найдутся. А если Правительству не угодно будетъ увеличить суммы, уже назначенныя и опредѣленныя, то почему же не ввести и у насъ того же, что дѣлается во Франціи, т. е. чтобы недостающее доплачивали сами приходы (— разъ въ годъ, а отнюдь не въ видѣ воздаянія за исповѣдь, причастіе и пр.) И у насъ еще удобнѣе это сдѣлать, чѣмъ гдѣ-либо. Пусть крестьянамъ отдадутъ земли, которыми теперь пользуются іереи, и они за то платятъ, — чтобы еще было легче, хоть даже натурой, напр. по 10 четвертей того и другого хлѣба, по 100 пудовъ сѣна, соломы и проч и проч.

IV. Необходимое объясненіе.

Въ запискѣ своей вездѣ, гдѣ только дѣло касалось монаховъ, мы отзывались нѣсколько жестко. Поэтому, имѣемъ основаніе опасаться, что насъ строго осудятъ за неуваженіе къ монашеству.

На насъ даже можетъ обрушиться мнѣніе болѣе существенное, — не смотря на то, что мы дерзнули и то не вѣсеуслышаніе (— да и кто услышалъ бы и послушалъ бы насъ!); а довѣрили ихъ лишь бумагѣ, которую едва ли еще и прочтеть кто. Вотъ почему мы сочли нужнымъ сдѣлать небольшое объясненіе.

Выражаясь жестко объ монахахъ, мы имѣли въ виду лишь нѣкоторыхъ, а отнюдь не всѣхъ, — тѣмъ менѣе самое монашество. Боже спаси и помилуй! Глубоко, душой и сердцемъ, чтимъ мы монашество; быть можетъ даже болѣе, чѣмъ большая часть изъ тѣхъ, которые украшаются этимъ именемъ. Чтимъ также и монаховъ истинныхъ; благоговѣемъ предъ именами Серафима и другихъ подвижниковъ Саров-

ской пустыни; благословляемъ Господа, читая письма Святогорца, Уманца и другихъ, что и въ наши дни не оскудѣваютъ праведники, своими дивными, вышечеловѣческими подвигами напоминающіе подвижниковъ пустынь Ливійскихъ, Египта и пр. Съ любовію заботливо вносимъ въ свою помянутую книгу — убогое наследіе дѣтямъ, на память и поученіе имъ, имена тѣхъ монаховъ, которые вблизи насъ, безвѣстно для людей (истинный монахъ всегда кроется въ какой-нибудь самой убогой пустыни и бѣжитъ лавръ и богатыхъ монастырей) вѣдомо для Бога; уссовершенствуются въ подвигахъ чистоты и святости; жадно пользуемся каждымъ случаемъ уловить и подмѣтить особенныя черты ихъ подвижнической жизни, услышать слово спасенія, добытое не изъ курсовъ риторикъ или философіи, а изъ безсонныхъ ночей, отданныхъ молитвѣ, изъ тяжкихъ для плоти челоуѣческой дней, проведенныхъ въ самомъ жестокомъ самоумерщвленіи.

Но монахъ — безъ призванія, а по цѣлямъ чисто челоуѣческимъ; но монахъ — лишь только по имени и по платью и нисколько по жизни; архимандритъ, добывающійся во чтобы ни стало архіерейства, а архіерей орденовъ и лучшихъ епархій; но монахъ, чтобы онъ ни былъ, старающійся выказывать въ себѣ вельможи-аристократа (что жъ послѣ этого обѣты, которые, давалъ онъ при вступленіи въ монашество? — игрушка, наутина, которую ничего не стоитъ разорвать?), но монахъ, подъ благовиднымъ предлогомъ управленія Церковію, присвоившій себѣ и всѣми силами удерживающій ни на чемъ неоснованное право: вмѣшиваться во всѣ дѣла духовенства бѣлаго (точно безъ этого и спасеніе его не возможно!) и пр. и пр. и пр., — о, да проститъ Отецъ Небесный! — о такомъ монахѣ мы не въ силахъ говорить хладнокровно...

Скажутъ: „и на высотѣ всѣхъ почестей архіерейства можно остаться истиннымъ монахомъ.“ — Кто жъ и говоритъ противъ этого? Мы, даже мы, внесли въ свою памятную книгу два-три имени такихъ архіереевъ; мы считаемъ не преложною обязанностию приносить каждый день усерднѣйшее моленіе Господу; до сохранить онъ ихъ на скользкомъ пути богатства и почестей; но крѣпко увѣрены мы, что они не искали возвышенія, таготяся имъ и при первой возможности бросать всѣ дѣла міра, чтобы работать единому Господу въ безмолвной келліи, невозмущаемомъ никакими дразгами, не избѣжными при епархіи. Но сколько такихъ ??? —

„Ученые — не монахи.“ Такъ ради Царя небеснаго, за чѣмъ же приняли вы этотъ высочій, ангельскій чинъ? На соблазнъ другимъ?! Чтобы вамъ, если чувствовали призваніе съ ученой жизни, сдѣлаться только профессорами! — Жалованье слишкомъ мало, положеніе слишкомъ скромно и не блестяще.“ — А, такъ вотъ оно что! Но послѣ этого мы имѣемъ полное право сомнѣваться, чтобы вы имѣли истинное призваніе и къ ученой жизни. Для человѣка съ такимъ призваніемъ — жалованы и влеченіе человеческой суетности — дѣло послѣднее; всего менѣе думаетъ онъ объ ихъ и нисколько не заботится; любитъ науку ради науки а не ради того, что она доставитъ ему возможность — разчѣзжать со временемъ на четверкѣ орловскихъ рысаковъ, имѣть лучшаго повара и пр. и пр. Истинно ученые мужи, сказалъ Баконъ, поставляютъ цѣлюю для себя не собственное счастье и величіе, но благо общее: они живутъ будучи убѣждены, что имъ всегда придется дать отчетъ Богу, царю и отечеству!“

Вообще монахъ, управляющій бѣлымъ духовен-

ствомъ, явленіе, по меньшей мѣрѣ, странное. Въ благоустроенномъ обществѣ каждый долженъ быть вѣренъ званію своему и отнюдь не выходить за черту его — вмѣшиваясь какимъ бы то ни было образомъ въ сферу, чуждую для него: монахъ долженъ знать келью, церковь и — ничего больше. Всѣ дѣла міра сего для него должны быть совершенно чужды, потому что онъ добровольно умеръ для нихъ, добровольно и безвозвратно далъ обѣты уединенія, безмолвія, нестяжательности и т. п. Управление за чертой монастыря, — уже не его дѣло. И безъ него найдется, кому управлять. Теперь не XV—XVIII. вв., когда ученость сосредоточивалась лишь въ монастыряхъ: изъ среды бѣлаго духовенства много, — ученыхъ умныхъ и образованныхъ не менѣе, если не болѣе, любого монаха. Да притомъ, чтобы управлять епархіей и обширной учености не нужно (управляютъ же и теперь и очень не далекіе въ науцѣ); добросовѣтность, благоразумная строгость, знаніе быта управляемыхъ (главное) важнѣе всѣхъ докторствъ. Прекрасные примѣры управления священниками, управленія истинно отеческаго и христіанскаго, мы видимъ въ лицѣ двоихъ оберъ-священниковъ. Мы видимъ, слышимъ, знаемъ, какъ благодушно обращаются они съ пасомыми; какъ внимательны они къ нуждамъ ихъ (не мудрено: сами они семейные люди и понимаютъ быть и нужды семейные, не то что монахи); какъ они поддерживаютъ, ободряютъ и награждаютъ іереевъ достойныхъ; какъ входятъ сами (и разбойничьихъ вертеповъ при нихъ нѣтъ) во всѣ проступки іереевъ недостойныхъ, и строго обсуждаютъ не только дѣйствія, но и поводы къ дѣйствіямъ (немудрено: знаютъ міръ и его соблазны), — такъ и судятъ . . . По отеческой милости ихъ, пасомые или іереи обезпечены жалованіемъ и пансіономъ;

семейства ихъ обезпечены; самихъ іереевъ не держаютъ, за 100—200 р. консисторской и архіерейской сволочи, не только лишитъ мѣста, но даже и перстомъ тронуть... Знаемъ все это, и спрашиваемъ: Боже и Господи, за что жъ мы такъ несчастны?! Служимъ мы еще больше, чѣмъ полковые іереи и — мы такъ страдаемъ тогда, какъ они ведутъ жизнь такъ спокойную для совѣсти, такъ мирную, не боясь ни секретарей консисторскихъ, ни иныхъ; даже и благочинные ихъ не грабятъ и вѣдомости исповѣдныя они отсылаютъ безъ малѣйшихъ приложений и пр. и пр. За что же, Господи, за какіе грѣхи? И доколу будемъ страдать? Ужели еще не пришло время, чтобы мы сдѣлались звѣномъ нужнымъ, и не только лишь тернимъ въ государствѣ; чтобы мы были проводниками въ низшіе слои общества Вѣры, преданности Церкви и Державному Престолу? — Силень Царь духомъ народа своего; но не становые и не исправники въ силахъ поднять духъ народа, а священники. Дайте же имъ средства, дайте имъ возможность, и прежде всего, избавьте ихъ отъ тѣхъ, которые держатъ ихъ во тьмѣ и сѣни смертной, и увидите, что будетъ!...

Одно, — дерзаемъ сказать, что нужно измѣнить это-иноземное, чуждое для слуха Русскаго и православнаго: оберъ. На что лучше: протопресвитеры? — А впрочемъ, на основаніи словъ апостола: подобаетъ епископу быти... единья жены мужу (1. Там. III, 2), они имѣютъ все право называться епископами. —

На тя, Господи, уповаемъ; да не постыдимся!!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи Русскаго Заграничнаго Сборника благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ немъ все что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако-жь условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе что находить въ немъ Монарха желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ
въ Парижѣ, rue Richelieu 67.